

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

17|86

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ имени Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

В Ы П У С К 17

Республиканский
межведомственный
научный
сборник

код экземпляра

302201

Основан в 1976 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЦА ШКОЛА»

1986

На основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства и практики его применения рассматриваются важнейшие уголовно-процессуальные категории (принципы процесса, система уголовно-процессуальных функций и субъектов), исследуются процессуальное положение личности и ее законных интересов, некоторые принципы развития доказательственного права и проблемы правосудности судебных решений.

Для научных работников, специалистов.

Редакционная коллегия: В. Я. Таций (отв. ред.), М. И. Бару (зам. отв. ред.), Ю. М. Грошевой (отв. секр.), М. И. Бажанов, В. М. Горшенев, Л. Я. Носко, Р. С. Павловский, А. А. Пушкин, И. Е. Серeda, Н. Н. Страхов, В. В. Штерн

Ответственные за выпуск профессора *В. М. Горшенев* и *Ю. М. Грошевой*

Адрес редакционной коллегии: 310024, Харьков-24, ул. Пушкинская, 77, юридический институт, тел. 40-41-01

Редакция общественно-политической литературы

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

ВЫПУСК 17

Редактор *И. И. Коновалова*
Художественный редактор *В. Е. Петренко*
Технический редактор *Л. Т. Ена*
Корректор *Л. А. Марченко*

Информ. бланк № 10343

Сдано в набор 04.02.86. Подп. в печать 14.03.86. БЦ 08580. Формат 60×90/16.
Бумага тип. № 1. Лит. гарн. Выс. печать. 8,5 печ. л. 8,75 кр.-отт.
9,8 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Изд. № 1397. Зак. 228. Цена 1 р. 40 к.

Издательство при Харьковском государственном университете
издательского объединения «Вища школа»
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

Харьковская городская типография № 16
310003, Харьков-3, ул. Университетская, 16

П $\frac{1203000000-032}{M226(04)-86}$ 452-86

© Издательское
объединение
«Вища школа», 1986

В. М. ГОРШЕНЕВ, д-р юрид. наук

Харьков

ТЕОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА КАК КОМПЛЕКСНОЕ НАУЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Теория юридического процесса представляет собой направление в общей теории социалистического права, в котором предпринята попытка дать унифицированную и обобщенную характеристику многим разновидностям юридической практики как комплексной системы, интегративную картину категориального арсенала, понятийного аппарата, разобщенного по различным отраслям процессуальной юридической науки: административной, хозяйственно-правовой, гражданско-процессуальной, советского строительства и т. д. Такой подход оправдан потому, что в конечном счете посредством унифицированного определения юридического процесса и обобщенной картины его понятийного аппарата можно обеспечить благоприятную атмосферу, условия оптимального междисциплинарного (межотраслевого) общения, взаимопонимания между представителями различных отраслей юридической науки, и прежде всего, между общей теорией государства и права и отраслевыми процессуальными юридическими науками.

В связи с этим отметим, что в нашей юридической науке уже немало успешных попыток научного поиска унифицированных понятий и обобщенных категорий. К числу таких удач относится, например, формирование теории юридической ответственности, в основе которой — учение о традиционных формах ответственности: уголовной, гражданской и др., причем эти разделы общей теории социалистического права не встречают какого-либо возражения или решительных критических замечаний о недопустимости общих, расширительных понятий юридической ответственности и правонарушения, куда, естественно, в качестве отдельных видов включаются и уголовная ответственность, и уголовное преступление. Здесь особенно очевидно то, что от таких обобщений нисколько не пострадали традиции отраслевого научного моделирования, а общая теория социалистического права и многие другие отраслевые юридические науки

несомненно выиграли, значительно обогатив свой понятийный аппарат. Общая теория социалистического права, обогащенная этими понятиями, усилила свой науковедческий потенциал, свою методологическую функцию.

Теория юридического процесса — закономерное следствие, естественный результат диалектического и логического продолжения научных поисков в исследовании правовых форм государственной деятельности как важнейшего аспекта учения о соотношении государства и права. В научной, учебной юридической литературе общепризнанным стало выделение двух основных форм: *правотворчества* и *правоприменения*. В качестве основания такого подразделения берется отношение этих форм деятельности к действующему праву как социальной реальности. Однако дальнейшие комплексные исследования всего многообразия реальных сфер правового регулирования показывают, что возможно еще более содержательное, более емкое и, соответственно, более профессиональное унифицирование правовых форм. Например, есть резон в обособлении самостоятельной правовой формы, которая не укладывается в рамки традиционных представлений о правотворчестве и правоприменении. Такой правовой формой может квалифицироваться *учредительная деятельность*, отличающаяся специфическими особенностями и, следовательно, вполне правомерно претендующая на понятийную индивидуализацию. Кроме того, контроль выделяется как однопорядковая функция наряду с принятием решения и его исполнением (ст. 103 Конституции), последовательно воплощающая идеи Маркса о представительных учреждениях как о подлинно «работающих корпорациях». Следует признать обоснованной попытку вычленить в качестве специфической разновидности правовых форм и *контрольный процесс*.

Для обоснования обособленности теории юридического процесса как комплексной системы следует обратиться к исследованию и решению вопроса, почему составляющие его разновидности определяются как «правовые формы». В советской юридической науке (особенно в ее процессуальных отраслях) данный аспект еще остается неисследованным, а попытки уточнить понятийную характеристику не предпринимаются вообще. Очевидно, что такое положение нельзя считать удовлетворительным, ибо оно не отвечает требованиям понятийной культуры юридической науки и не способствует попыткам дальнейшего плодотворного научного поиска.

Реальное выяснение природы правовых форм деятельности как исходного обстоятельства в понимании сущности и содержания юридического процесса возможно, на наш взгляд, лишь на основе обнаружения, исследования и вычленения соответствующих признаков, свойств, объективно присущих этим формам и пронизывающих их содержание. В качестве предварительного подхода сосредоточим внимание на следующих признаках.

Прежде всего юридическая природа правовой формы деятельности связана с рассмотрением *юридического дела*, т. е. осуществляется на основе норм права и всегда влечет определенные юридические последствия. Это — деятельность строго уполномоченных субъектов. Ее результаты, как правило, закрепляются в установленных законом официальных документах. Кроме того, порядок осуществления правовой формы деятельности закреплён в процессуальных нормах и обеспечивается соответствующей системой правил юридической техники.

Указанные свойства прежде всего характерны для *юрисдикционных* процессов как правовых форм *классического порядка*. Однако эти свойства в равной степени присущи и другим правовым формам нетрадиционного процесса, и в том числе таким, как проратворчество, учредительная и контрольная деятельность.

Представляется, что выработка единого общего понятия юридического процесса, вычленение общего и особенного в его природе, установление структуры и определение функций составляющих его элементов имеют не только теоретическое значение, но и практическую ценность. Прежде всего это относится к потребностям формирования цельного, профессионального мировоззрения юристов-практиков и других лиц, выполняющих управленческую функцию. Признание самостоятельности теории юридического процесса как комплексного научного образования есть не только результат поступательного развития науки теории социалистического права. Само становление теории юридического процесса как научного направления имеет существенное значение: оно призвано способствовать формированию профессиональной юридической основы в разнообразном управленческом труде, рассчитано на формирование нормативной культуры и дисциплинированности должностных лиц, воспитание у них чувства профессионального долга и служебного достоинства. В конечном счете исследование общих принципов юридического процесса как комплексной системы обеспечит перенесение навыков уважительного отношения к процедурным правилам и закону, классически отработанных в правосудии вообще, во все другие области государственной деятельности. Последнее положение важно потому, что традиционное процессуальное мышление зиждится на следующем принципе: только судебная деятельность должна осуществляться при строжайшем соблюдении процедурного порядка, а все иные правовые формы могут с ним и не считаться.

Традиционное представление о процессе как об исключительно юрисдикционном имеет глубокие исторические корни и подчас выражается в несколько неуважительном отношении к процедуре и ее неукоснительному соблюдению в неюрисдикционных правовых формах. Эта процедура обычно подается как явление второго сорта, более низкого порядка по сравнению с юрис-

дикционной процедурой. Кроме того, всякие попытки отождествить, поставить в один ряд процедуру позитивного порядка и юрисдикционный процесс расцениваются как недопустимое посягательство на классичность, богатство и содержательность понятия «юридический процесс» [4, с. 10—12; 5, с. 48, 58].

К. Маркс в оценке роли процедуры в неюрисдикционных формах деятельности не допускал какого-либо противопоставления порядка, установленного в судопроизводстве, порядку деятельности законодательного органа, так как «...ту роль, которую в судах играет судопроизводство, в законодательных органах играют порядок дня и регламент» [1, т. 11, с. 374].

Несомненный интерес вызывают соображения, высказанные С. С. Алексеевым, поддерживающим главный вывод концепции широкого понимания процесса о том, что вся правоприменительная деятельность, основанная на властных полномочиях тех или иных органов, должна быть *подчинена строгим процедурным формам* (подчеркнуто нами). Он полагает, что разогласия в основном касаются лишь терминологической стороны проблемы, поскольку терминология, по его мнению, здесь связана с сохранением или утратой традиционных представлений о весьма важных правовых ценностях [3, с. 286], и в качестве оптимального решения проблемы предлагает выработку родового, наиболее широкого общетеоретического понятия — «юридическая процедура», с последующим четким разграничением ее видовых ответвлений [3, с. 287].

Таким образом, в конечном счете предлагается общее понятие как комплекса, представляющего собой различные составные ответвления, т. е. вместо «юридического процесса», «юридическую процедуру». Как ни привлекательна эта позиция в своей основе, однако ее принятие, на наш взгляд, будет связано со значительными трудностями и методологического, и практического порядка. Представляется, что внедрение в обиход профессиональных представлений как общего понятия «юридический процесс» более предпочтительно и более оправданно с точки зрения практики приспособления традиционных представлений, обладающих большой силой психологической инерции по отношению к новым обстоятельствам жизни, рождаемых развивающимися общественными процессами.

В связи с вышеизложенным можно отметить, что концепция традиционного понимания юридического процесса как исключительной деятельности суда имеет существенные недостатки и не отражает реальные тенденции, происходящие в праве развитого социализма. Представителям этого научного направления можно адресовать упреки следующего характера. Во-первых, они не желают замечать естественную тенденцию расширяющейся процедурной регламентации самых различных сторон государственной деятельности, начиная с правотворчества и до порядка разрешительной системы. Во-вторых, они вольно или

невольно способствуют поддержанию социально-психологической атмосферы своеобразного противопоставления суда всем другим органам Советского государства. В-третьих, представители юрисдикционной концепции юридического процесса, к сожалению, еще способствуют поддержанию различного неравнозначного отношения к режиму социалистической законности в охранительной и регулятивной сферах правового регулирования.

Представляется, что для существенных изменений в духе и атмосфере юридической науки в современных условиях должно осуществиться определенное смещение (изменение) в культуре мышления ученых-процессуалистов, особенно той группы ученых, которые привыкли к традиционным установкам, традиционному представлению о юридическом процессе, а значит, к устаревшему, ставшему костным и препятствующим переосмыслению старой методологии и усвоению новых принципов, установок научного поиска. В этом плане к теории юридического процесса как новому направлению в юридической науке вполне применима характеристика, данная в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии: в современных условиях одно из требований жизни заключается в настоятельной потребности «по-новому взглянуть на некоторые теоретические представления и концепции» [2]. В связи с этим считаем, что всестороннее исследование проблем юридического процесса и возможности его широкого понимания в целом представляет собой скрытый резерв поиска путей и методов дальнейшего повышения эффективности правового регулирования, а следовательно, упрочения режима социалистической законности в условиях развитого социализма.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Правда, 1986, 26 февр. 3. Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. М., 1981. Т. 1. 360 с. 4. Проблемы соотношения материального и процессуального права. М., 1980. 158 с. 5. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. 380 с.

Поступила в редколлегию 12.10.84.

Ю. И. МЕЛЬНИКОВ, канд. юрид. наук

Ярославль

О ГИПОТЕЗЕ, ДИСПОЗИЦИИ И САНКЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НОРМЫ

Гипотеза процессуальной нормы характеризуется прежде всего признаками, присущими гипотезе вообще как структурному элементу юридической нормы, как указанию на условия ее

действия. Вместе с тем гипотеза процессуальной нормы имеет и свои особенности, которые дают возможность отграничивать ее от гипотезы материальной нормы. В гипотезе процессуальной нормы обстоятельства, условия, при наличии которых реализуется норма, характеризуются прежде всего тем, что они определены содержанием и проявлением в данный момент применяемой нормы материального права, ..., норма материального права как бы «присутствует» в гипотезе процессуальной нормы, определяя по мере своей реализации ее частные условия [1, с. 227].

С данной точкой зрения не согласны авторы, которые пишут о том, что в первой главе ГК — «Основные положения» — установлены принципы процесса: равенство всех перед законом и судом, коллегиальность, участие народных заседателей, независимость судей и подчинение их только закону, национальный язык судопроизводства и др. Ни в одной из гипотез данных норм признаков «присутствия» норм гражданского, семейного или других отраслей права нет... Разумеется, суду приходится обращаться к нормам материального права, так как именно на их основе разрешается дело. Суд обращается к нормам материального права при определении подсудности и подсудности, круга заинтересованных лиц (сторон, третьих лиц), круга искомых фактов, допустимости доказательств, при разрешении дела по существу. Но от этого норма материального права не попадает в гипотезу процессуальной нормы [6, с. 68—69].

Приводимые авторами примеры, в которых, по их мнению, не обнаруживается «присутствия» материальной нормы, с нашей точки зрения, следует рассматривать в связи с конкретными стадиями применения нормы материального права, которые и служат частными гипотетическими условиями процессуальной нормы. Именно обстоятельства правоприменительного процесса выступают в качестве содержания гипотезы процессуальных норм. Такое «присутствие» нетрудно заметить и в диспозиции данной нормы. Происходит это потому, что гражданский процесс является формой защиты материальных отраслей права. Конкретно же отмеченная связь материальной нормы с гипотезой и диспозицией гражданской процессуальной нормы выражается в том, что ответ на вопрос, что нужно считать нарушением субъективного права, какие лица вправе требовать судебной защиты и с помощью каких способов осуществляется такая защита, в каждом конкретном случае дают нормы материального права (гражданского, семейного, трудового и др.) [3, с. 109—110]. Диспозиция процессуальной нормы характеризуется юридическим содержанием, проявляющимся, в частности, в характере и направленности ее предписаний. Процессуальные предписания — диспозиции — «определяют... наиболее целесообразный порядок осуществления правоприменительной деятельности... создают такие нормативные условия, которые облегча-

ют осуществление всех видов правоприменительной деятельности» [1, с. 223].

Однако в правовой литературе подчеркивается, что сторонники нового понятия процесса явно недооценивают тот факт, что процессуальная норма — диспозиция — как норма юридическая может регулировать общественные отношения не иначе, как путем наделения субъектов правами и возложения на них юридических обязанностей. С этой точки зрения нет и не может быть принципиальной разницы между материально-правовыми и процессуальными нормами — диспозициями. Далее, представители критикуемой точки зрения не хотят видеть качественных отличий характера и содержания субъективных прав и обязанностей, закрепляемых нормами материального права, от прав и обязанностей, закрепляемых нормами процессуального права в их классическом понимании [4, с. 34]. Отсюда следует, что «отличительная особенность прав и обязанностей, закрепляемых диспозициями процессуальных норм, состоит в том, что они представляют собой права и обязанности юрисдикционных органов по выполнению правоохранительной функции Советского государства, с одной стороны, а с другой — это права граждан и социалистических организаций как субъектов права на защиту своих интересов» [5, с. 42].

Порядок, определяемый диспозициями процессуальных норм, обеспечивает надлежащее поведение субъектов, отвечающее требованиям законности, справедливости и целесообразности не только в правоохранительной сфере деятельности органов Советского государства, но и при реализации субъективных прав (на пенсию, жилье, поступления в высшее или среднее специальное учебное заведение и т. д.). Причем в подобных случаях речь идет о применении не санкции, а диспозиции материально-правовой нормы, которая может быть реализована субъектами не иначе, как путем обращения и через соответствующие правоприменительные органы. Хотя порядок реализации права на защиту и реализации субъективных прав носит различный характер, вытекающий из содержания нормы материального права, процессуальное предписание, регламентирующее тот и другой порядок, характеризуется «органическим соединением в одном управомоченном субъекте и права и обязанности совершить конкретное процессуальное действие в интересах иных участников процессуального отношения, обладающих в зависимости от обстоятельств правомочием, либо обязанностью и претендующих на результаты применения нормы материального права» [1, с. 224]. Такой характер предписаний определяется сущностью самих функций, осуществляемых правоприменяющими субъектами, которые призваны осуществить правовые требования.

Производная природа процессуальных норм определяет специфику их санкций. Такая специфика воспринята в юридической литературе по-разному. Так, И. А. Иконицкая объясняет

ее производным характером процессуальных норм от материальных, а так как процессуальная норма — средство реализации материальных норм, то за ее нарушение может применяться санкция материальной нормы [5, с. 230]. М. С. Шакарян и А. К. Сергун в связи с этим считают, что «трудно судить, насколько оно справедливо для земельного права, так как автор никакого конкретного анализа соответствующих норм при этом не приводит. Но этот признак предлагается в качестве общетеоретической характеристики процессуальных норм вообще. Вероятно, в этом случае следовало проверить его на нормах ГПК и УПК. Если применить приведенное положение к уголовному процессу, то получится, что судья, допустивший процессуальное нарушение, например, по делу, по которому санкцией является лишение свободы, должен будет сам подвергнуться этой мере наказания. В гражданском же процессе за процессуальное нарушение, например, по алиментному делу судью, очевидно, надо будет сделать плательщиком алиментов» [6, с. 69].

На наш взгляд, такое толкование позиции И. А. Иконицкой не точно. Во-первых, она пишет, что «так как большинство земельно-процессуальных норм регулирует отношения, возникающие в сфере государственного управления земельным фондом, и непосредственным исполнителем этих норм является соответствующее должностное лицо, то несоблюдение им предписаний данных норм может рассматриваться как служебный проступок. За эти нарушения виновные могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности» [5, с. 230]. Во-вторых, И. А. Иконицкая подчеркивает: «...можно ли в подобных случаях ограничиваться только применением дисциплинарных взысканий к нарушителям? Следует отметить, что действующее земельное законодательство не дает положительного ответа на этот вопрос. Однако изучение санкций процессуальных норм в других отраслях права дает основание для вывода о том, что санкция земельно-процессуальной нормы может также выражаться в признании недействительным, юридически ничтожным действия, не соответствующего требованиям диспозиции нормы» [5, с. 231].

Процессуальное право содержит санкции за нарушение материально-правовых предписаний в той их части, которая адресована правоприменительным органам. Так, П. С. Дагель подчеркивает, что «норма уголовного права имеет двух адресатов: всех граждан, которых она обязывает воздерживаться от совершения предусмотренных ею деяний под страхом применения санкции — уголовного наказания; компетентные правоприменительные органы, которых норма уголовного права обязывает применять уголовное наказание при ее нарушении. В последнем случае санкция за неправильное применение уголовного закона — отмена или изменение соответствующего правопримени-

тельного акта (постановления, приговора или определения) в порядке, предусмотренном нормами уголовного процесса» [2, с. 89].

Список литературы: 1. *Горшенев В. М.* Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. 255 с. 2. *Дагель П. С.* Взаимодействие уголовного материального и процессуального права в регулировании общественных отношений. — Правоведение, 1972, № 2, с. 83—89. 3. *Елисейкин П. Ф.* Понятие, виды и структура советских гражданских процессуальных норм. — В кн.: Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. Ярославль, 1976, с. 107—110. 4. *Елисейкин П. Ф.* Процессуальная норма и ее диспозиция. — В кн.: Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979, с. 29—52. 5. *Иконицкая И. А.* Процессуальная форма и ее значение в земельном праве. — В кн.: Юридическая процессуальная форма. М., 1976, с. 230—237. 6. *Шакарян М. С., Сергун А. К.* К вопросу о теории т. н. «юридической процессуальной формы». — В кн.: Проблемы соотношения материального и процессуального права, М., 1980, с. 61—86.

Поступила в редколлегия 20.09.83.

П. М. РАБИНОВИЧ, д-р юрид. наук

Львов

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ: КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ

Исходя из положений общей теории эффективности права (работы И. С. Самощенко, В. И. Никитинского, В. Н. Кудрявцева, В. В. Лазарева, В. В. Глазырина и др.), отметим, что практически «осязаемым» критерием эффективности процедурно-процессуальных юридических норм является их ближайшая, непосредственная цель. Одна из таких целей состоит в создании необходимых условий, в организационном опосредовании правильного, т. е. соответствующего требованиям законности создания, ²применения и ³реализации материально-правовых норм. Иными словами, содержание такой цели — обеспечение и укрепление законности.

Непосредственная цель процессуальных норм является, таким образом, целью юридической. Поэтому критерии и показатели ее достижения находятся в сфере социально-правовой, т. е. в области юридически значимых фактов социальной жизни. Причем осуществление указанной цели (в отличие от достижения более отдаленных — «материальных», общесоциальных — целей процессуальных норм) [5; 6, с. 178—179] — непосредственная юридическая обязанность тех субъектов правового регулирования, чья деятельность подвергнута процессуальной регламентации.

Для практического определения эффективности процессуальных норм их общую цель — обеспечение законности — следует выразить в фиксируемой форме. Обратимся к такому понятию, как «уровень законности», определяемому, в частности, отношением количества правомерных действий (актов) к общему количеству юридически значимых действий данного вида. Показатель, который составит 1 (или 100 %), — свидетельство полного достижения преследуемой правовой цели. Такая формула подлежит дальнейшей конкретизации применительно к различным типам и этапам правового регулирования, а также к стадиям правоприменительного процесса.

Одним из требований, предъявляемых к правоприменительной деятельности, является полнота применения (или реализации) права. Достижению такого рода цели служат, к примеру, нормы, регламентирующие порядок выполнения наказов избирателей Советами народных депутатов. В преамбуле Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1980 г. «Об организации работы с наказами избирателей» сказано, что содержащиеся в Указе правила установлены «в целях дальнейшего совершенствования организации работы с наказами избирателей» [1, 1980, № 36, ст. 736]. В данном случае такое совершенствование выражается главным образом в максимальном осуществлении всех наказов, принятых к исполнению.

Полное осуществление подобных целевых требований означает, что во всех случаях, когда возникают обстоятельства, предусмотренные гипотезой юридической нормы, без каких-либо изъятий, реализуется ее диспозиция (в соответствующих ситуациях — санкция). Поэтому в данном случае критерием эффективности процессуальных институтов (норм) выступает полная реализуемость указанных целей (целевых норм права) при наступлении соответствующих юридических фактов.

Если понятие «реализуемость нормы» выразить в операциональной форме, то оно может быть определено как отношение количества фактов действительной реализации (или применения юридических норм) к общему количеству юридических фактов, служащих основанием для правореализации (или правоприменения). Данное отношение явится показателем эффективности процессуальных норм, направленных на достижение рассматриваемой конкретной цели.

Применяя последнюю формулу к процессуальным институтам, упомянутым ранее в качестве примеров, можно сделать вывод о том, что показатель эффективности норм, устанавливающих порядок осуществления наказов избирателей Советами народных депутатов, выразится отношением количества реализованных наказов к общему количеству наказов, принятых к исполнению.

Реализуемость юридических норм характеризуется различным уровнем: она может быть полной (идеальный вариант), не-

полной (в свою очередь она может быть подвергнута более детальной градуировке) либо же «нулевой» (отсутствие реализации, нереализуемость нормы). Данные уровни отражают различную степень эффективности процессуальной регламентации.

Степень (уровень) реализации нормы материального права определяется не только качеством ее процессуальной оснащенности, но и многими общесоциальными факторами. Проблема «вычленения» действия нормы, без решения которой невозможно получить правильное представление о «заслуге» нормы в достижении желаемого социально-правового результата (т. е. об уровне ее эффективности) или, наоборот, о «вине» нормы в недостижении требуемого результата (т. е. об уровне ее неэффективности), возникает и по отношению к нормам юридического процесса. Поэтому *«собственный» показатель искомой эффективности будет определяться лишь той частью (долей) целеустановленных, требуемых качеств осуществления права, которая непосредственно обусловлена, предопределена именно применением (и реализацией) исследуемых процессуальных норм.*

Сложность решения данной проблемы связана с тем обстоятельством, что речь идет об определении эффективности правовой нормы «самой по себе», а не эффективности тех общесоциальных (экономических, политических, идеологических и др.) мероприятий, которые ею опосредуются [2, с. 101]. Причем даже «собственная» эффективность процессуальной нормы выверяется не только по такому общему критерию, как обеспечение законности. Она может определяться и по ряду других социальных индикаторов, если они входят в состав ближайших, непосредственных целей, ради достижения которых предпринимается процессуальная регламентация.

Полезность процедуры может выражаться в таких ее свойствах, как, например, *доступность* (простота, «понятность», удобство, экономичность, рациональность); *упорядоченность* (согласованность, непротиворечивость, последовательность, определенность, конкретность, четкость); *надежность* (устойчивость, общеобязательность, обеспеченность); *своевременность* (быстрота, динамичность). И в той мере, в какой названные и иные ценностные свойства процесса становятся ближайшей целью его правового нормирования (независимо от того, возведена она в юридическую обязанность или нет, сформулирована в законодательстве или осталась «в уме» законодателя), они способны выступать в качестве относительно самостоятельных критериев эффективности процессуальных норм. Таким образом, проблемы ценности и эффективности юридического процесса в данном пункте совпадают.

Указанные целевые критерии должны быть конкретизированы до такой степени, чтобы они приобрели вид эмпирически фиксируемых индикаторов, доступных наблюдению, обсчету, контролю и т. п. Так, в п. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР

от 4 марта 1980 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» предусмотрено, что содержащиеся в нем процедурно-процессуальные правила установлены «в целях своевременного рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» [1, 1980, № 11, ст. 192]. Показателем эффективности таких правил (если абстрагироваться от необходимости «вычленения» их действия) явится отношение количества фактов своевременного рассмотрения обращений (заявлений, жалоб) к общему количеству обращений. Понятие же «своевременность» получило в Указе операциональное выражение.

Нередко определенная процессуальная регламентация имеет в виду обеспечить достижение нескольких, относительно самостоятельных правовых целей. Так, ст. 31 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях устанавливает, что задачами административного производства являются: своевременное, всестороннее, полное и объективное выяснение обстоятельств каждого дела, разрешение его в точном соответствии с законодательством, обеспечение исполнения вынесенного постановления, а также выявление причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений, предупреждение правонарушений, воспитание граждан в духе соблюдения законов, укрепления социалистической законности [1, 1980, № 44, ст. 909]. В таком случае эффективность процессуальных норм должна определяться вначале применительно к каждой из целей (частная, параметрическая эффективность), после чего предстоит решить проблему формирования интегрального показателя эффективности [6, с. 325—333].

Наконец, данный подход применим, на наш взгляд, и к правотворческому процессу — причем и в случаях, когда прямым требованиям законности этой деятельности выступает обеспечение определенных «материальных» (а не только специально-юридических) свойств нормативно-правовых актов. Например, обязательная процедура такой разновидности правотворчества, как стандартизация, установлена специальным комплексом юридических норм, определяющих порядок планирования, разработки, согласования, оформления, рассмотрения и утверждения стандартов, их пересмотра, изменения и т. д. Цели процедурно-процессуальной регламентации такой деятельности имеют прежде всего общесоциальный характер (ускорение технического прогресса, повышение эффективности общественного производства и производительности труда, улучшение качества продукции и обеспечение его оптимального уровня и др.). Кроме того, имеются и цели специально-юридические: обеспечение соответствия стандартов действующему законодательству [3; 4].

Список литературы: 1. *Ведомости* Верховн. Совета СССР. 2. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права: В 2-х т. Свердловск. 1972. Т. 1. 395 с. 3. *Государственная система стандартизации*. М., 1980. 102 с. 4. *Инструкция о порядке проверки действующих стандартов*. РД-50-76-78. М., 1979. 84 с. 5. *Кудрявцев В. Н., Никитинский В. И., Самощенко И. С., Глазырин В. В.* Эффективность правовых норм. М., 1980. 180 с. 6. *Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. М., 1979. 392 с.

Поступила в редколлегию 09.03.82.

Ю. Н. ОБОРОТОВ, канд. юрид. наук

Одесса

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА

В юридической литературе отмечается, что реализация права включает в себя деятельность, согласную с правом [4, с. 6]. Подчеркивается, что «осуществление права не может быть противоправным» [3, с. 38]. Наряду с этим все чаще используется термин «надлежащая реализация права» [7, с. 8, 10]. Обращение к понятию «надлежащая реализация права» продиктовано потребностями правового регулирования, устремленностью к достижению оптимальных вариантов правомерного поведения, того, что обозначается «качеством правореализации» [6, с. 13].

В принципиальном плане проблема качества правореализации была поставлена при анализе основных требований и средств правильного применения советских правовых норм [5]. Думается, однако, что при характеристике качества правореализации термин «надлежащая» целесообразнее применять, нежели термин «правильная». Понятие «правильная» многозначно и не несет ту смысловую нагрузку, которая отображает качество реализации, ее связь с требованиями права, в то время как «надлежащий» означает «какой следует, соответствующий, должный» [8, с. 156]. Отметим, что ни в одном из словарей русского языка понятие «надлежащий» не соединяется в смысловом значении с понятием «правильный».

Надлежащая реализация права связана с наступлением неблагоприятных последствий для субъекта. Ненадлежащее использование права влечет за собой лишение благ, которые могут быть получены, а также отказ в охране прав, которые используются для достижения незаконных результатов. Так, в целях предотвращения злоупотребления авторским правом

предусмотрена возможность свободного (т. е. без согласия автора и в ряде случаев без выплаты ему гонорара) использования произведений. Ненадлежащей реализацией права следует считать случаи, когда граждане не прибегают к защите своих нарушенных прав и интересов, и правонарушения остаются безнаказанными.

Для достижения должной реализации социалистического права в системе действующего законодательства закреплён порядок осуществления права компетентными государственными органами, общественными организациями и гражданами. Такой порядок определен, как правило, в обособленных нормах процессуального права, которые создают нормативные условия, облегчающие осуществление правоприменительной деятельности [9, с. 37]. Регламентирование порядка деятельности общественных организаций и граждан, увязанное с нормами материального права, часто существует посредством включения процедуры поведения в материальное право. Процессуальное право не только обеспечивает процесс применения права, но и определяет должное его осуществление всеми субъектами социалистического права.

Надлежащая реализация права гражданами связана с юридической регламентацией порядка осуществления права, с закреплением процессуальной формы осуществления правовых предписаний. При этом «процессуальная упорядоченность в реализации прав и обязанностей граждан способствует более полному и быстрому удовлетворению их потребностей и интересов общества в целом» [9, с. 114]. С учетом дальнейшего развития процессуальной формы в условиях развитого социализма есть все основания считать одной из тенденций развития общенародного права достижение оптимального соответствия материальному праву процессуальных форм его осуществления [2, с. 227, 230].

Особенности процессуальной обеспеченности надлежащей реализации могут быть выделены при рассмотрении непосредственной реализации (когда осуществление требований права происходит «без вмешательства извне») и правоприменительной реализации (когда в процесс осуществления права включаются компетентные органы, наделенные государственно-властными полномочиями) [1, с. 164].

На примере реализации гражданского права процессуальная обеспеченность при непосредственной реализации права выражается в установленной законом самозащите гражданских прав (необходимая оборона, крайняя необходимость), применении правоохранительных мер оперативного характера (отказ от договора или от ненадлежащего его исполнения; выполнение работ, не выполненных должником, за счет последнего) [2, с. 168—224]. Процессуальное обеспечение при правоприменительной реализации гражданского права связано с обращением к ком-

петентным органам с целью воздействия на обязанное лицо с использованием исковой формы защиты гражданских прав [2, с. 246].

Таким образом, надлежащая реализация права тесно связана с соблюдением процессуальных форм осуществления права гражданами, с процессуально оформленной деятельностью компетентных органов, которая направлена на конкретизацию права.

Список литературы: 1. *Материалы* Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983. 80 с. 2. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права: В 2-х т. Свердловск, 1972. Т. 1. 395 с. 2. *Грабанов В. П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1972. 284 с. 3. *Кудрявцев В. Н., Малейн Н. С.* Закон и пределы правомерного поведения. — Сов. гос-во и право, 1980, № 10, с. 31—38. 4. *Лазарев В. В.* Применение советского права. Казань, 1972. 200 с. 5. *Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм. М., 1960. 511 с. 6. *Рабинович П. М.* Общетеоретические вопросы реализации советского права.—В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы реализации советского права. Львов, 1983, с. 6—14. 7. *Русинов Р. К.* Сознание и правомерное поведение личности. Сов. гос-во и право, 1983, № 5, с. 3—10. 8. *Словарь* современного русского языка. В 17-т. М.; Л., 1958. Т. 7, с. 156. 9. *Юридическая процессуальная форма: теория и практика*, М., 1976. 280 с.

Поступила в редколлегию 20.09.83.

Ю. В. ЯНКОВОЙ

Харьков

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В деятельности высших представительных органов государственной власти важное место отведено процессу создания законов, выражающих волю и интересы народа, регулирующих все основные вопросы социально-экономической и общественно-политической жизни общества, обеспечивающих осуществление широких демократических прав и свобод граждан и поддерживающих строгий режим социалистической законности.

Коммунистическая партия уделяет большое внимание работе по совершенствованию советского законодательства и процесса его издания. В новой редакции Программы КПСС указывается на необходимость последовательного совершенствования законодательной деятельности Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик, подчеркивается, что наиболее важные законопроекты и решения будут выноситься на всенародное обсуждение и голосование [2].

На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС указывалось на необходимость правового регулирования вопросов хозяйственной жизни [3].

Партийные положения обязывают юридическую науку сосредоточить внимание на теоретической разработке проблем дальнейшего укрепления правовой основы государственной и общественной жизни. Представляется, что к числу таких проблем относятся и вопросы, связанные с исследованием процессов создания нормативных актов.

Потребность в специальном исследовании законодательного процесса, на наш взгляд, обусловлена, с одной стороны, значительным укреплением законотворчества в последние годы, с другой — повышением активности научных поисков и обогащением понятийного аппарата. В качестве непосредственного объекта исследования представляется возможным избрать вопрос о структуре законодательной деятельности.

Законотворчество — сложный организационно-процедурный процесс. Это технология, состоящая из последовательных, разнообразных действий и операций по созданию акта высшей юридической силы и призванная «поддерживать систему права в надлежащем состоянии, отвечающем потребностям правового регулирования на том или ином этапе развития общества» [6, с. 7]. Исходные положения для структурирования законотворчества содержатся в Конституции СССР и в принятом на ее основе Регламенте Верховного Совета СССР. Регламент Верховного Совета СССР определяет порядок деятельности Верховного Совета СССР и его органов, деятельности, «которая охватывает последовательность и согласованность действий всех субъектов законотворчества, процедуру реализации ими своих конституционных полномочий в целях обеспечения непрерывного и эффективного осуществления высшего государственного руководства страной» [7, с. 26]. Отметим, что в большей мере содержание Регламента Верховного Совета СССР, Регламентов союзных республик составляют процессуальные нормы. Такую особенность и характер нормативных предписаний регламентов подчеркивает ряд авторов [8, с. 27; 7, с. 13]. «Процессуализация» законодательной деятельности подтверждает слова К. Маркса о том, что «...ту роль, которую в судах играет судопроизводство, в законодательных органах играют порядок дня и регламент» [1, т. 11, с. 374]. Исходя из изложенных установок и опираясь на анализ конкретных предписаний процессуальных норм, содержащихся в Регламенте, считаем возможным предложить следующую модель структуры законотворчества, соответственно выделив производства, стадии и режим.

Производства в законодательном процессе — это элемент, который характеризует организационно-процедурную деятельность различных субъектов законодательного органа по подготовке и принятию законов, отличающихся по предметному признаку. Производства в законодательном процессе оттеняют специализацию «технологии» обработки того или иного вида законопроекта. Конкретные виды производств зависят от отноше-

ний, которые складываются между субъектами, осуществляющими поставленные задачи, от процессуально-организационных способов, используемых при получении информации о требуемом содержании закона, от правовых форм, в которых закрепляются полученные результаты. В этой связи представляется целесообразным выделить следующие производства в законодательном процессе: особое (подготовка, обсуждение, принятие, вступление в силу и введение в действие Конституций); ординарное (текущее законодательство, упорядочение нормативно-правового материала, утверждение Указов, вносящих изменения в действующее законодательство); специальное (принятие планов социально-экономического развития, государственного бюджета и рассмотрение внешнеполитических вопросов).

Следующим элементом законодательного процесса являются его стадии. «Исходной основой для определения стадии как самостоятельного элемента служит расчленение самого процесса с точки зрения непрерывности движения, ... распада на следующие один за другим и сменяющие друг друга этапы» [5, с. 22]. Полагаем, что в соответствии со смыслом ч. 3—4 ст. 108, ст. 113—116 Конституции СССР можно выделить четыре стадии: подготовка законопроекта; законодательной инициативы; обсуждения законов; принятие и опубликование законов. Предписания ст. 38—41 Регламента Верховного Совета СССР представляют собой начало законодательного процесса и подготовки законопроекта. В статьях четко определены субъекты законодательного процесса и порядок подготовки законопроектов. В ст. 42—47 содержатся темы, которые определяют порядок обсуждений законопроекта; назначение докладчиков, внесение изменений и дополнений в проект закона.

В ст. 48—50 Регламента предусмотрены порядок принятия законов, кворум и порядок подсчета результатов голосования. Регламентация введения в действие закона содержится в специальной главе (ст. 66—68), которая предусматривает порядок опубликования и введения в действие закона. Рекомендация данной стадии осуществляется Указом Президиума Верховного Совета СССР «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР, постановлений Верховного Совета, Указов и Постановлений Верховного Совета СССР» [4, 1980, № 20, ст. 20].

Режим — это элемент законодательного процесса, который выражает атмосферу процессуальной деятельности субъектов законотворчества, и с точки зрения «своего непосредственного содержания, представляющий совокупность требований, обеспечивающих обстановку своеобразного благоприятствования для оптимального осуществления действий всех участников юридического процесса» [6, с. 11]. Процессуальный режим в законотворчестве непосредственно связан с осуществлением народо-властия, призван обеспечить подготовку и принятие генерального акта государства — закона, регулирующего наиболее важ-

ные общественные отношения. Он объединяет: принципы как основополагающие идеи; требования как усвоенные социальные установки поведения; методы как совокупность юридических приемов воздействия на общественные отношения, складывающиеся в законотворчество; юридические гарантии как систему обеспечения реализации принципов и метода. Каждый из компонентов сложного процессуального режима законотворчества несет определяющую функциональную нагрузку. Определяющий компонент процессуального режима — основные принципы, которые являются генеральными директивами, руководящими идеями и выполняют функцию социально-юридических ориентиров в осуществлении трудящимися своих прав при участии в законодательстве.

Таким образом, процессуальный режим законотворчества — это совокупность принципов, методов и гарантий, которые обеспечивают участникам процесса атмосферу наибольшего благоприятствования по созданию оптимального по содержанию и эффективного по воздействию на общественные отношения законодательного акта.

Реализация требований режима, его выбор зависят от характера заложенных в проекте закона целей правового регулирования общественных отношений, а также от значимости предмета правового регулирования.

Список литературы: 1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. 2. *Программа Коммунистической партии Советского Союза.* Новая редакция. — Правда, 1986, 7 марта. 3. *Материалы* Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 г. М., 1985. 31 с. 4. *Ведомости* Верховного Совета СССР. 5. *Бенедик И. В., Погребной И. М.* К вопросу о структуре процессуальной формы. — Проблемы соц. законности, 1982, № 10, с. 17—22. 6. *Горшенев В. М.* Некоторые методологические проблемы теории юридического процесса. В кн.: *Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности.* Ярославль, 1977, с. 7—11. 7. *Гурев П. П., Лазарев Л. В.* Регламент Верховного Совета СССР. М., 1981. 97 с. 8. *Пиголькин А. С.* Основные черты законодательной деятельности. — Сов. гос-во и право, 1981, № 10, с. 23—27.

Поступила в редколлегию 23.07.84.

И. В. БЕНЕДИК

Харьков

СТАДИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Отправным моментом и исходной основой для определения понятия стадии функционального назначения, ее природы и состава должно служить рассмотрение самого юридического про-

цесса с точки зрения непрерывности его движения, т. е. постоянного его возобновления и прерывности или распада на следующие один за другим и сменяющие друг друга части, представляющие собой объективно обусловленную совокупность выполняемых в установленной законом определенной последовательности действий, осуществляемых в некоторых пространственно-временных границах. Это означает, что самостоятельной стадией юридического процесса можно назвать лишь ту его часть, которой присуща совокупность определенных отличительных признаков, характеризующих качественную и количественную его стороны и дающих возможность отграничить одну стадию от другой. Представляется, что к числу таких признаков можно отнести следующее: а) наряду с общими задачами, присущими всему процессу, каждая отдельно взятая стадия по своему функциональному признаку должна характеризоваться и своими самостоятельными задачами, специфическими для конкретной стадии, отличными от других, и неисполнение которых будет препятствовать дальнейшему нормальному продолжению процесса; функции процессуальной деятельности лидирующих участников процесса — государственных органов и должностных лиц, осуществляющих производство по делу, на каждой стадии различны и состоят в решении неодинаковых процессуальных задач; б) отдельная часть процесса, которая составляет самостоятельную стадию, имеет свое содержание, последовательную и целостную логическую структуру, свои процессуальные пределы; в) процессуальной деятельности той или иной стадии, как правило, присущ различный круг субъектов, реализующих эту деятельность и обладающих соответствующими полномочиями. В зависимости от положения субъектов процесса различается и специфика осуществляемых ими частных задач. При этом следует отметить, что процедурно-процессуальные требования, составляющие содержание функциональных стадий процесса, отражают не только то, что необходимо сделать управомоченным субъектам на той или иной стадии, но и то, каким образом, с помощью каких средств и способов осуществлять свои полномочия; г) всякая самостоятельная стадия должна представлять собой систему процессуальных действий и отношений, совершаемых в определенных пространственно-временных границах и последовательности, установленных законом, и обязательно завершаться принятием государственным органом или должностными лицами решения, закрепленного в соответствующем правовом акте, дающем возможность определить дальнейший ход процесса; д) «каждая последующая стадия является проверочной в отношении всех предшествующих» [6, с. 12—13], а предыдущая создает условия и предпосылки для успешного проведения стадий последующих; е) самостоятельность стадии выражается и в том, что она может прекратить процесс в определенной его части.

Таким образом, в наиболее обобщенном виде стадия функционального назначения как самостоятельный элемент юридического процесса, если ее рассматривать не изолированно, а в совокупности, взаимосвязи, представляет собой *относительно замкнутую динамическую систему закрепленных действующим законодательством способов, методов, форм, предопределяющих строгое и неуклонное осуществление процедурно-процессуальных требований, отражающих пространственно-временные границы процессуальной деятельности органов социалистического государства или должностных лиц, направленные на достижение конечного материально-правового результата.*

С позиции раскрытия функционального проявления деятельности органов государства или должностных лиц по отношению к разрешению каждого конкретного юридического дела все стадии юридического процесса можно условно разделить на *начальные, подготовительные, решающие и окончательные.*

К первой группе стадий необходимо отнести стадию возбуждения дела в уголовном и гражданском процессах, в административном — стадию возбуждения административного преследования [1, с. 45—47]. Эти стадии функционального назначения могут быть охарактеризованы как *начальные* в том смысле, что они дают начало всему производству по делу, имеют строго определенную задачу — рассмотрение первичных сведений о преступлении, проступке или нарушенном праве с целью уяснения наличия материально-правовых и процессуальных предпосылок начала юридического дела. Правовая природа начальных стадий заключается и в том, что они могут дать начало делу лишь при наличии законных поводов и оснований, т. е. тех юридических фактов или фактических составов [4, с. 9; 2, с. 22—23], которые нацеливают полномочия органов суда или должностных лиц рассмотреть полученные ими сведения о нарушенном праве и принять по ним в пределах своей компетенции решения о возбуждении дела или об отказе в таковом. Советское процессуальное законодательство закрепляет полный и исчерпывающий перечень поводов, которые по существу, охватывают все юридические факты, способные возбудить деятельность по разрешению юридического дела. Так, согласно ст. 5 ГПК УССР, поводами для возбуждения гражданского дела являются: заявление лиц, обращающихся за защитой своего права или охраняемого законом интереса; заявление прокурора; заявление органов государства и других общественных организаций и отдельных лиц, когда они могут обратиться в суд за защитой прав и интересов других лиц.

Принятое решение о возбуждении дела вызывает к жизни следующую группу стадий — *подготовительных.* Такими, например, являются стадии предварительного расследования и предания суду в уголовном процессе. Функциональное назначение этой группы стадий проявляется в том, что их целью и задачей

является обеспечение своевременного и правильного разрешения дела. Успешное разрешение этих задач возможно при условии установления объективной истины по каждому делу. Необходимо исследовать обстоятельства так, как они имели место в действительности, дать им правильную, соответствующую советскому закону политическую и правовую оценку, собрать, закрепить, оценить все доказательства наличия нарушения права и установить основания привлечения к юридической ответственности. Полное, всестороннее и объективное выяснение всех существенных обстоятельств на подготовительных стадиях — фундамент развертывания дальнейшего производства по делу, обуславливающий успешный исход разбирательства и предполагающий достижение завершающего правового результата.

С общетеоретических позиций решающее значение стадии судебного рассмотрения в уголовном и гражданском процессах или рассмотрения дела по существу в административном обуславливается тем, что она всегда связана с государственно-властной деятельностью уполномоченных на то органов и должностных лиц по применению норм материального и процессуального права в интересах других субъектов с целью разрешения юридического дела. Процессуальная деятельность субъектов-участников решающей стадии обладает всеми необходимыми признаками самостоятельной стадии процесса. Она имеет свои непосредственные задачи, специфичные для данной части производства по делу, свой предмет исследования, обусловленный характером тех вопросов, которые разрешаются соответствующими органами в этих временных границах. В деятельности участвует предусмотренный законом круг субъектов процесса, наделенных определенными правами и обязанностями, между которыми складываются особые, характерные для этой стадии процесса правовые отношения. На данной стадии дело подлежит разрешению по существу на основе и посредством вынесения особого вида индивидуальных актов — решений, приговоров, постановлений и решений, которые в зависимости от исхода дела служат юридическими фактами, прекращающимися (например, в случае реабилитации невиновных) [3, с. 113] или преобразующимися в последний вид окончательных стадий — *исполнения*. Для успешного осуществления общих задач процесса важно не только вынести законное и обоснованное решение, но и обеспечить его правильное и своевременное исполнение. Исполнение принятых решений — завершающая *окончательная* стадия юридического процесса, состоящая в реальном осуществлении компетентными органами или должностными лицами мер государственного принуждения. По своей правовой природе окончательные стадии являются необходимой составной частью процесса, важным самостоятельным его этапом.

Приведенная классификация стадий носит весьма условный характер. Отдельные стадии независимо от занимаемого места

и назначения равнозначны, одинаково важны и необходимы, и поэтому, как верно отмечает А. Р. Михайленко, «нет оснований противопоставлять их друг другу по значимости» [5, с. 119].

Если перечисленные стадии выступают в процессе разрешения юридического дела как обязательные, конститутивные, за исключением случаев, когда дело прекращено в предшествующей стадии, то такие стадии, как кассационное и надзорное производство или возобновление дела по вновь открывшимся обстоятельствам, должны быть объединены в группу *факультативных*. Эти стадии не могут считаться обязательными, так как только от воли, инициативы участников процесса зависит, является ли дело предметом кассационного рассмотрения.

Обоснование разделения процесса на стадии функционального назначения имеет важное теоретическое и практическое значение. Такое разделение позволяет наметить исходные начала для решения проблем стадийности в традиционных и нетрадиционных юридических процессах, устранить известную несогласованность в выделении количества стадий в одних и тех же правовых формах деятельности органов социалистического государства и в определении их пространственно-временных границ. Четкое установление стадийности процесса также призвано способствовать оптимальному распределению средств и возможностей, необходимых для более эффективного разрешения задач, связанных с осуществлением права и которые невозможно решить без определенной процессуальной регламентации.

Список литературы: 1. *Бенедик I. В., Погрібний I. М.* Адміністративний процес за Основами про адміністративні правопорушення. — Рад. право, 1981, № 4, с. 44—47. 2. *Бро Ю. Н.* Проблемы применения советского права. Иркутск, 1980. 85 с. 3. *Галаган И. А.* Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование. Воронеж, 1976. 198 с. 4. *Исаков В. Б.* Фактический и юридический состав в механизме правового регулирования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 20 с. 5. *Михайленко А. Р.* О сущности и значении стадий уголовного процесса. — В сб.: Вопросы уголовного процесса, Саратов, 1977, с. 114—120. 6. *Перлов И. Д.* Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968. 395 с.

Поступила в редколлегию 20.09.83.

ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ КОНТРОЛЯ КАК ПРАВОВОЙ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Контроль как специфический вид деятельности имеет сложную структуру и проявляется в различных аспектах, что обуславливает различные характеристики его понятия, а подчас и не совсем точные представления о нем. Так, в литературе контроль и проверку исполнения неоправданно, на наш взгляд, квалифицируют как один из ординарных принципов деятельности органов государства [3, с. 89—168]. В других источниках контроль относят к методам социалистического управления [7, с. 100].

Такое различное представление о сущности и месте контрольной деятельности в системе правовых форм объясняется главным образом тем, что в юридической науке и практике долгое время в какой-то мере не учитывались специфичность и однородность контроля как органического, составного элемента управления, поскольку в качестве методологической основы классификации правовых форм (правотворчества и правоприменения) обычно использовалась характеристика Советов как «работающих корпораций», объединяющих в себе лишь *законодательную и исполнительную* власть в единой государственной организации. Упоминания же о контроле не было вообще. В настоящее время органическое единство этих форм деятельности нашло свое подтверждение в целом ряде законодательных актов, и прежде всего в ст. 103 Конституции СССР, закрепившей сущность основных полномочий депутатов как представителей народа в Советах народных депутатов, заключающихся в том, что их деятельность органически соединяет *принятие решений, организацию их исполнения и осуществление контроля*.

Специфика контрольной деятельности проявляется прежде всего в методах, принципах, регулятивном режиме, социальном назначении и объединяет в себе синтезирующие элементы государственной деятельности наряду с правотворческой и правоприменительной. Природа контроля наиболее четко обнаруживается в раскрытии его основных проявлений как функции различных институтов системы управления общественными процессами. Это касается в основном социального управления, политического руководства, социалистической демократии, общенародного государства и правового регулирования.

Поскольку контроль — одна из форм осуществления общенародной власти, его правомерно рассматривать и в качестве функции социалистической демократии. Причем как процессу-

ально-функциональный институт [11, с. 118] социалистической демократии он имеет двуединую природу. С одной стороны, контрольная функция является следствием разделения труда по управлению между различными частями политической системы социалистического общества в соответствии с их местом в этой системе и с учетом особенности сфер общественной жизни, в которых она осуществляется. С другой — контроль выступает как эффективное средство, способствующее широкому привлечению граждан к управлению государством и обществом.

Такая общая характеристика контроля как элемента научного управления обществом в функциональном аспекте отражает одну из сторон управления социальными процессами. Однако контроль имеет свое самостоятельное место в системе форм осуществления государственного руководства обществом, и в этом плане можно и необходимо рассматривать контроль как специфическую правовую форму, которая, как и другие правовые формы, имеет свое социальное назначение и соответствующие функции: *корректировки; социальной превенции; правоохраны.*

Контрольная деятельность как правовая форма деятельности — составная часть управляющего блока механизма право-реализации [9, с. 105] — направляет процесс исполнения управленческих решений по идеальному, конструктивному, технологическому каналу, вклинивается в правореализационные процессы с целью обеспечения их точности, соответствия требованиям законности и служит важным организационно-юридическим способом управления процессами применения права. Выявляя отклонения и их причины, работники контроля определяют пути коррегирования организации объектов управления, способы воздействия на объект с целью преодоления отклонений, устранения препятствий на пути оптимального функционирования системы [2, с. 125].

Важной предпосылкой развития и основой укрепления эффективности контрольной деятельности является профилактическая работа. Цели социальной превенции достигаются: в процессе осуществления контрольной деятельности при выявлении правонарушений и виновных лиц; при реализации правовых актов, принятых по результатам контроля, в которых сформулированы рекомендации по устранению условий, способствующих правонарушениям; при проведении контрольными органами конкретных профилактических мер.

Контрольная деятельность органов Советского государства является в значительной мере правоохранительной [1, с. 73], хотя и не сводится к ней. Как средство обеспечения законности данная функция направлена прежде всего на пресечение неправомερных действий должностных лиц и граждан. По действующему законодательству контрольные органы полномочны самостоятельно привлекать к ответственности виновных лиц,

ставить вопрос перед вышестоящими органами о привлечении нарушителей к дисциплинарной ответственности, передавать материалы в судебно-следственные органы для их привлечения к уголовной ответственности.

Для установления родовой общности всех правовых форм деятельности органов социалистического государства в юридической науке предложена специфическая научная конструкция [5, с. 3—15], квалифицируемая в качестве универсальной для всех видов юридической практики и позволяющая вскрыть природу и структуру юридического процесса как комплексной системы. Такая научная конструкция получила поддержку и используется в науке для раскрытия правовой природы учредительной деятельности [6, с. 8], сущности процессуальных производств [8, с. 16], природы процессуальных норм [13, с. 20] и т. д.

Чтобы обосновать контрольную деятельность в качестве самостоятельной, специфической правовой формы деятельности органов Советского государства, определить ее юридическую природу, место в структуре нетрадиционного юридического процесса, в содержании контрольной деятельности вычленяются признаки, характерные для правовой формы вообще. Такие признаки заключаются в следующем. Эта деятельность непосредственно связана с совершением операций с нормами права; осуществляется только уполномоченными на то субъектами; состоит в рассмотрении конкретных юридических дел, результаты которых всегда закрепляются в официальных документах; вызывает потребность в процедурно-процессуальной регламентации; нуждается в использовании различных правил и приемов юридической техники.

Специфическое назначение контрольной деятельности как творческой, положительной, организационной деятельности вторичного, производственного характера позволяет говорить о ее относительной автономности, дает возможность отделить ее от других правовых форм деятельности [11, с. 7; 14, с. 22]. По задачам и целевому назначению контрольная деятельность призвана решить широкий круг вопросов: установить фактическое исполнение заданного управленческого решения в организационной, исполнительно-распорядительной деятельности подконтрольного объекта; дать правильную (объективную) общественно-политическую и юридическую оценку; принять эффективное решение по совершенствованию деятельности подконтрольного объекта, а в случае обнаружения неправомерного поведения—привести в действие соответствующие правоохранительные средства, принять профилактические меры по предупреждению в будущем отмеченных нарушений; добиться оперативного, наиболее полного и качественного исполнения принятого решения.

К числу отличительных признаков контрольной деятельности следует отнести и ее побудительные обстоятельства. Это — объективная потребность в создании наиболее благоприятных условий для реализации нормативно-правовых предписаний в поведении, деятельности субъектов общественных отношений; обеспечение эффективности правового регулирования; восстановление состояния законности и правопорядка в случаях их нарушений. Контрольная деятельность специфична многообразием субъектов, объемом и содержанием получаемых материально-правовых результатов. По методу правового регулирования контрольная деятельность совмещает в себе некоторые черты как разрешительно-распорядительного, так и юрисдикционного способов и способна выступать в форме регулятивных и охранительных правоотношений [4, с. 35].

Вычленив и анализируя особенности контрольной деятельности, можно прийти к выводу об автономности контроля как специфического вида деятельности, обособившегося в процессе разделения труда и специализации в управлении, выполняющего особые цели, как средства соединения нормотворчества и исполнения [10, с. 12].

Выясняя место контрольной деятельности в субординационной структуре юридического процесса, важно подчеркнуть, что она стоит после правотворчества и правоприменения и оказывает на них организующее воздействие.

Специфика контрольной деятельности особо проявляется при раскрытии ее структуры. Признание контрольной деятельности как самостоятельной разновидности юридического процесса — основание для попытки вычленив и составные элементы ее процессуальной формы: контрольно-процессуальные производства, отражающие предметную характеристику контроля; контрольно-процессуальные стадии, определяющие динамические аспекты контроля; контрольно-процессуальный режим, оттеняющий степень напряженности контроля.

Список литературы: 1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. Курс лекций: В 2-х т. Свердловск, 1972. Т. 1. 396 с. 2. *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М., 1977. 384 с. 3. *Власов В. А.* Советский государственный аппарат. М., 1951. 422 с. 4. *Волпенко Н. Н.* Основные способы применения советского права. — В сб.: Актуальные проблемы юридического процесса в международном государстве. Ярославль, 1980, с. 29—35. 5. *Горшенев В. М.* Природа юридического процесса как комплексной системы. — В сб.: Актуальные проблемы юридического процесса в международном государстве. Ярославль, 1980, с. 3—15. 6. *Крупин В. Г.* Общетеоретические проблемы процедуры формирования органов социалистического государства. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Х., 1981. 16 с. 7. *Лунев А. Е.* Демократизм советского государственного управления. М., 1967. 199 с. 8. *Погребной И. М.* Общетеоретические проблемы производств в юридическом процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Х., 1982. 16 с. 9. *Решетов Ю. С.* Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. 168 с. 10. *Селивон Н. Ф.* Контрольная функция местных Советов народных депутатов, сущность и эффективность осуществления. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. К., 1978. 27 с. 11. *Студеникина М. С.* Государственный контроль

и сфере управления. М., 1974. 160 с. 12. Тихомиров Ю. А. Теория Закона. М., 1982. 257 с. 13. Шагиева Р. В. Процессуально-правовые нормы и некоторые вопросы их реализации в зрелом социалистическом обществе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1982. 20 с. 14. Шорина Е. В. Контроль за деятельностью органов государственного управления в СССР. М., 1981. 302 с.

Поступила в редколлегию 20.09.83.

В. Г. КРУПИН, канд. юрид. наук

Харьков

УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Категория «режим» исследуется многими советскими учеными. Одни из них под режимом понимают метод (способ) или совокупность методов и способов [5, с. 273—288; 8, с. 133; 2, с. 136], другие—систему общеобязательных принципов или правил [10, с. 673], совокупность правовых норм [9, с. 326—329; 7, с. 1109], строго установленный распорядок [4, с. 329], систему мер [6, с. 259—260] и т. д.

Многогранность и многоаспектность категории «режим» позволяют предположить, что она наделена сложной структурой и представляет собой комплексно-структурное образование и потому может быть использована для выражения характеристики всех правовых форм деятельности органов государства. В этой связи целесообразнее, на наш взгляд, начать исследование понятия учредительного режима с уяснения его основных структурных элементов. Такими компонентами являются: принципы, действующие в сфере учредительной деятельности; совокупность средств и способов реализации указанных принципов; система сложившихся гарантий.

Характерной особенностью принципов учредительной деятельности является то, что, находясь в единстве, взаимосвязи и взаимозависимости, они представляют собой не простую совокупность, конгломерат основополагающих отправных идей, ориентиров, программно-прогнозирующих начал, а упорядоченную совокупность взаимодействующих друг с другом правовых предписаний. Иначе говоря, принципы учредительной деятельности—это дифференцированная система, для которой «всегда характерна внутренняя организация, а не механическое соединение составляющих ее элементов» [1, с. 61—67]. Эта система позволяет не только охватить в единстве исследуемые принципы, но и расставить их по местам, выявить их специфику, определяя тем самым иерархическое положение и место, где каждый из них «должен» выполнять возложенные на него функции, четко взаимодействуя с другими принципами.

В то же время система принципов учредительной деятельности должна отвечать следующим требованиям: непротиворечивость, т. е. недопустимость двух взаимоисключающих учреждений в качестве логических следствий из одной и той же посылки; полнота, предполагающая наличие положений, достаточных для выведения из них всех истинных суждений данной системы взглядов; независимость (невыводимость) каждого основного положения, аксиомы из однопорядковых положений той же системы; разрешимость, т. е. возможность установить, выводимо или невыводимо из сформулированных положений (аксиом) любое другое утверждение, сформулированное в терминах данной системы [3, с. 6].

Руководствуясь изложенными требованиями и беря их за основу, приходим к выводу о том, что учредительной деятельности присущ ряд принципов, которые могут быть разделены на три основные группы: общие принципы учредительной деятельности, принципы учредительных производств и принципы учредительных стадий.

К общим принципам учредительной деятельности следует отнести принципы, которые раскрывают сущность, характер, политико-юридическую и организационную природу учредительной деятельности; предопределяют ее наиболее важные моменты, не вдаваясь в детальную характеристику конкретных признаков и отражая тем самым наиболее существенные, объективно необходимые стороны и проявления порядка формирования органов государства и его основные формы; воплощают в своем содержании основные черты и цели, общие закономерности и специфические особенности деятельности по формированию государственного аппарата; характеризуют устойчивые, закономерно существующие отношения и взаимосвязи, подчеркивая тем самым самостоятельность, относительную автономность учредительной деятельности как комплексной правовой формы деятельности органов государства; обладают определенной степенью однородности. Этим требованиям соответствуют следующие принципы: принцип формирования государственного аппарата из лучших представителей трудящегося народа с целью обеспечения качественного состава кадров государственного аппарата; принцип учета коллегиальности мнения (коллегиальности) как обязательного в различных степенях и формах элемента формирования государственных органов; принцип простоты и экономичности процедуры формирования органов государства; принцип гласности процесса формирования государственных органов; принцип осуществления процедурно-процессуальной деятельности по формированию государственного аппарата исключительно государственным иждивением; принцип учреждения органов государства под общественным контролем; принцип непрерывности в учредительной деятельности; принцип

активности в учредительной деятельности и принцип юридической ответственности и национального языка ее осуществления.

К принципам учредительных производств следует отнести такие принципы, которые обладают менее общим характером процессуальных требований по сравнению с требованиями общих принципов учредительной деятельности; подчеркивают специфику формирования тех или иных органов социалистического государства; выступают средством восполнения пробелов в процессе их формирования; отражают своеобразный масштаб формирования различных органов государства; взаимодействуют с принципами высокого порядка (общие принципы учредительной деятельности) и с принципами более низкого порядка (принципы стадий учредительной деятельности). Данным требованиям, как представляется, отвечают следующие принципы: принцип всеобщности формирования представительных органов государства; принцип равенства граждан при формировании органов государственной власти и судебной системы; принцип непосредственности формирования представительных органов; принцип тайного голосования; принцип единоначалия и принцип сочетания единоначалия и коллегиальности при формировании исполнительно-распорядительного и правоохранительного (за исключением судебных органов) аппарата.

К принципам стадий учредительного процесса следует отнести такие принципы, которые охватывают в своем объеме и содержании наиболее общие процессуальные требования, предъявляемые к учредительной деятельности; трансформируют и развивают общие принципы учредительной деятельности и принципы учредительных производств; обосновывают частные моменты учредительной деятельности; подчеркивают специфику осуществления учредительной деятельности на ее отдельных стадиях; обладают способностью взаимодействовать только с принципами более высокого порядка (принципами учредительных производств, общими принципами учредительной деятельности, общими принципами социалистического строя). Изложенным требованиям, по нашему мнению, отвечают следующие принципы: принцип сочетания общественных и профессиональных начал в учредительной деятельности; принцип единства политической и организационной работы, направленной на достижение оптимальных вариантов формирования органов государства; принцип сочетания опытных и молодых кадров при формировании различных органов государства и т. д.

Представляя собой наиболее общие требования, лежащие в основе учредительной деятельности, вышеизложенные принципы играют первостепенную роль в «обрисовке» общих контуров учредительного режима. Иначе говоря, сфера действия этих принципов составляет объем, пределы функционирования учредительного режима. Поэтому взятые в единстве, естественно, в совокупности с другими структурными компонентами, они

в значительной степени характеризуют учредительный режим как композиционно завершающий элемент структуры учредительного процесса. Принципы, действующие в области учредительных производств и стадий, в совокупности с присущими им средствами, способами и гарантиями отражают атмосферные характеристики этих производств и стадий. Отсюда следует, что учредительный режим по своему содержанию — динамически сложное учредительно-процессуальное явление.

Более глубокий анализ динамики учредительного режима показывает, что качественные изменения самого режима в тех или иных производствах или стадиях непосредственно оттеняют особенности этих стадий и производств, служат основанием их отграничения друг от друга. Поэтому учредительный режим правомерно рассматривать как важнейший процессуальный критерий разграничения друг от друга как производств, так и стадий. В этом, как представляется, и состоит определяющая роль принципов учредительной деятельности как основного компонента структурного образования «учредительный режим».

Вместе с тем принципы, действующие в сфере учредительной деятельности, сами по себе не могут автоматически обеспечивать свое же осуществление. Поэтому их реализация возможна лишь с помощью специально предназначенных на то процессуальных средств и способов. Вот почему вторым компонентом структуры учредительного режима правомерно вычленить совокупность процессуальных средств и способов реализации указанных принципов. Значение этих средств и способов в характеристике степени напряженности учредительного процесса заключается не только в том, что они реализуют принципы, действующие в области учредительной деятельности, но и в том, что они устанавливают определенность в их реализации, не допускают совершения действий, выходящих за рамки учредительной деятельности. Характерной особенностью всей совокупности учредительных средств и способов является то, что все они нашли свое законодательное закрепление в нормативных актах, посвященных процедурно-процессуальной регламентации учредительной деятельности. На наш взгляд, целесообразно было бы четко разграничить эти средства и способы. Такой подход не только даст возможность подчеркнуть их индивидуальность, но и позволит установить оптимальные пути их взаимодействия.

К способам реализации учредительных принципов можно отнести следующее: обязательность и систематичность опубликования конечных и промежуточных материально обусловленных учредительно-правовых результатов; свободное, публичное и личное ознакомление избирателей со списками избирателей; выдвижение кандидатов в депутаты; выдвижение кандидатов в народные судьи; поддержка выдвинутых кандидатов в депутаты и в народные судьи; регистрация избранных депутатов.

К средствам осуществления данных принципов относятся: печать, радио, телевидение, а также собрания, совещания общественных организаций, трудовых коллективов, военнослужащих по обсуждению всех учредительных операций (выдвижение кандидатов, обсуждение их кандидатур, встречи с ними).

При этом следует обратить внимание на то, что реализации каждого из принципов учредительной деятельности способствует четко очерченный и законодательно закрепленный круг способов и средств, которые как бы индивидуализируют эти принципы. Такова в основных чертах общая характеристика второго структурного компонента учредительного режима.

Рассмотренные выше компоненты учредительного режима — принципы, способы, средства, — несмотря на их важность и значимость, составляют, исходные обстоятельства атмосферы формирования органов социалистического государства. Однако они могут оказаться неэффективными и не дать плодотворных результатов, если не будут поддержаны факторами объективного порядка, т. е. «условиями надежности». Поэтому в процессе формирования государственных органов должны быть созданы соответствующие гарантии реализации принципов, действующих в учредительной деятельности, и обеспечены возможности приведения в действие учредительно-процессуальных средств и способов их реализации. Такую роль в структуре учредительного режима и выполняет стройная система экономических, политических, идеологических и специально-юридических процессуальных гарантий. Поэтому третьим, обеспечительным компонентом структуры учредительного режима с полным основанием можно считать систему гарантий. Не останавливаясь на экономических, политических, идеологических гарантиях обеспечения атмосферных характеристик формирования социалистического государственного аппарата, акцентируем внимание исключительно на правовых процессуальных гарантиях. К ним, в частности, относятся: достаточная степень урегулированности процедурно-процессуальной регламентации порядка учредительной деятельности; установление юридической ответственности за ненадлежащее осуществление учредительной деятельности; осуществление контрольной функции специально уполномоченными на то органами государства и субъектами организаторами, а также представителями общественных организаций, трудовых коллективов, органов печати, телевидения, радио за законностью и обоснованностью учредительной деятельности; четко установленный правовой статус, правомочия и компетенция участников процесса формирования органов социалистического государства; материально-техническая обеспеченность учредительного процесса.

Таковы основные гарантии, придающие учредительному режиму стабильность и надежность.

Список литературы: 1. Гильберт Л., Аккерман В. Основы теоретической логики. М.; Л., 1947. 149 с. 2. Каленский В. Г. Государство как объект социологического анализа (Очерки истории и методологии исследования). М., 1977. 184 с. 3. Козлов Ю. М. Управление народным хозяйством СССР. Система управления народным хозяйством. М., 1971. Ч. II. 167 с. 4. Краткий политический словарь/Под ред. Н. В. Шишлиной, Л. А. Оникова. М., 1978. 365 с. 5. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое государство. М., 1972. 559 с. 6. Политико-экономический словарь/Под ред. Е. Ф. Борисова, В. А. Жолина, М. Ф. Макарова. М., 1972. 457 с. 7. Советский энциклопедический словарь. М., 1982. 1600 с. 8. Чиркин В. Е. О понятии политического и государственного режимов. — В кн.: XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы демократии и законности. Свердловск, 1972, вып. 17, с. 211—232. 9. Юридический словарь/Под ред. В. Н. Кудрявцева, М., 1956. 517 с. 10. Юридичний словник/За ред. Б. М. Бабія, В. М. Корецького. К., 1974. 845 с.

Поступила в редколлегию 21.09.83.

М. Ф. ОРЗИХ, д-р юрид. наук

Одесса

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Совершенствование развитого социализма предполагает улучшение работы всего государственного механизма, планирования и управления. Важнейшим средством решения этой задачи являются советское право и его надлежащая реализация, соблюдение законов, укрепление законности, без которой немислим нормальный ход общественного развития.

Практическое значение приобретают проблемы формирования целостной концепции роли права в управлении. Основа этой концепции — теория правового управления, содержанием которой являются: управленческо-функциональная характеристика права (право в системе управления); механизменно-управленческая характеристика права (юридический механизм управления); правовое обеспечение управления (интегративная характеристика управленческого потенциала права с определением предельной нагрузки на право в управлении); процессуально-правовая форма управления (юридико-управленческая процедура); ролевая позиция права в перспективе развития управления и перерастания его в общественное самоуправление.

Следовательно, юридический процесс выделяется как самостоятельный элемент правового управления. Одновременно процессуально-процедурная форма сопровождает работу всех элементов управления, опосредует активность субъекта управления, уровень восприятия управленческого воздействия объектом, содержание «организационных систем управления» (В. Г.

Афанасьев) и «организуемых отношений» (В. М. Горшенев), подключается на всех этапах, ступенях управленческой деятельности. На этом основании предпринимаются попытки выделить регламентное управление, при котором каждая задача превращается в управленческий чертеж [6], и процедурное управление, которое «высвобождает время и умственную энергию персонала для решения нетривиальных творческих задач». При этом возможности подобных типов управления связываются с совершенствованием нормативно-правовой базы управления [7].

Проблема процессуально-правовой формы в управлении не может быть решена в пределах административно-правового подхода. Во-первых, такой подход обращен к юридическому опосредованию управленческих отношений, складывающихся в сфере исполнительно-распорядительной деятельности. Однако этой деятельностью управление не ограничивается. Систематическое толкование ст. 108, 119, 131—132, 146 Конституции СССР не дает оснований для вывода об исключительной прерогативе исполнительно-распорядительных органов. Ленинские идеи о Советах как о «работающих» учреждениях, соединяющих «законодательную функцию и исполнение законов» [2, т. 33, с. 46; т. 34, с. 305], развитие этих идей нашей партией при формулировании задачи — соединить в деятельности Советов законодательство, управление и контроль [3] — подтверждают приведенное толкование конституционного закона и общий вывод об осуществлении правового управления всеми органами государства.

Во-вторых, в административном праве достаточно сложно выделить процессуальные нормы, которые «тяготеют к определенной группе материальных норм», являющихся весьма неоднородными [8, с. 21]. Видимо, этим и объясняется позиция законодателя при подготовке Основ об административных правонарушениях и соответствующих республиканских кодексов, включающих в единый акт материальные и процессуальные нормы. В области управления регламентация, например, правового положения субъектов и процессуальная сторона их деятельности поддаются достаточно четкой дифференциации прежде всего потому, что здесь фиксируется единый по виду государственной деятельности предмет правового регулирования — управление.

В-третьих, правовое управление всегда предполагает правоприменение, которому присуща процессуальная форма. Это означает, что юридический процесс свойствен не только применению санкций норм, но и диспозиций, не только гражданско- и уголовно-правовому, но и каждому юридическому производству, включая правотворчество, и всем отраслям советского права [11, с. 13, 84; 4, с. 242]. Различие производств по сферам

государственного строительства — не в значимости и роли процессуальной регламентации, а в степени процессуально-правового обеспечения. «...Роль, которую в судах играет судопроизводство, — писал К. Маркс, — в законодательных органах играют порядок дня и регламент» [1, т. 11, с. 374]. Верной является точка зрения В. М. Горшенева, квалифицирующего отсутствие процессуальной регламентации в отдельных сферах государственной деятельности как пробел в праве [4, с. 241].

В научной литературе обычно выделяются гражданский, уголовный и административный процесс. Предлагается также обособление законодательного, бюджетного, арбитражного и других видов юридического процесса. Широкое распространение получает мнение о самостоятельности и особенностях государственно-процессуальной формы. Несмотря на то что в отличие от гражданско- и уголовно-процессуальных норм государственно-процессуальные нормы не получили в науке и практике автономного статуса, развитие отрасли и науки государственного права происходит в этом направлении и этого «нельзя не замечать» [11, с. 65, 59]. Однако мнение В. О. Лучина о том, что государственно-процессуальные формы обслуживают только одну отрасль материального права — государственное право — вызывает возражение.

Известно, что именно в связи с определением предмета правового регулирования в области организации и деятельности системы органов государства возникли полемика о самостоятельности отрасли административного права, а также попытки доказать, что наука советского административного права «не имеет своего предмета» (Н. Г. Мревлишвили). Не обращаясь специально к этому вопросу, который продолжает привлекать внимание ученых [10, с. 193], следует признать, что в области нормативного регулирования управления фактически существуют тенденции сближения государственного и административного права (законодательства).

Управление имеет универсальный характер, осуществляется в целом системой государственных органов, государственным механизмом. «...Советская власть есть не что иное, как организационная форма...», «способ управления государством» [2, т. 36, с. 196; 2, т. 37, с. 62]. Процессуально-правовой регламентацией должны быть опосредованы не отдельные действия различных государственных органов, а система управленческих актов, связанных иерархичностью и последовательностью процессуально-процедурных производств, создающих в результате рациональный алгоритм управленческих действий, направленных на решение социально-правовых задач управления. Применительно к реализации прав граждан на эту сторону указывал Б. М. Лазарев, подчеркивая значимость процедурных индивидуальных правил, определяющих «пути движения по инстанциям индивидуальных дел, стадии их рассмотрения, предельные сроки каж-

дой стадии» [5, с. 24]. Еще в большей степени это относится к решению дел, связанных с законными интересами трудовых коллективов, производственных организаций, с осуществлением широкомасштабных народнохозяйственных и социально-культурных задач, целевых комплексных программ, с развитием ТПК, АПК, ПУ. Здесь, как правило, в подготовке, принятии, реализации управленческого решения принимают участие разноуровневые органы, и отсутствие единой, последовательно расположенной по действиям процедуры с соответствующими процессуально-правовыми гарантиями не способствует совершенствованию порядка «принятия решений по крупным вопросам государственной и общественной жизни... его дальнейшей демократизации», стимулированию необходимого в условиях качественного сдвига в производительных силах развитого социализма технологического переворота во многих сферах производства управленческого (хозяйственного) риска [4, с. 291, 287]. Процессуально-правовое обеспечение управленческой деятельности, в частности хозяйственного управления, несомненно, включается в систему организационных мер. В этом отношении характерным примером является явно недостаточный уровень процессуального обеспечения «материальных» полномочий Советов, в частности, при территориальном планировании, сочетании отраслевых и территориальных начал комплексного развития подведомственной Совету территории. Так, Советы всех звеньев (кроме сельских, поселковых) получили право направлять свои предложения по проектам планов неподведомственных предприятий в союзные и республиканские органы отраслевого управления. Однако процедура движения проектных документов между Советами и соответствующими министерствами, ведомствами, как и между Советами различных уровней, не установлена. Не регламентирован также порядок (процесс) прохождения предложений Советов по проектам планов в аппаратах отраслевых органов управления. Такое положение значительно снижает эффективность действия нового законодательства о Советах.

В условиях генерализации задач, стоящих перед государственным аппаратом, повышения его роли в руководстве народным хозяйством — сердцевины всей деятельности государства, создания межотраслевых комплексных подразделений управления, преодоления ведомственной несогласованности, практического корректирования прав — обязанностей, ответственности на всех уровнях управления особое внимание должно быть уделено не столько поиску особенностей процессуальной формы управленческой деятельности отдельных видов государственных органов, сколько изысканию возможностей использования опыта традиционно-процессуальных отраслей в направлении системного процессуально-правового обеспечения государственного строительства с целью укрепления законности управленческой

деятельности. Например, сравнительный анализ эффективности судебно-процессуального института запрета спора о подсудности с наблюдающейся в управлении практикой «переброски» решений убедительно свидетельствует о необходимости процессуального урегулирования подготовки, принятия, вступления в силу, обжалования, пересмотра, отмены управленческих актов, отказа в принятии к производству дел, отказа должностного лица от принятия решения по вопросам его компетенции и отказа от исполнения (незаконного) управленческого решения, делегирования полномочий и ответственности, наконец, процессуального оформления этих юридических значимых действий (с требованием обязательной ссылки на нормативно-правовое основание управленческого решения).

Расширение нормативно-правовой регламентации процессуальных форм государственного строительства и управления, формализацию в определенной мере государственно-управленческой деятельности «не следует понимать как очередной шаг к бюрократизации стиля работы» [7]. Оно предполагает инициативу и предприимчивость, управленческое усмотрение и управленческий риск [3, с. 51], но эти проявления творчества управленческого труда должны опираться на правовую основу — социалистическую законность в управлении.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. *Правда*, 1986, 26 февр. 4. Горшенев В. М. Актуальные проблемы юридического процесса. — В кн.: XXVI съезд КПСС и вопросы развития государственного права, советского строительства и управления. М., 1982, с. 240—244. 5. *Гражданин* и аппарат управления. М., 1982. 269 с. 6. Козлова О. Активность управления. — *Правда*, 1983, 13 июня. 7. Куриц С. Правила для управления. — *Правда*, 1983, 1 марта. 8. Лазарев Б. М., Лунев А. Е. Основы законодательства об административных правонарушениях. — *Сов. гос-во и право*, 1981, № 4, с. 19—28. 9. Основин В. С. Процессуальные отношения в советском государственном праве. — *Сов. гос-во и право*, 1982, № 8, с. 11—15. 10. Студеникина М. С. Некоторые проблемы совершенствования административного законодательства в свете Конституции СССР. — В кн.: Конституция СССР и дальнейшее развитие государственного права и теории права. М., 1979, с. 192—197. 11. *Юридическая процессуальная форма: теория и практика*. М., 1976, 279 с.

Поступила в редколлегию 20.09.83.

А. С. ВАСИЛЬЕВ, канд. юрид. наук

Одесса

ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Применительно к процессу принятия управленческих решений соблюдение принципа социалистической законности находит свое выражение прежде всего в том, что предусмотренные нор-

мами права правила поведения опосредуют практические действия и операции, которые совершаются в ходе осуществления данного вида управленческого труда. Помимо выполнения роли юридических ограничителей, требующих осуществления управленческих действий средствами и методами, указанными в законе или основанными на нем [3, с. 67], правовые нормы становятся также важнейшим условием правильного определения целей и содержания данного вида управленческого труда, средством закрепления социальных ориентиров и программ поведения его участников. Нормы права, регулирующие процесс принятия управленческих решений, определяют конкретные критерии выбора предпочтительных вариантов целесообразного поведения, удерживают его в рамках социалистической законности, а мерой целесообразности выступает при этом цель [4, с. 211], которая формулируется и закрепляется в праве на основе учета государственных, общественных и личных интересов [5, с. 192—196].

В настоящее время правовое воздействие на процесс принятия решений в оперативности управления производством получает широкое развитие. В последние годы накоплен значительный опыт по разработке специальных нормативных актов и процедур, в которых содержатся правила подготовки и организации исполнения управленческих решений с учетом специфики деятельности конкретных органов и звеньев управления. В целях обеспечения эффективного управления процессом принятия решений и обучения кадров искусству их подготовки администрации многих предприятий и объединений разрабатывают специальные методические указания по научной организации управленческого труда, утверждают регламенты деятельности управленческого персонала, составляют матрицы распределения прав, обязанностей и ответственности по осуществлению определенных функций управления (включая принятие управленческих решений) между конкретными органами и звеньями управленческого аппарата.

Широкое использование закрепленных в праве процедур и регламентов отражает порядок подготовки, рассмотрения, обсуждения и выполнения ряда последовательных и параллельных операций, которые составляют содержание определенных видов управленческих работ [2, с. 8]. Оно обеспечивает рациональную организацию управленческого труда, осуществляемого в процессе реализации конкретных управленческих функций, включая функцию подготовки и принятия управленческих решений. Все действия и операции, совершаемые участниками процесса принятия управленческих решений, осуществляются в определенном порядке и последовательности, что исключает их несогласованность и дублирование, нечеткие организацию и осуществление.

При таких условиях рациональное использование правовых средств создает необходимые предпосылки для всеохватывающей правовой организации процесса принятия управленческих решений, которая представляет собой специфическую форму управления этим процессом, основанную на закреплении в праве обязательных правил и процедур, обеспечивающих практическое применение научно обоснованных принципов, методов, организационных форм и средств разработки и реализации решений с учетом характера и содержания конкретных управленческих задач.

Основными элементами правовой организации процесса принятия решений являются: а) установление правовых норм, направленных на регламентацию данного вида управленческого труда на разных этапах его осуществления; б) применение правовых норм с целью упорядочения общественных отношений, которые складываются в процессе принятия решений и составляют объект непосредственного правового воздействия. Фактический результат правовой организации процесса принятия решений — нормативная урегулированность данного вида управленческого труда, обеспечивающая необходимый уровень научной обоснованности и эффективности решения конкретных управленческих задач.

На основе правовой организации процесса принятия управленческих решений в аппарате управления производственной организации складываются рациональные связи и отношения, которые обусловлены предметным и технологическим разделением управленческого труда и обеспечивают эффективное правовое воздействие на все элементы данного вида управленческого труда: определение правового положения, функций и компетенции его участников; установление форм и степени их участия в решении конкретных задач; регулирование выбора методов решения задач и способов информационного обеспечения процесса подготовки и организации исполнения решений, а также документирования решений, воплощения их в конкретных актах управления; определение форм и способов организации исполнения решений, контроля за их исполнением и подведение итогов решения задач с целью определения содержания новых решений и прогнозирования дальнейшего курса действий.

В условиях конкретной производственной организации это создает предпосылки для введения строгих, основанных на законе процессуальных форм управленческой деятельности. Формализуются и упорядочиваются управленческие отношения участников процесса принятия решений, что придает им необходимую устойчивость и определенность. С одной стороны, участники процесса принятия управленческих решений получают ориентиры в осуществлении своей повседневной деятельности и узнают пределы проявления своей творческой активности,

с другой — имеют возможность заранее планировать и организовывать свою служебную деятельность с учетом закрепленных в праве социальных целей и последствий своих действий. На этой основе в аппарате управления производственной организации создаются условия для всемерного укрепления социалистической законности, появляется возможность более активного использования правовых норм как средства формализации конкретных экономических и социально-политических потребностей, которые действуют в сфере управления социалистическим производством.

Разумеется, формализация управленческих отношений, возникающих в процессе принятия управленческих решений, имеет свои пределы и может быть сопряжена с определенными потерями. Она не должна переходить в крайний нормативизм, исключая проявление инициативы и самостоятельности участников данного вида управленческого труда в процессе выбора ими путей и средств наиболее оптимального выполнения возложенных на них обязанностей. При любой степени формализации нельзя забывать о том, что процесс принятия управленческих решений носит ярко выраженный творческий характер [1, с. 97—98]. Значительная доля совершаемых в этой области действий и операций практически не может быть «втиснута» в заранее определенные рамки. Вместе с тем процесс исследования возникающих в управлении производством ситуаций и выбор обусловленных ими курсов действия производственной организации должны осуществляться на основе использования тех средств, форм и методов управленческой деятельности, которые предусмотрены законом или основаны на нем. Следовательно, действительная проблема заключается здесь не в том, чтобы избегать правовой формализации процесса принятия управленческих решений, боясь излишней его зарегулированности, а в том, чтобы правильно выбрать критерий формализации и те рамки, которые ограничивают свободное усмотрение и неконтролируемую активность участников данного вида управленческого труда.

При правильном использовании потенциальных возможностей правовых средств в данной области управленческой деятельности создаются благоприятные условия, благодаря которым подготовка и организация исполнения управленческих решений из стихийной деятельности, определяемой лишь субъективным усмотрением руководителей, их личным пониманием сложившейся хозяйственной ситуации и способов ее преодоления, превращаются в упорядоченный, основанный на законе управляемый процесс, который предполагает использование выработанных наукой форм и методов управленческого труда. Формируются предпосылки для перевода свойств упорядоченности, нормативности, определенности и динамичности право-

вых норм в организованность конкретных общественных отношений, что способствует научно обоснованной организации и оптимизации процесса принятия управленческих решений на основе строгого соблюдения правового режима всех его стадий [6, с. 101].

Таким образом, правовое воздействие на процесс принятия управленческих решений, выражающееся во всеобъемлющей правовой организации всех его элементов в рамках конкретной производственной организации, — одно из необходимых условий соблюдения юридического режима управленческой деятельности ее администрации. Оно обеспечивает строгое и четкое соблюдение социалистической законности всеми органами и должностными лицами аппарата управления производственной организации в процессе решения возложенных на него управленческих задач. Такое правовое воздействие создает организационно-правовые предпосылки для эффективной деятельности администрации по мобилизации материально-трудовых, финансовых, временных и иных ресурсов производственной организации на успешное осуществление поставленных перед ней производственных и хозяйственных задач.

Список литературы: 1. *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М., 1977. 384 с. 2. *Дейнеко О. А.* Рационализация труда руководителя. М., 1983. 64 с. 3. *Додин Е. В.* Доказывание и доказательства в правоприменительной деятельности органов советского государственного управления. Киев; Одесса, 1976. 128 с. 4. *Проблемы общей теории социалистического государственного управления.* М., 1981. 312 с. 5. *Сиренко В. Ф.* Интересы в системе основных институтов советского государственного управления. К., 1982. 216 с. 6. *Тихомиров Ю. В.* Оптимизация процесса принятия и выполнения управленческого решения в системе государственного управления. — В кн.: *Методологические вопросы оптимизации управления и повышения его эффективности в свете решений XXVI съезда КПСС.* Калинин, 1981, с. 97—101.

Поступила в редколлегию 20.09.83

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ СВОДА ЗАКОНОВ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Идея создания Свода законов Советского государства принадлежит В. И. Ленину [1, т. 54, с. 289]. П. И. Седугин, например, приходит к выводу о том, что впервые В. И. Ленин поставил вопрос о создании Свода законов в 1922 г. [14, с. 5]. Между тем решение об упорядочении законодательства и создании Свода законов было принято ранее. 21 ноября 1917 г. управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич писал: «В настоящее время Комиссар по юстиции занят составлением сборника декретов и законов, изданных по сие время рабочим и крестьянским правительством» [19, ф. 130, оп. 1, д. 19, л. 53].

19 декабря 1917 г. постановление СНК утвердило план работы Народного комиссариата юстиции. В постановлении подчеркивалось, что задачей кодификационного отдела является «создание полного Свода действующих законов Русской революции» [16, 1917, № 12, ст. 171]. Так впервые в законе была отражена ленинская идея создания Свода законов. После принятия постановления в декабре 1917 г. в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства» сообщалось, что кодификационный отдел НКЮ выработал план, согласно которому приступил к составлению «полного Свода законов Российской революции» [19, ф. 130, оп. 1, д. 19, л. 12—14]. Исходя из приведенных документов можно сделать вывод о том, что в сентябре 1922 г. В. И. Ленин интересовался проводимой в этом направлении работой.

Необходимость системного упорядочения, кодификации законодательства была вызвана наличием огромного количества неупорядоченных нормативных актов, что отрицательно влияло на качество правового регулирования, тормозило в какой-то мере прогрессивное развитие новых общественных форм жизни, вызывало опасность возникновения «зарегулированности» общественных отношений. Такое положение было образно охарактеризовано, как «наводнение», как «угрожающие затопить нас волны законов» [15, с. 12].

Свод законов не был издан в тот исторический период, однако стремление молодого Советского государства создать его увенчалось проведением кодификации отраслевого законодательства и созданием в 1926—1927 гг. не имевшего официального характера «Систематического собрания действующих законов Союза Советских Социалистических Республик»

в четырех томах. 19 июня 1927 г. постановление СНК СССР «О составлении Собрания действующих законов Союза ССР» возложило на кодификационную комиссию СНК СССР проведение работ по подготовке проекта Свода законов СССР [9].

Проект Свода законов был подготовлен к марту 1929 г. и представлен на рассмотрение специальной комиссии ЦИК СССР. Комиссия изучала проект до декабря 1930 г. Она определила полноту собранного законодательства, внесла редакционные поправки и предложила внести ряд существенных изменений в проект. По замыслу создателей, Свод законов СССР должен был стать единственным официальным источником права. Акты, не включенные в него, должны были стать недействительными. Проект закона «Об утверждении и введении в действие Свода законов Союза ССР» предполагал лишь незначительные отклонения от этого правила.

Интенсивное развитие общественных отношений, вызванное индустриализацией, коллективизацией и культурной революцией, не позволило принять и ввести в действие первый проект Свода законов СССР. В декабре 1930 г. было принято решение ЦИК СССР о нецелесообразности издания Свода законов СССР.

В 1938—1941 гг. работы по подготовке Свода законов были возобновлены, но, к сожалению, не привели к положительному результату [17, с. 9].

В послевоенный период в связи с проведенным второй кодификации советского законодательства, в юридической литературе вновь поднимается вопрос о необходимости создания Свода законов СССР и наряду с ним Свода законов союзных республик [10, с. 10]. Впервые в официальном порядке такой вопрос был поставлен на XXV съезде КПСС. На съезде отмечалось, что «...настало время издать свод законов Советского государства» [2, с. 82]. На необходимость дальнейшего совершенствования законодательства указал XXVII съезд КПСС [3].

К этому времени были созданы необходимые экономические, политические и юридические предпосылки для успешной реализации этой важной задачи. К их числу следует отнести проведенные в 1950—1970 гг. кодификацию и систематизацию советского законодательства, завершившиеся изданием собрания действующего законодательства СССР и систематических собраний действующего законодательства союзных республик. Собрания стали своего рода нормативной базой, используемой для создания Свода законов СССР и Свода законов союзных республик. Без подготовки и издания систематических собраний действующего законодательства нельзя было и думать об издании Свода законов [13, с. 5].

В Украинской ССР систематическое собрание действующего законодательства издано в 24 томах. В 29-ти разделах по

отраслям права размещено 4315 нормативных актов. Законодательство Украинской ССР было приведено в систему и освобождено почти от 5 тысяч устаревших нормативных актов [11, с. 4].

Во исполнение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 июня 1975 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию хозяйственного законодательства» [6, 1975, № 16, ст. 96] через научно-информационный центр ВНИИСЗ был организован государственный учет нормативных актов Союза ССР и союзных республик.

Сердцевиной Свода законов Советского государства стали Конституция СССР (1977 г.) и конституции союзных республик, закрепившие основы развитого социалистического общества. Реализация планов приведения законодательства в соответствие с Конституцией СССР и конституциями союзных республик явилась важной предпосылкой создания Свода законов Советского государства [5, 1977, № 51, ст. 76, 4, 7, ст. 446].

К моменту создания Свода законов в стране был накоплен большой опыт по кодификации и систематизации законодательства. Советская правовая наука на достаточно высоком уровне была обеспечена практическими и научными кадрами.

В связи с подготовкой к изданию Свода законов Советского государства в юридической литературе был поднят вопрос о предмете Свода. И. С. Самощенко, например, предложил следующие варианты: 1) предмет Свода законов совпадает с предметом Собрания действующего законодательства; 2) предмет Свода законов шире предмета Собрания действующего законодательства; 3) предмет Свода законов уже предмета Собрания действующего законодательства [12, с. 5].

Анализ посвященных Своду материалов нормативного и методического характера показывает, что при издании Свода законов законодатель пошел по третьему пути.

Основные вопросы создания Свода законов определены совместными постановлениями ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 2 сентября 1976 г. «О подготовке и издании Свода законов СССР» [5, 1976, № 37, ст. 515] и от 25 марта 1978 г. «Вопросы Свода законов СССР» [6, 1978, № 9, ст. 60]. В Украинской ССР, как и в каждой союзной республике, во исполнение указанных постановлений приняты соответствующие постановления [8, 1976, № 42, ст. 381; 1978, № 35, ст. 505]. Свод законов СССР и Свод законов союзных республик в своем единстве составят первый Свод законов Советского многонационального государства. В настоящее время в законодательном порядке еще не решен вопрос о создании Сводов законов автономных республик.

Отдельные авторы высказывали в юридической литературе мнение о возможности включения в Свод законов нормативных

актов, принятых на съездах Советов, заседаниях ЦИК, Президиума ЦИК, СНК [18, с. 60]. На наш взгляд, такое включение в союзном и республиканском масштабах нецелесообразно и может рассматриваться лишь как исключение ввиду особого политического значения конкретного нормативного акта. Данные нормативные акты сыграли роль в свое время, а в настоящее время полностью либо в большей части устарели и не могут обеспечить высокое качество правового регулирования на уровне качественно новых общественных отношений. Представляется, что такие акты стали памятниками истории и должны отменяться по мере создания новых кодификационных актов. Такая тенденция наблюдается при создании Свода законов Украинской ССР.

Так, в первом томе Свода законов Украинской ССР содержится лишь один нормативный акт, принятый в довоенное время. Это закон Украинской ССР от 29 июля 1983 г. «О возмещении депутатам Верховного Совета УССР расходов, связанных с выполнением депутатских полномочий». Однако и этот закон включен не в первоначальной редакции, так как в него дважды (в 1979 и 1980 гг.) вносились изменения, и поэтому его статьи не сохранили первоначального содержания [8, 1979, № 31, ст. 400; 1980, № 14, ст. 211]. Все остальные нормативные акты, за исключением одного [7, т. 1, гл. 10, § 1], приняты в период от середины 50-х годов до настоящего времени, т. е. практически в период построения развитого социалистического общества.

Такая же линия четко прослеживается и при создании Свода законов СССР. Так, первый том Свода законов содержит лишь 7 актов [4, разд. I, т. 1, гл. 12, § 2, с. 437; § 3, с. 449, 460, 478; § 4, с. 485—486, 493], принятых в довоенное время и касающихся вопросов установления высших степеней отличия, орденов, медалей, почетных званий. В девятом томе Свода законов СССР таких актов 4 из 91, и касаются они вопросов внешних отношений [4, разд. V, т. 9, гл. 2, с. 129—130].

Создание Свода законов Советского государства следует рассматривать, на наш взгляд, как очередной этап третьей кодификации советского законодательства, проводимой на основе Конституции СССР и конституций союзных республик с целью дальнейшего укрепления правовой основы государственной и общественной жизни, обеспечения стабильности, доступности законодательства для всех граждан, укрепления социалистической законности, усиления охраны правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. 256 с. 3. Правда, 1986, 26 февр. 4. Свод законов СССР. 5. Ведомости Верховного Совета СССР. 6. СП СССР. 7. Свод зако-

нов УССР. 8. *Ведомости* Верховного Совета УССР. 9. *Гусев Ю. И.* Теоретические проблемы составления Свода законов СССР (по материалам предметной систематизации советского законодательства в 1927—1930 гг.). М., 1973, 22 с. 10. *Межвузовское* научное совещание «Сорок лет Советского государства и права и развитие правовой науки». Тезисы докладов, Л., 1957, 253 с. 11. *Пашукова О. Г.* Свод законов Украинской ССР. — *Хозяйство и право*, 1982, № 6, с. 3—8. 12. *Самощенко И. С.* О своде законов Советского государства. — Проблемы совершенствования советского законодательства. М., 1977, Т. 8, 253 с. 13. *Самощенко И. С.* Свод законов Советского государства. — *Сов. юстиция*, 1981, № 3, с. 3—9. 14. *Седугин П. И.* Свод законов СССР и дальнейшее совершенствование законодательства. — *Человек и закон*, 1977, № 8, с. 3—7. 15. *Стучка П. И.* Революционная кодификация. — *Революция права*, 1929, № 5, с. 3—16. 16. *СУ РСФСР*. 17. *Ушаков А. А. В. И.* Ленин и кодификация советского права. — *Сов. гос-во и право*, 1956, № 5, с. 6—10. 18. *Шебанов А. Ф.* Подготовка Свода законов СССР и юридическая наука. — *Сов. гос-во и право*, 1977, № 5, с. 59—72. 19. *ЦГАОР СССР*.

Поступила в редколлегию 17.12.83.

Е. О. ХАРИТОНОВ, канд. юрид. наук, *Н. А. БРОВЧЕНКО*

Одесса

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О ПРИЗНАНИИ ОРДЕРА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

Важным правовым средством обеспечения строгого соблюдения законодательства о порядке распределения жилых помещений является предусмотренная ч. 4 ст. 25 Основ жилищного законодательства возможность признания ордера недействительным.

Поскольку процессуальные вопросы признания ордера недействительным в законодательстве урегулированы недостаточно детально, целесообразно их специальное исследование.

Прежде всего возникает вопрос о подведомственности суду споров о признании ордера недействительным до его реализации (т. е. до вселения в жилое помещение и заключения договора найма жилого помещения).

В литературе было высказано мнение, что признание ордера недействительным до момента его реализации возможно в административном порядке, поскольку правоотношения, возникшие в момент выдачи ордера, являются административно-правовыми и подлежат защите в административном порядке [5, с. 116; 6, с. 32].

Думается, что такая позиция находится в некотором противоречии с новым жилищным законодательством. В ст. 25 Основ предусмотрено, что ордер — единственное основание для вселения в предоставленное жилое помещение. С выдачей

ордера завершаются административно-правовые отношения между жилищным органом и гражданином по поводу предоставления жилого помещения и возникает гражданско-правовое отношение, содержанием которого являются право ордерадержателя требовать предоставления указанного в ордере жилого помещения и заключения договора найма и обязанность жилищного органа обеспечить надлежащую реализацию данного субъективного права. Поэтому выданный гражданину ордер в случае спора может быть аннулирован только в судебном порядке [10, с. 15], т. е. данный спор подведомствен суду.

Основанием для предъявления иска о признании ордера недействительным может явиться одно из обстоятельств, предусмотренных ст. 25 Основ жилищного законодательства: представление гражданами не соответствующими действительности сведений о нуждаемости в улучшении жилищных условий; нарушение прав других граждан и организаций на указанное в ордере жилое помещение; неправомерные действия должностных лиц при решении вопроса о предоставлении жилого помещения; иные случаи нарушения порядка и условий предоставления жилых помещений.

Нарушения порядка предоставления жилых помещений могут выразиться: в выдаче ордера по единоличному распоряжению должностного лица при отсутствии решения исполкома либо администрации и профкома предприятия, учреждения, организации [8, 1960, № 4, с. 127]; в принятии решения о предоставлении жилого помещения без участия представителей общественных организаций; в предоставлении решением администрации и профкома жилых помещений в домах местных Советов народных депутатов без соответствующего решения исполкома [8, 1974, № 10, с. 88]; в предоставлении жилого помещения ненадлежащему лицу, например в домах ведомственного фонда не работающему в данном ведомстве гражданину [2, с. 52]; в предоставлении жилых помещений лицам, не состоящим на квартирном учете.

Широкое распространение в литературе и практике получила точка зрения, согласно которой основанием для признания ордера недействительным (основанием для предъявления соответствующего иска) является наличие общих оснований, предусмотренных законом для признания сделки недействительной (обман, существенное заблуждение и т. п.) [3; 9, с. 31]. Однако данная позиция, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Не вызывает сомнения тот факт, что ордер на жилое помещение не является гражданско-правовой сделкой. Этот административно-правовой акт — единственное основание для вселения в жилое помещение и заключения договора найма жилого помещения в домах государственного и общественного жилищного

фонда (ст. 25 Основ жилищного законодательства). Из такого понимания его правовой природы и следует исходить в случаях определения основания предъявления иска о признании ордера недействительным и последствий признания ордера недействительным.

Определенную специфику имеет подготовка к судебному разбирательству дел о признании ордера недействительным. Исходя из конкретных оснований предъявления иска, при подготовке судья должен истребовать: ордер и договор, о недействительности которых ставится вопрос; решение исполкома о выдаче ордера и документы, на основании которых решался вопрос о предоставлении жилого помещения; ордер, договор найма, другие документы о праве других граждан или организаций на спорное жилое помещение; материалы проверок, расследования или другие доказательства относительно противоправности действий должностных лиц или лиц, которым предоставлено жилое помещение; документы о занимаемом ответчиком до выдачи ордера помещении [4, с. 35].

Только после тщательно проведенной подготовки дела оно назначается к слушанию, о чем судья выносит определение.

Особенностью этих дел является то, что в процессе разрешения спора одновременно осуществляется проверка законности действий компетентных государственных органов по предоставлению жилого помещения в административно-правовой области, так как исковые требования направлены и на устранение нарушений, допущенных при вынесении административно-правового акта—ордера.

При принятии искового заявления, в процессе подготовки дела к судебному разбирательству и особенно в ходе судебного разбирательства важно выяснить, являются ли истец и ответчик надлежащими сторонами в деле.

Надлежащие стороны—это действительные участники спорного правоотношения. Понятие надлежащей стороны предопределяет обязательно материально-правовую причастность ее к данному делу [9, с. 50]. Поэтому для определения надлежащей стороны в делах о признании ордера недействительным необходимо установить, кто является субъектами жилищного правоотношения, возникшего в связи с выдачей ордера на жилую площадь. Одной стороной в таких правоотношениях обязательно является гражданин-ордеродержатель, другой — владелец жилищного фонда, т. е. исполком (в случае, если жилая площадь выделяется гражданину из фонда местного Совета или ведомства). Содержание же составляют право ордеродержателя требовать предоставления указанного в ордере помещения и обязанность жилищного органа обеспечить реализацию этого права.

Следует подчеркнуть, что исполком выступает в качестве стороны в делах о признании ордера недействительным тогда, когда он является владельцем жилищного фонда, но не в связи с тем, что выдает ордер на жилое помещение, так как сама по себе выдача ордера исполкомом не создает между ним и гражданином гражданских правоотношений.

Нередко в качестве надлежащего истца в делах о признании ордера недействительным выступает исполком или ведомство как владелец жилищного фонда. В таком случае надлежащим ответчиком является ордеродержатель. Однако указанное процессуальное положение сторон может изменяться. Так, если ордер выдан на помещение, не отвечающее установленным требованиям, т. е. на подсобное помещение или смежную комнату, в качестве истца может выступать сам ордеродержатель, так как нарушаются его права и он вправе обратиться с требованием о защите своего гражданского права на занятие соответствующего жилого помещения, а владелец жилищного фонда выступает в качестве ответчика.

Если же ордер, выданный на жилое помещение, нарушает законные права других граждан или организаций на указанное в ордере жилое помещение, то последние могут выступать в качестве истцов. В этом случае ответчиками являются ордеродержатель, вселившийся в спорное жилое помещение, и владелец жилищного фонда, нарушивший правила распределения жилой площади, т. е. они являются соответчиками, причем соучастие носит обязательный характер.

Согласно ст. 6, 29 Основ гражданского судопроизводства, (ст. 5, 118 ГПК УССР), право обратиться с иском в суд о признании ордера недействительным имеет и прокурор в целях защиты прав и охраняемых законом интересов лиц или организаций.

В соответствии с действующим законодательством не может выступать в качестве истца в деле о признании ордера недействительным комитет профсоюза, если ордер на занятие ведомственной жилой площади выдан с нарушением порядка, установленного законом. Согласно п. 3 ст. 6, ч. 1 ст. 30 Основ гражданского судопроизводства, ч. 1 ст. 122 ГПК УССР, общественная организация может обратиться в суд с заявлением в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц лишь в случаях, предусмотренных законом. По поводу признания ордера недействительным такая возможность в законодательстве не предусмотрена.

В литературе высказано мнение, что в таких случаях профсоюзная организация вправе обратиться в суд с заявлением о признании ордера недействительным, поскольку администрация и исполком нарушили порядок предоставления жилой площади, установленной законом [11, с. 29]. Это право профсоюз-

ной организации согласуется с выдвинутым на XXVII съезде КПСС требованием распределения жилья с участием общественных организаций, при твердом контроле с их стороны [1], причем эффективность контроля обеспечивается и возможностью самостоятельного выдвижения профсоюзной организацией требований о пресечении нарушений в распределении жилья путем признания ордера недействительным.

Сказанное позволяет поддержать предложение о дополнении ст. 24 Основ жилищного законодательства положением о праве профкома на обращение в суд с заявлением о признании ордера на жилое помещение недействительным, если он выдан с нарушением порядка, установленного законом [10, с. 46—47].

Вместе с признанием ордера недействительным решается вопрос о выселении ордеродержателя и проживающих с ним членов семьи, если они вселились в спорное помещение. Верховный Суд СССР в постановлении Пленума от 9 декабря 1982 г. «О практике применения судами Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик» (п. 23) разъяснил, что при рассмотрении дел о выселении суды должны привлекать к участию в деле всех совершеннолетних лиц, проживающих с нанимателем [12, 1983, т. 2]. На наш взгляд, целесообразно было бы уточнить, что указанные лица в делах о признании ордера недействительным должны привлекаться в качестве соответчиков.

В п. 2 постановления сказано, что организация, на которую в силу закона суд возлагает обязанность предоставить выселяемым другое жилое помещение, должна быть привлечена к участию в деле. Однако из постановления не ясно, в качестве кого должна привлекаться такая организация: соответчика или третьего лица. На наш взгляд, она должна привлекаться в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования на предмет спора.

Выселение ответчика по этим делам не ставится в зависимость от предоставления ему жилого помещения, и исполнение решения о выселении также не должно ставиться в зависимость от времени предоставления выселяемому другого жилого помещения (п. 3).

Правильное решение дел о признании ордера на жилое помещение недействительным с учетом их процессуальных особенностей способствует обеспечению конституционного принципа справедливого распределения жилых помещений, укреплению законности в жилищных отношениях.

Список литературы: 1. *Правда*, 1986, 26 февр. 2. *Басин Ю.* Пределы компетенции судебных органов по аннулированию ордеров на право занятия жилой площади. — *Соц. законность*, 1960, № 1, с. 51—53. 3. *Голодный М. А., Сиволобова Г. С., Будзилович И. С.* Комментарий к Положению о порядке

предоставления жилой площади в Украинской ССР. К., 1981, 152 с. 4. *Давиденко Г.* Підготовка до розгляду справ: про вилучення лишків жиллої площі, визнання ордера недійсним; про виселення наймача з наданням іншого жилого приміщення. — Рад. право, 1979, № 7, с. 35. 5. *Мартемьянов В. С.* Правовая природа и подведомственность споров о признании недействительным ордера на жилую площадь. — Сов. гос-во и право, 1966, № 1, с. 114—120. 6. *Маслов В. Ф.* Защита жилищных прав граждан. Х., 1970, 208 с. 7. *Маслов В. П.* Радянське житлове право. К., 1973. 174 с. 8. Рад. право. 9. *Советский* гражданский процесс. К., 1982, 423 с. 10. *Тараканова Е. М.* Участие жилищных органов в гражданском процессе. М., 1981. 70 с. 11. *Толстой Ю. К.* Советское жилищное законодательство. Л., 1974, 228 с. 12. *Бюл.* Верховного Суда СССР.

Поступила в редколлегию 12.05.83.

В. И. ТЕРТЫШНИКОВ, канд. юрид. наук

Харьков

АРБИТРАЖНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА В СИСТЕМЕ ФОРМ ЗАЩИТЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРАВ

На современном этапе коммунистического строительства все большее значение приобретает необходимость дальнейшего совершенствования хозяйственных связей. Этот вопрос постоянно находится в центре внимания Коммунистической партии и Советского государства. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии указывалось, что законодательство должно еще активнее помогать внедрению экономических методов управления [2].

Современный уровень социального и экономического развития требует совершенствования не только сущностной стороны хозяйственного законодательства, но и процессуальных форм его осуществления. Представляется важным прежде всего определение понятия арбитражно-процессуальной формы как одного из важнейших структурных компонентов механизма правового регулирования отношений, возникающих в деятельности государственного арбитража.

Арбитражно-процессуальная форма — понятие сложное, комплексное. Ее структура предопределяется прежде всего задачами государственного арбитража, указанными в ст. 2 Закона Союза ССР «О государственном арбитраже» от 30 ноября 1979 г. [15, с. 3].

Анализ многообразных задач арбитража позволяет отстаивать мнение о том, что роль государственного арбитража состоит не только в защите имущественных прав и законных интересов предприятий и организаций, но и в хозяйственном ру-

ководстве. Вся эта деятельность вводится в процессуальное русло именно с помощью арбитражно-процессуальной формы. Более того, арбитражно-процессуальная форма (точнее, ее структурное подразделение) присуща также и реализации нормотворческой функции органов государственного арбитража.

Арбитражно-процессуальная форма — сложное системное образование, состоящее из ряда подсистем, среди которых ведущее место, безусловно, принадлежит процессуальной форме защиты имущественных прав и законных интересов предприятий, учреждений и организаций. Данная форма ставится на первое место и в партийных решениях, и в нормативных актах о государственном арбитраже. В связи с этим следует признать убедительным вывод П. В. Логинова о доминирующем значении функции защиты права по сравнению с другими функциями арбитража [6, с. 20—21].

В поисках оптимальных путей разрешения хозяйственных споров ряд ученых высказали иной подход к определению правовой природы арбитражно-процессуальной формы. Высказаны (с некоторыми различиями) мнения о том, что арбитраж необходимо превратить, по существу, в хозяйственный суд или максимально сблизить эти формы [7, с. 62; 8, с. 102]. Более того, Н. Т. Арапов, И. М. Зайцев отстаивают вывод об универсальности гражданско-процессуальной формы [9, с. 104; 10, с. 35]. Такие выводы базируются на общности большинства принципов арбитражного и гражданского процессов, общности основных процессуальных институтов (стороны, иск, стадии, процесс, решения и др.).

Действительно, сравнение процессуальных правил ГПК союзных республик и процессуальных правил для государственного арбитража показывает ряд сходных принципиальных положений, институтов. Новые «Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами» [15, с. 19—63] продолжили, на наш взгляд, тенденцию сближения процессуальных правил для арбитража с правилами судопроизводства.

Деятельность государственного арбитража протекает в процессуальной форме, однако считать, что гражданско-процессуальная форма универсальна или же нуждается в унификации, на наш взгляд, не следует. Во-первых, высшие органы арбитражной системы осуществляют и функцию нормотворческую, т. е. арбитражная процессуальная форма определяет порядок не только разрешения споров, но и нормотворчества и хозяйственного руководства. В этом — существенное отличие арбитражной формы от судебной. Во-вторых, нет ни практической, ни теоретической необходимости в унификации даже процессуальных форм правоприменительной деятельности. Как справедливо отмечает В. М. Горшенев, оптимальным путем совершенствования правоприменительного процесса является не поиск

универсальных форм, а специализация и совершенствование каждой из них [4, с. 22—23].

Один из основных тезисов сторонников мнения об универсальности гражданско-процессуальной формы сводится к утверждению о том, что все установленные законом процессуальные формы защиты не могут не соответствовать гражданскому материальному праву [9, с. 104]. Данное положение верно, ибо вытекает из вывода К. Маркса о соотношении материального права и процесса [1, т. 21, с. 158]. Однако, даже исходя из точки зрения о том, что гражданское процессуальное право регулирует деятельность не только судебных, но и арбитражных органов по защите права [11, с. 70—71], то и в этом случае нельзя утверждать, что процессуальные формы деятельности по защите права тождественны. Материальному праву присуща не одна, а множество процессуальных форм.

До тех пор, пока субъективное право не нарушено, не оспаривается, материальное право нуждается лишь в возможности процессуальных форм защиты как гарантий от нарушения субъективного права и охраняемого законом интереса. В присущих же ему процессуальных формах материальное право «живет», осуществляется лишь тогда, когда субъективное право нарушено либо оспаривается. Однако и в таком случае существует не единая, а разнообразные формы жизни, проявления материального права. Не следует, на наш взгляд, утверждать, что какая-либо из этих форм не будет соответствовать своему содержанию — материальному праву. Кроме того, сравнивая отдельные формы защиты права, наряду с отмеченными сходствами можно выявить и ряд различий.

Так, судебная форма считается наиболее урегулированной по сравнению с арбитражной процессуальной формой (тем более по сравнению с другими формами защиты). Не одинакова деятельность по защите права в различных формах также по своему характеру, задачам и целям. Различие задач приводит к неизбежному выводу о различии в компетенции, порядке деятельности, методе регулирования общественных отношений для каждой из форм.

Градации эта предопределена Конституцией, которая отводит арбитражу особое место в системе государственных органов.

Таким образом, хотя все формы защиты права и имеют единое содержательное начало — материальное (гражданское) право, они все же имеют и существенные различия, своеобразие (процессуальная напряженность, цели и задачи, принципы и т. п.). Наличие сходных черт не достаточно для того, чтобы считать существующим закономерно связанное системное образование — всеобщую гражданскую процессуальную форму, под-

разделениями (подсистемами) которой являлись бы судебная процессуальная форма, общественная форма и т. д. Однако возможно и желательно как с теоретической, так и с практической точек зрения исследование всеобщей процессуальной формы защиты субъективных прав в качестве суммативного образования. Развитие судебной процессуальной формы уже оказало, на наш взгляд, определенное воздействие на совершенствование структуры органов государственного арбитража, на изменение порядка пересмотра их решений и др.

Убедительным в этой связи представляется мнение А. А. Добровольского [6, с. 88—89], И. Г. Побирченко [13, с. 45], П. В. Логинова [12, с. 110], считающих арбитражную форму самостоятельной. Такая форма урегулирована отдельной от гражданского процессуального права совокупностью процессуальных норм.

В правовой науке арбитраж часто определяется как своеобразный орган управления, орган хозяйственного руководства функциональной компетенции [5, с. 31; 12, с. 10]. Более того, В. Лаптев определяет арбитраж как фундаментальный орган хозяйственного руководства [11, с. 56].

Выводы авторов о своеобразном месте государственного арбитража представляются весьма убедительными. Арбитраж имеет целый ряд сходных моментов с органами управления. Вряд ли можно возразить против мнения о том, что арбитраж участвует в реализации функции хозяйственного руководства. Да и само разрешение хозяйственных споров (особенно преддоговорных) — также своеобразное хозяйственное руководство. Вместе с тем органы арбитража отличаются от «традиционных» органов управления. Не случайно правила об арбитраже помещены в особом разделе Конституции СССР. В отличие от органов государственного руководства функция разрешения споров для арбитража выдвигается на первое место. Арбитраж разрешает споры между равными сторонами, подчиненными часто различным ведомством. Процессуальная форма отличается довольно жестким процессуальным режимом.

Таким образом, арбитраж — это особый орган, обладающий правоохранительными, управленческими и нормотворческими функциями в пределах и случаях, установленных особой группой арбитражно-процессуальных норм права. Поэтому и арбитражная процессуальная форма представляет собой самостоятельное правовое явление среди всех процессуальных форм. Понятие «арбитражная процессуальная форма» может быть выяснено только при наличии следующих условий: решения с общетеоретических позиций вопроса о сфере распространения процессуальной формы, о соотношении процессуальных действий и процессуальной формы, о системности процессуальной формы.

В научной литературе сложились в основном две позиции по вопросу о сфере распространения процессуальной формы. Совершенствование процессуальной формы поэтому зависит от убедительности каждой из них и имеет больше практическое, чем сугубо теоретическое значение, так как от правильного решения данного вопроса зависят успешные поиски оптимальных вариантов правоприменительной деятельности.

Наиболее распространенной является точка зрения о том, что процессуальная форма присуща только деятельности суда [14, с. 5; 13, с. 262—263]. Иной подход состоит в том, что процессуальная форма присуща деятельности также административных, а во многих случаях и других государственных органов и не только для правоприменительной, но и для правотворческой и иной деятельности. Такая позиция получает все большее признание.

В последние годы предприняты попытки разработать теоретическое понятие «процессуальная форма». Плодотворны в этом плане работы В. М. Горшенева, П. Ф. Елисейкина, Ю. И. Мельникова и некоторых других авторов. Представляется, что критика попыток разработки понятия процессуальной формы не обоснована. Дело, видимо, в том, что разрабатывается понятие (такое же, как «норма права», «правоотношение» и т. п.), а не отыскивается явление, специфическое во всех его чертах и для суда, и для арбитража, и для органов государственной власти и т. д. Иными словами, предпринимаются усилия по выявлению общих признаков ряда правовых явлений, имеющих общую природу.

Содержание и форма присущи всякому явлению либо процессу реальной действительности. Содержание — это внутренняя сторона предмета, представляющая совокупность элементов и процессов, образующих основу существования и развития вещей, а форма — организация, структура содержания. Содержание арбитражного процесса составляет совокупность процессуальных действий: предъявление иска, действия по подготовке дела, рассмотрение дела и т. д. Процессуальные действия объединяются в правоотношения в предусмотренном процессуальном порядке их совершения. Это и есть не что иное, как частная процессуальная форма*. Однако частные процессуальные формы зависимы друг от друга, так как порядок процессуальной деятельности арбитража четко урегулирован нормативными актами об арбитраже. Деятельность эта протекает по последовательно сменяющим друг друга стадиям. Поэтому и формирующие эту деятельность частные процессуальные формы находятся в определенной системе.

* Частные процессуальные формы — не внешние, а внутренние формы арбитражного процесса. Внешней же формой будет внешне воспринимаемый способ существования, проявления и содержания.

Так, совокупность процессуальных действий по подготовке дела к рассмотрению составляет в своем единстве систему, образование большей общности — процессуальную форму подготовки дела к рассмотрению. Таких образований большей общности столько же, сколько стадий арбитражного производства: процессуальные формы возбуждения дела, подготовки дела и т. д. Все они в предусмотренном порядке составляют в совокупности арбитражную процессуальную форму — системное образование наиболее общего порядка*.

Таким образом, арбитражно-процессуальная форма — это предусмотренный арбитражным процессуальным законодательством порядок совершения процессуальных действий по разрешению хозяйственных споров, хозяйственному руководству и нормотворчеству в предусмотренных законом случаях и пределах. Арбитражная процессуальная форма — способ связи процессуальных действий в урегулированных процессуальным законодательством общественных отношениях, возникающих в арбитражном производстве.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Правда, 1986, 26 февр. 3. Абова Т. Е., Тадевосян В. С. Разрешение хозяйственных споров. М., 1968. 176 с. 4. Абрамов С. Н. Гражданский процесс. М., 1948. 483 с. 5. Арапов Н. Т. О понятии гражданской процессуальной формы защиты права. — В кн.: Вопросы организации суда и осуществления правосудия. Калининград, 1973, с. 96—108. 6. Арбитражный процесс в СССР / Под ред. А. А. Добровольского. М., 1973. 222 с. 7. Братусь С. Н. Советское гражданское право и социалистическая законность. — Соц. законность, 1967, № 11, с. 58—65. 8. Зайцев И. М. Арбитражное рассмотрение преддоговорных споров. Саратов, 1973. 87 с. 9. Зейдер Н. Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права. — Правоведение, 1962, № 3, с. 69—82. 10. Горшенев В. М. Природа назначения процессуальной формы в советском праве. — Вестн. Ярославск. ун-та, 1972, № 4, с. 2—23. 11. Лаптев В. Хозяйственное право и государственный арбитраж. — Хозяйство и право, 1983, № 1, с. 56—60. 12. Логинов П. В. Сущность государственного арбитража. М., 1968. 144 с. 13. Побирченко И. Г. Хозяйственное процессуальное законодательство. К., 1976. 271 с. 14. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. 271 с. 15. Сб. Основные нормативные акты о Государственном арбитраже в СССР. М., 1980. 74 с. 16. Церетели Н. И. Арбитраж и регулирование хозяйственных взаимоотношений. — Сов. гос-во и право, 1970, № 10, с. 100—105.

Поступила в редколлегию 20.01.83.

* Поэтому соотношение частной процессуальной и общей форм следует определять не как соотношение содержания и формы, а как соотношение части и целого.

Ю. М. ГРОШЕВОЙ, д-р юрид. наук

Харьков

В. Т. НОР, канд. юрид. наук

Львов

МОРАЛЬ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Всестороннее изучение социалистического права и правильное применение его норм невозможны без уяснения связи права и морали, без строгого соблюдения нравственных норм в деятельности государственных органов и общественных организаций, применяющих правовые нормы и реализующих правовые предписания. В советском обществе право имеет нравственную основу, определенный этический аспект. Поэтому для неуклонного соблюдения и исполнения законов необходимо верно понимать и реализовывать их нравственное содержание. «...Сохранение жизни нравственных отношений, — писал К. Маркс, — есть не только право законодателя, но и его *обязанность*...» [1, т. 1, с. 163].

Само требование соблюдения социалистической законности носит не только политический и юридический характер, но и нравственный. Нарушение законности всегда является в то же время нарушением предписаний и требований нравственности, морали*. Конечно, требования нравственных и правовых норм полностью не совпадают. Аморальные, т. е. нарушающие нравственные предписания, поступки могут и не быть нарушениями законности, не влечь правовых последствий, юридической ответственности. Однако нарушение социалистической законности всегда есть в то же время нарушение нравственных норм, моральных требований в социалистическом обществе. Нарушение законности не может быть нравственно одобряемым поступком.

«В законе, — подчеркивалось на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС, — для нас важна не только строгость, но и его справедливость, причем понимаемая в самом широком плане. И в том, что перед законом все равны. И в том, что наши правовые нормы, наше законодательство направлены на защиту интересов трудящихся, на развитие их трудовой и общественной активности» [2, с. 13].

* Нравственность и мораль — одно и то же явление. Попытки некоторых философов, исследующих этические проблемы, найти между нравственностью и моралью какие-либо различия, оказываются безуспешными [9].

Отмеченные ракурсы изучения уголовно-процессуальной теоретической роли морали в уголовно-процессуальной деятельности далеко не полные, однако и сказанное дает достаточно оснований для того, чтобы наметить функции морали в уголовно-процессуальной деятельности, которые могут быть связаны с информационной, ориентирующей, целеполагающей, мотивационно-побудительной, регулирующей и контрольной функциями.

Информационная функция обеспечивает знание следователями, прокурорами, судьями тех явлений, которые регулируются исключительно нормами морали.

Ориентирующая функция заключается в возможности использования тех или иных норм морали в уголовно-процессуальной деятельности.

Целеполагающая функция означает ориентирование уголовно-процессуальной деятельности на строгое выполнение требований норм коммунистической нравственности.

Мотивационно-побудительная функция направлена на создание такой системы социального контроля, которая побуждала бы судей, прокуроров, следователей неукоснительно соблюдать в своей профессиональной деятельности требования закона и нормы коммунистической нравственности. Социальные ценности, воплощаемые в нормах морали, вступают во взаимодействие с сознанием субъектов уголовно-процессуальной деятельности, с разделяемыми ими ценностями в их практическом (процессуальном) поведении.

Регулирующая функция наряду с законом определяет пределы усмотрения правоприменителя в конкретной процессуальной ситуации, сложившейся в процессе расследования или судебного рассмотрения уголовного дела. Иными словами, важным аспектом регулирующего воздействия норм нравственности в правоприменении является их влияние на самосознание (профессиональное сознание) субъектов уголовно-процессуальной деятельности и, следовательно, на принимаемые ими решения.

Контрольная функция, предъявляя определенные моральные требования к социальным качествам личности судьи, следователя, прокурора и к уголовно-процессуальной деятельности, выступает гарантом соблюдения требований закона и норм коммунистической нравственности в уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивая тем самым престиж органов уголовной юстиции, эффективность ее воспитательно-предупредительной деятельности.

Изучение роли (функций) морали в правотворчестве и правоприменении составляет предмет такой отрасли научного знания, как этика.

Для онтологического определения предмета судебной этики необходимо решить два вопроса: какие именно явления следует

отности к судебной этике и какие проблемы применительно к этим явлениям подлежат научному изучению. Однако, несмотря на значительный объем публикаций по этой проблематике, в литературе не сложилось однозначного определения судебной этики, ее предмета; допускается отождествление судебной этики и морали, а некоторые авторы отрицают само право судебной этики на существование.

Прежде всего — о неправомерности терминологии, которая сложилась в процессуальной и криминалистической литературе. Многие авторы пишут об «этических началах», «этических условиях», «этическом удовлетворении», «этическом содержании», «этичности судебной речи», т. е. отождествляют этику и мораль. Но, как уже отмечалось, этика — это научная теория морали, а последняя составляет ее объект, поэтому следует говорить о «нравственных или моральных» началах советского судопроизводства и т. д. Поэтому вряд ли обоснованно утверждение Л. Д. Кокорева о том, что «в юридической литературе весьма распространено отождествление судебной этики и нравственных начал» [5, с. 218].

Л. Е. Ароцкер относит к предмету судебной этики общие закономерности коммунистической морали в деятельности судей, следователей, прокуроров, адвокатов, судебных экспертов и специфические нравственные начала, присущие этим профессиям [3, с. 35]. М. С. Строгович полагает, что судебная этика изучает применение норм нравственности в специфических условиях судебной и следственной деятельности, осуществление нравственных принципов и требований в этой деятельности [8, с. 13]. А. Р. Ратинов и Ю. С. Зархин определяют судебную этику как учение о специфических нравственных нормах служебной деятельности и внеслужебного поведения профессиональных участников судопроизводства [6, с. 33]. По мнению А. Д. Бойкова, «судебная этика может быть представлена как учение о нравственных идеалах, принципах и нормах осуществления правосудия, определяющих нравственное содержание деятельности профессиональных участников судопроизводства» [4, с. 10]. Наиболее широкое понятие судебной этики дает Г. Ф. Горский, который включает в ее предмет не только изложенное выше, но и культуру судебного процесса, взаимоотношения личных и общественных интересов в уголовном судопроизводстве, роль нравственных начал в обеспечении законности, нравственные отношения участников процесса, нравственное воспитание подсудимого в судебном процессе и в ходе исправительно-трудового воздействия и т. д. [5, с. 28].

Решение вопроса о предмете судебной этики, по нашему мнению, зависит от того, является ли она разделом процессуальной науки или же выступает как определенное разветвленное собственно этики в ее приложении к отдельным видам про-

«профессиональной деятельности. Без решения этого вопроса нельзя адекватно установить предмет судебной этики. Здесь следует обратить внимание на то, что сам термин «судебная этика» в его традиционном понимании, данном еще в работах А. Ф. Кони, явно «перерос» вкладываемое в него содержание. В этом плане точнее говорить об этике правоохранительной деятельности, или правоохранительной этике, с выделением собственного предмета исследования.

Практически спор идет о том, является ли предметом судебной этики применение общих норм нравственности в специфических условиях судебной и следственной деятельности, ибо наряду с этим в деятельности следователя, судьи, прокурора и других профессиональных участников судопроизводства выявляются специфические нравственные начала, присущие только этим профессиям. В этом плане в литературе сложилось три направления.

Одни авторы (М. С. Строгович, И. Д. Перлов, В. В. Леоненко, В. Д. Гольднер, Е. А. Зайцев) рассматривают судебную этику как науку о применении общих норм морали в специфических условиях деятельности судей, прокуроров, следователей, экспертов, адвокатов, об осуществлении нравственных принципов и требований в расследовании и разрешении подведомственных суду дел. Анализируя эти суждения и выдвинутые в их поддержку доводы, философ Е. Г. Федоренко пришел к выводу о том, что «судебную этику можно определить как науку о реализации общепринятых нравственных требований в специфических условиях деятельности участников судебного процесса при разрешении ими всех судебных дел» [9, с. 59].

Другие полагают, что основное содержание «профессиональной этики» составляет анализ особых, дополнительных требований, регламентирующих деятельность указанных выше лиц [5, с. 68].

Отметим, что против самих терминов «профессиональная этика», «профессиональная мораль» последовательно выступает М. С. Строгович, полагая, что в таком термине не выводится ни новых принципов, ни понятий, отличных от изучаемых марксистско-ленинской этикой. Однако суть вопроса, как представляется, заключается в специфической конкретизации моральных норм в деятельности отдельных профессиональных групп, что может быть условно названо профессиональной моралью. Например, в Литовской ССР в 1974 г. принят «Свод правил адвокатской этики» и т. д. Моральные требования к личности следователя и прокурора изложены в «Положении о поощрениях и дисциплинарной ответственности прокуроров и следователей органов прокуратуры СССР», в котором, в частности, сказано: «Работники советской прокуратуры должны обладать

высокими моральными качествами, быть образцом коммунистической идейности, принципиальности и непримиримости к нарушениям социалистической законности, интересов государства и общества, сочетать свои профессиональные знания с гражданским мужеством, неподкупностью и справедливостью... Всякое нарушение социалистической законности, служебной дисциплины, недостойное поведение работников органов прокуратуры подрывают авторитет советской прокуратуры, наносят ущерб интересам государства» (ст. 2) [10]. Данная статья определяет профессиональную мораль как специфические функциональные компоненты нравственных норм, выражающие моральные обязанности субъектов определенного вида деятельности, поскольку каждая деятельность имеет нравственный аспект и подлежит моральному регулированию.

Нельзя согласиться с тем, что к предмету судебной этики относятся нравственные требования, предъявляемые лишь к участникам процесса, для которых процессуальная деятельность является не эпизодической, а постоянной, профессиональной [5, с. 67—96]. Например, правила судебного этикета в равной мере обязательны для профессиональных и непрофессиональных участников судебного разбирательства.

Следовательно, судебную этику как научное знание необходимо отличать от профессиональной морали (нравственности) и рассматривать ее именно как науку о нравственных началах правосудия и действительности, с ним связанной. Подлинный профессионализм неизбежно включает в себя известную нравственную доминанту, реализующуюся в глубоком и осознанном понимании судьями, прокурорами, следователями своего общественного долга.

Эти две противоположные точки зрения пытаются объединить представители третьего направления, полагающие, что судебную этику не следует сводить лишь к распространению общих закономерностей норм коммунистической морали в деятельности судей, следователей, прокуроров, адвокатов, экспертов (Л. Е. Ароцкер), что для нее характерны и свои, собственные лишь ей нравственные нормы, которые даже могут ограничивать действие общих моральных принципов (А. Л. Ривлин, А. Д. Бойков, А. Р. Ратинов, Ю. И. Зархин).

Анализ данных точек зрения и высказанные ранее положения о специфике действия морального фактора в правоприменительной деятельности приводит, на наш взгляд, к двум выводам: а) предпочтительнее является позиция авторов, которые под судебной этикой понимают учение о распространении общих положений марксистско-ленинской этики на всю сферу судопроизводства и утверждения в этой деятельности моральных норм, способствующих отправлению правосудия в строгом

соответствии с законом, что отнюдь не исключает необходимости разработки и утверждения специфики преломления моральных норм, характерных для профессиональной деятельности судьи, прокурора, следователя, адвоката; б) явления, которые всеми авторами вкладываются в содержание этой отрасли научного знания, свидетельствуют об неадекватности термина «судебная этика» вкладываемому в этот термин содержанию, корректнее говорить об этике правоохранительной деятельности.

Не касаясь ни частной проблемы соотношения тактических приемов производства отдельных следственных действий и их нравственной допустимости, ни соотношения норм уголовно-процессуального права и морали, не вдаваясь в полемику о нравственных началах в уголовном судопроизводстве, подчеркнем, что действующий закон (как уголовный, так и уголовно-процессуальный), закрепляя требования многих моральных норм, сам нравствен по своему содержанию. Поэтому главный критерий оценки эффективности деятельности органов расследования, прокуратуры и суда — соответствие этой деятельности закону. С таких позиций предлагаемые разными авторами конструкции предмета судебной этики не всегда выделяют собственно нравственные проблемы правоприменительной деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

Конечно, допустимость любого тактического приема нужно оценивать с точки зрения его этического содержания, но прежде всего он должен рассматриваться в плане требований уголовно-процессуального закона. В противном случае предмет правового исследования будет подменен этическими категориями без выделения собственно этического аспекта. Иными словами, поскольку правоохранительная деятельность имеет своим предметом противоправный поступок человека, то и закон, регулирующий эту деятельность, и практика его исполнения несут на себе этическую «нагрузку» в том смысле, что всегда должны оцениваться с этических позиций. Однако данный аспект является не этическим, а правовым.

Предметом этики правоохранительной деятельности должны быть отношения и ситуации, возникающие при применении закона, которые либо не предусмотрены действующим законодательством, либо закон представляет определенный выбор поведения органу или лицу, осуществляющему эту деятельность. Но в подобном случае действия этических категорий должны просматриваться сквозь призму требований социалистической законности.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 апреля 1984 г., М., 1984. 31 с. 3. Ароцкер Л. Е. Судебная этика. — Соц. законность, 1969, № 9, с. 31—35. 4. Бойков А. Д. Что такое судебная этика. — Сов. юстиция, 1971, № 1, с. 7—10. 5. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Судебная этика. Во-

ронеж, 1973. 272 с. 6. *Рапинов А. Р., Зархин Ю.* Следственная этика. — *Соц. законность*, 1970, № 10, с. 35—39. 7. *Ривлин А. Л.* Нравственные начала в уголовном судопроизводстве. — *Сов. гос-во и право*, 1971, № 8, с. 111—114. 8. *Строгович М. С.* Судебная этика, ее предмет и сущность. — В кн.: Проблемы судебной этики. М., 1974. 272 с. 9. *Федоренко Е. Г.* Профессиональная этика. К., 1983. 216 с. 10. *Соц. законность*, 1980, № 7, с. 87—88.

Поступила в редколлегию 10.01.85.

Г. А. АЛЬПЕРТ, канд. юрид. наук

Харьков

ПРИНЦИПЫ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА

Развитие социалистической демократии органически связано с укреплением социалистической законности и правопорядка. Расширение и углубление демократических начал, в том числе и в уголовном процессе, — важнейшее средство укрепления социалистической законности и обеспечения полной реализации задач, указанных в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства. В этом находит одно из своих ярких проявлений принципиальная линия партии, требующая от правоохранительных органов не только полного раскрытия преступления, изобличения и справедливого наказания действительно виновных, но и всемерной охраны на протяжении всей процессуальной деятельности прав и законных интересов участвующих в ней лиц. На апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось: «В законе для нас важна не только строгость, но и его справедливость, причем понимаемая в самом широком плане. И в том, что перед законом все равны. И в том, что наши правовые нормы, наше законодательство направлены на защиту интересов трудящихся, на развитие их трудовой и общественной активности» [1, с. 13].

В этой связи приобретает актуальность проблема правового статуса участников советского уголовного процесса, исследование которой возможно в различных аспектах. Один из них — разработка данной проблемы под углом зрения принципов процесса. Плодотворность такого подхода очевидна: процессуальные принципы определяют не только демократический характер советского уголовного процесса в целом, но и дают возможности глубже раскрыть сущность и значение каждой стадии и института, правовое положение всех субъектов процесса, в том числе и его участников.

Хотя среди процессуальных принципов есть такие, которые как бы непосредственно связаны с деятельностью конкретных субъектов (например, принцип обеспечения обвиняемому права на защиту), правовой статус этих субъектов определяется все же не отдельными принципами, а в конечном счете всей их системой, выражающей глубоко гуманистическое отношение советского законодателя к личности каждого участника процесса. «Принципы, — справедливо отмечает И. В. Тыричев, — живут и действуют в рамках целостной системы, где сущность и назначение каждого принципа обуславливается не только собственным содержанием, но и функционированием всей системы» [15, с. 9].

Особую социальную значимость в системе процессуальных принципов имеют принципы, закрепленные Конституцией СССР. Они не только предопределяют построение всей системы принципов уголовного процесса на уровне отраслевого законодательства (общесоюзного и республиканского), но и являются, как верно отмечает А. С. Кобликов, нормами действующего права [3, с. 89]. Именно поэтому судебные и прокурорские органы в ряде случаев обосновывают принимаемые ими решения по уголовным делам ссылками на закрепленные в Конституции СССР принципы правосудия.

Рассмотрим принцип социалистической законности. В юридической литературе встречаются возражения против включения законности в систему принципов уголовного процесса [10, с. 33; 13, с. 175]. Однако согласиться с такими утверждениями, на наш взгляд, нельзя. Закрепленный в ст. 4 Конституции принцип социалистической законности является общеправовым и получает поэтому свое выражение и в сфере уголовного судопроизводства, не «растворяясь», как полагают некоторые авторы, в других принципах процесса. В сфере уголовного судопроизводства требование, вытекающее из рассматриваемого принципа, адресуется не только органам власти, ведущим процесс, но и всем другим субъектам процесса, а следовательно, и его участникам. Особое значение данный принцип имеет в деятельности органов, ведущих процесс, ибо они в отличие от других субъектов процессуальной деятельности обладают властью, и от того, насколько эта власть осуществляется в рамках полномочий, определенных законом, зависят реальное положение участников процесса в каждом конкретном деле, возможность осуществления ими своих прав, защита своих законных интересов.

Возникает и другой вопрос, от которого в ряде случаев зависит реальная возможность осуществления всех прав, определяемых статусом участника процесса. Режим законности в значительной мере определяется степенью правовой регламентации, с одной стороны, полномочий органов, ведущих процесс,

с другой — четкой фиксацией в законе прав и обязанностей участников процесса. «Чем детальнее правовое регулирование, тем точнее и обширнее гарантии эффективности совершения следственных и судебных действий, тем определеннее критерии оценки их законности» [3, с. 22]. Между тем в уголовно-процессуальном законе встречаются пробелы и недостаточно четкая регламентация отдельных вопросов, в том числе и вопросов, связанных с правовым статусом участников процесса. Такие пробелы иногда пытаются устранить ведомственными приказами, указаниями, руководящими разъяснениями Пленумов Верховных Судов союзных республик. Однако при всей важности приказов, инструкций, указаний, издаваемых Генеральным прокурором СССР и Министром внутренних дел СССР по вопросам уголовного судопроизводства, они не могут являться источником уголовно-процессуального права. Таким источником (притом единственным) является уголовно-процессуальный закон. Данную точку зрения принципиально и последовательно отстаивал М. С. Строгович [12, с. 3—4]. Основное же назначение приказов, инструкций и иных ведомственных актов, издаваемых Прокуратурой СССР и Министерством внутренних дел СССР — организационное обеспечение в деятельности прокуратуры, органов дознания и следственного аппарата точного и неуклонного соблюдения законов при производстве по уголовному делу. В данных актах иной раз делается попытка дополнить закон либо истолковать его таким образом, что если не по форме, то по сути, следует говорить о новой норме, обязательной для тех, кому адресован ведомственный акт. В качестве примера приведем действующее указание Генерального прокурора СССР от 16 июня 1960 г. [7, 1960, № 8, с. 83], которое предписывает, чтобы в случаях, когда в результате преступления наступила смерть потерпевшего, к участию в деле с правами потерпевшего допускался лишь один из его близких родственников, хотя такое ограничение ни прямо, ни косвенно из закона не вытекает. Этот же вопрос по иному решает Пленум Верховного суда УССР, который в постановлении от 22 декабря 1978 г. не ограничивает число близких родственников, имеющих право участвовать в деле в случаях, предусмотренных ч. 5 ст. 49 УПК УССР [8, с. 82—83]. Совершенно очевидно, что различное решение данного вопроса не может не затронуть интересы названных лиц, поскольку от этого зависит их правовой статус в уголовном судопроизводстве.

Существенное значение для характеристики правового статуса участников уголовного процесса имеет принцип публичности. В юридической литературе данный принцип трактуют по-разному. Так, высказывается мнение, что он «определяет обязанности государственных органов по выполнению задач уголовного судопроизводства» [2, с. 39]. В целом такое суждение

верно, хотя и не раскрывает характерных черт данного принципа.

Публичность — многогранный принцип советского уголовного процесса, он означает, что: уголовный процесс осуществляется в общенародных, общегосударственных интересах, которым соответствует защита прав и законных интересов участвующих в нем лиц; в сфере своей деятельности органы расследования, прокурор и суд обладают (в пределах, установленных законом) всей полнотой власти; в целях правильного разрешения каждого уголовного дела они обязаны осуществлять все необходимые действия и принимать необходимые решения независимо от волеизъявления заинтересованных лиц; указанные органы при возбуждении, расследовании и разрешении уголовных дел обязаны сочетать свою активность и инициативу со всемерной защитой прав и законных интересов участвующих в деле лиц.

Только сочетание всех указанных сторон дает правильное представление о содержании принципа публичности. Данное обстоятельство особо следует иметь в виду, поскольку каждая грань рассматриваемого принципа непосредственно формирует правовой статус участника процесса, создает реальные условия осуществления им своих прав. Справедливо поэтому утверждение И. В. Тыричева о том, что «органическое сочетание в активной и решительной борьбе с преступностью интересов государства с обеспечением прав и законных интересов личности, в первую очередь обвиняемого и потерпевшего — вот альфа и омега теоретической конструкции советского принципа публичности» [15, с. 23].

Обусловленные принципом публичности активность и инициатива органов, ведущих процесс, имеют ряд аспектов. Они проявляются прежде всего в обязанности ведущих процесс органов в случаях, предусмотренных законом, известить определенных лиц о том, что при наличии с их стороны ходатайства они могут приобрести статус соответствующего участника процесса. Активность эта должна проявляться и в том, что указанные органы обязаны своевременно и четко обозначить своим решением, что данное лицо приобрело статус конкретного участника процесса. Своевременность принятия такого решения имеет существенное значение, поскольку закон связывает с ним возникновение прав и обязанностей каждого участника процесса. Весьма важно и другое, вытекающее из принципа публичности требование—своевременно разъяснять участникам процесса их права (причем, независимо от того, просят ли они об этом) и обеспечить им возможность осуществления этих прав. Следовательно, из принципа публичности, как верно отмечает А. М. Ларин, вытекает обязанность суда, прокурора, следователя и органа дознания активно стимулировать участников

процесса в использовании ими своих прав [4, с. 254]. Изложенные активные действия органов, ведущих процесс, — существенные гарантии личности в уголовном процессе, важный компонент ее правового статуса.

Равноправие граждан, закрепленное ст. 34 Конституции СССР, получает свое выражение в различных сферах государственной и общественной жизни, в том числе и в сфере правосудия, одним из фундаментальных принципов которого является равенство граждан перед законом и судом (ст. 156 Конституции СССР). Данное положение важно для характеристики правового статуса всех участников уголовного процесса. В судебном разбирательстве каждый из них пользуется равными правами по представлению доказательств, участию в их исследовании, заявлению ходатайств, изложению доводов в обоснование занимаемой позиции.

Равноправие участников процесса в судебном разбирательстве создает необходимые предпосылки для реализации принципа состязательности, который, в свою очередь, обеспечивает не только защиту каждым из них своих прав и законных интересов, но и установление объективной истины по делу.

Требования закона об обязанности органов расследования, прокурора и суда полно, всесторонне и объективно исследовать все обстоятельства дела — важнейшая гарантия объективного беспристрастного подхода к доказательствам, которые они собирают и оценивают. Такой подход к исследованию обстоятельств дела позволяет принять обоснованные и справедливые решения, гарантирует каждому участнику процесса защиту своих законных интересов.

Принцип национального языка в судопроизводстве — одно из ярких проявлений уважительного отношения государства к гражданину независимо от его национальной принадлежности, существенное правовое средство, обеспечивающее реальное равноправие участников процесса.

Трудно переоценить исключительное значение для решения задач уголовного судопроизводства охраны интересов личности в процессе принципов обеспечения обвиняемому права на защиту и презумпции невиновности. Данные принципы характеризуют правовой статус прежде всего обвиняемого и подозреваемого, а также определяют процессуальное положение защитника, направленность, основное содержание его деятельности. Взаимосвязь указанных принципов очевидна. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 5 от 16 июня 1978 г. «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» подчеркивается: «В целях обеспечения обвиняемому (подсудимому) права на защиту суды должны строго соблюдать конституционный принцип, согласно которому обвиняемый (подсудимый) считается невиновным до

тех пор, пока его вина не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [7, 1978, № 4, с. 9]. Принципы обеспечения обвиняемому права на защиту и презумпции невиновности требуют четкого разграничения понятий «обвиняемый» и «виновный», они определяют не только различный порядок признания их таковыми, но и различный их правовой статус [11, с. 15; 14, с. 64].

Характеризуя принципы советского права, ряд авторов относит к ним и принцип социалистического гуманизма [5, с. 51; 6, с. 60; 9, с. 62; 16, с. 18—20]. Не будучи сформулирован в качестве самостоятельного, он находит свое выражение во многих положениях Конституции СССР, проникнутых подлинной заботой о личности советского человека. Уважение личности, охрана прав и свобод граждан — обязанность всех государственных органов, общественных организаций и должностных лиц (ст. 57 Конституции). Этим определяется общеправовой характер данного принципа, а следовательно, его значение и для советского уголовно-процессуального законодательства, закрепившего цельную и согласованную систему взглядов на человека как субъекта права. В полной мере это относится и к характеристике участников процесса, которым закон, независимо от их правового статуса, обеспечивает справедливое отношение, возможность реальной защиты своих интересов.

Список литературы: 1. *Материалы* Пленума Центрального Комитета КПСС, 10 апреля 1984 г. М., 1984. 31 с. 2. *Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д.* Очерк развития науки советского уголовного судопроизводства. Воронеж, 1980. 251 с. 3. *Кобликов А. С.* Законность — конституционный принцип советского уголовного судопроизводства. М., 1979. 199 с. 4. *Конституционные основы правосудия в СССР/Под ред. В. М. Савицкого.* М., 1981. 360 с. 5. *Марксистско-ленинская теория государства и права.* Социалистическое право. М., 1973. 647 с. 6. *Попков В. Д.* Гуманизм советского права. М., 1972. 196 с. 7. *Бюл. Верховн. суда СССР.* 8. *Постановление* Пленума Верховного суда УССР № 8 от 22 декабря 1978 г. «О некоторых вопросах, возникающих в практике применения судами Украинской ССР норм уголовно-процессуального законодательства, которыми предусмотрены права потерпевшего от преступления». — *Рад. право*, 1979, № 3. 9. *Придворов Н. А.* Достоинство личности и социалистическое право. — М., 1977. 134 с. 10. *Ривлин А. Л.* Понятие и система принципов советского правосудия. — В кн.: *Учен. зап. Харьк. юрид. ин-та*, вып. 16. X., 1962, с. 28—43. 11. *Савицкий В. М.* Считается невиновным... М., 1984. 64 с. 12. *Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности/Отв. ред. В. М. Савицкий.* М., 1979. 319 с. 13. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. 1968. Т. 1. М., 470 с. 14. *Строгович М. С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. 143 с. 15. *Тыричев И. В.* Принципы советского уголовного процесса. М., 1984. 80 с. 16. *Уголовное право УССР/Под ред. В. В. Сташиса и А. Ш. Якупова.* К., 1984. 383 с.

Поступила в редколлегию 23.11.84.

ПРОВЕРКА ПОКАЗАНИЙ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Допрос подозреваемого как следственное действие представляет собой не только способ получения доказательственной информации, но и эффективное средство проверки ее правильности.

Показания подозреваемого имеют двоякое значение. Это, во-первых, представление следователю информации по поводу возникшего подозрения; во-вторых, показания подозреваемого — средство защиты от возникшего подозрения. Защищаясь от возникшего подозрения, допрашиваемый может сообщить следователю о неизвестных еще обстоятельствах, подвергнуть критике доводы, которыми оперирует следователь в ходе допроса, и, наконец, объяснить установленные факты с иных позиций. Получаемая при допросе информация, независимо от ее характера (признание вины, отрицание участия в совершении преступления и т. д.), обеспечивает проверку показаний подозреваемого и определение путей расследования [1, с. 91].

В ряде случаев ценность показаний подозреваемого обусловлена тем, что в них содержатся сведения, противоречащие материалам уголовного дела. Данное обстоятельство побуждает следователя более внимательно и критично относиться к проверке полученной информации, в результате чего могут быть установлены обстоятельства, исключающие ответственность подозреваемого.

Проверка показаний подозреваемого — явление не кратковременное, она представляет собой длящийся во времени процесс, в течение которого проверяются, анализируются и сопоставляются доказательства. С учетом изложенного выделим две стадии проверки показаний подозреваемого: проверку показаний в ходе допроса и проверку показаний после допроса.

Метод анализа и метод сопоставления — основные методы познавательной деятельности, которые используются следователем в ходе проверки показаний. Анализ полученных данных предполагает установление возможности существования события, на которое указывает либо ссылается подозреваемый. Сопоставление доказательственной информации, содержащейся в показаниях подозреваемого, с информацией, которой располагает следователь, позволяет усмотреть несовпадение, пробелы в показаниях и наметить пути устранения противоречий.

Проверка показаний подозреваемого в ходе допроса предполагает осуществление проверочных действий по ходу изложе-

ния информации допрашиваемым. Следовательно, приступая к допросу, имеет определенное представление о преступном событии, которое сформировалось в результате осмотра места происшествия, допросов свидетелей-очевидцев, потерпевших, производства освидетельствования, личного обыска, консультаций со специалистами по различным вопросам, а также в результате производства иных следственных действий. Определенную информацию о событии преступления, его участниках следователь получает от оперативно-розыскных органов, что позволяет ему также ориентироваться в обстоятельствах совершенного преступления. На основании полученных данных проверяются логичность и полнота сообщаемой информации.

Логичность и полнота показаний определяются путем анализа и сопоставления излагаемых показаний с имеющимися в распоряжении следователя доказательствами. Обнаружение пробелов, логических противоречий ориентирует следователя на возможную ложь подозреваемого. По полноте сообщаемого показания могут быть двойного характера в зависимости от того, какую позицию во время допроса изберет допрашиваемый, а также от совокупности информации, которой располагает следователь: 1) информация, сообщаемая подозреваемым, может выходить за рамки осведомленности следователя; 2) информация, содержащаяся в показаниях подозреваемого, не выходит за пределы осведомленности следователя. При избрании подозреваемым установки на дачу полных и правдивых показаний информация, содержащаяся в его показаниях, может выходить за пределы осведомленности следователя. В случаях избрания допрашиваемым установки на сокрытие обстоятельств имевшего место события либо искажения его информация, содержащаяся в показаниях подозреваемого, не будет выходить за пределы осведомленности следователя. В данной ситуации следует исходить из того, что никто не может быть более широко осведомлен в механизме преступного события, чем сам подозреваемый. Наличие при допросе ситуации, когда осведомленность следователя шире показаний подозреваемого, — свидетельство стремления допрашиваемого утаить информацию от следователя.

Наряду с анализом и сопоставлением доказательственной информации, имеющейся у следователя до допроса, с той, которую он получает в ходе допроса, допрашивающему необходимо широко использовать системы тактических приемов, которые взаимосвязаны в плане направленности получения правовой информации и способствуют более полному проведению проверочных действий. Сопоставляя информацию, получаемую в ходе допроса, с информацией, которой следователь располагал до допроса, и выявляя в ней неясные, противоречивые

моменты, следовательно намечает системы и конкретные тактические приемы допроса, которые могут быть использованы для проверки показаний. Это—постановка вопросов детализирующего и уточняющего характера; предъявление доказательственной информации; вычерчивание подозреваемым различного характера схем, отдельных предметов и орудий преступной деятельности, места происшествия и т. п. Проверка показаний в ходе допроса основана на их детализации. Постановка вопросов детализирующего характера позволяет следователю выявить ложь в показаниях подозреваемого или убедиться в правдивости сообщаемых данных. Допрашиваемое лицо, предполагая сообщать следователю ложные сведения, готовится к допросу, стремится тщательно продумать линию своего поведения. Задача следователя — путем детализации показаний заставить подозреваемого выйти за пределы продуманной им модели, схемы допроса. В процессе самого допроса трудно и, пожалуй, невозможно проиграть подозреваемому все возможные мыслительные платформы, которые могут возникнуть перед ним, продумать новые детали и увязать их с излагаемыми фактами. Множество вариантов возможных позиций подозреваемого приводит к противоречиям в показаниях. Допрашиваемому приходится как бы изгонять из памяти то, что произошло (а поэтому хорошо запомнилось), и лавировать между правдой, которую нельзя говорить, правдой, которую можно говорить, и ложью, которой надо заменить утаиваемую правду [2, с. 31]. Это, безусловно, вызывает определенные трудности для подозреваемого. Детализация показаний, постановка уточняющих вопросов выявляют информацию, соответствующую действительности.

В процессе допроса проверка показаний может быть окончательной и предварительной. Под окончательной проверкой показаний подразумевается достижение определенного результата, в частности, того, что допрашиваемый сообщает ложные сведения, в показаниях подозреваемого имеются противоречивые моменты, которые он не может объяснить, либо установление того, что допрашиваемый излагает правдивые показания. Установив либо опровергнув какое-либо обстоятельство, следователь сопоставляет его с доказательственным материалом, которым он располагает. Сопоставив вновь полученные данные с имеющимися и оценив их, следователь переходит к проверке иных данных, полученных при допросе подозреваемого. Таким образом, последовательность при проверке исключает возможность нагромождения сведений, которые будут препятствовать их объективному анализу и правильной оценке.

После проведенного допроса подозреваемого действия следователя по проверке его показаний заключаются в сборе дополнительной доказательственной информации, так как теми способами и средствами, которые использовались в ходе до-

проса, а также при наличии доказательственной информации, находящейся в распоряжении следователя до допроса подозреваемого, не представилось возможным проверить показания подозреваемого, установить их относимость и достоверность. Доказательства признаются недостаточными, если следователь не имеет возможности сделать достоверных (однозначных) выводов, необходимых для принятия решения. На основании полученных данных в ходе допроса следователь намечает следственные действия, которые ему следует произвести для того, чтобы проверить показания подозреваемого. При дополнительном собирании доказательств следует учитывать, что не все обстоятельства преступного деяния были сообщены допрашиваемому в ходе допроса. Поэтому при дополнительном собирании доказательств могут быть обнаружены пробелы в показаниях подозреваемого, которые обусловлены, в частности, его нежеланием давать показания следователю и противоречиями между вновь полученными данными и теми, которые сообщались подозреваемым ранее.

При проверке показаний немаловажное значение имеет определение оптимальных пределов проверочных мероприятий, производимых следователем. Идеальным вариантом с позиции полноты получения доказательств было бы проведение всех возможных действий по собиранию доказательств, которые в совокупности подтверждали бы либо опровергали показания подозреваемого. Однако процесс расследования по делу строго определен временными рамками, и, кроме того, следует соблюдать такое условие собирания доказательств, как экономия процессуальных средств. Поэтому следователю в ходе проверки показаний подозреваемого недопустимо занимать крайние позиции: как чрезмерное расширение круга собираемых доказательств, так и ограничение отдельными действиями, не выполняющими функции проверки. Следователю следует стремиться к избранию рационального начала в определении пределов проверки. Расширение проверочных действий может повлечь неоправданную задержку в расследовании уголовного дела, громозджение дела материалами, не имеющими существенного значения для его законного и обоснованного разрешения, а также отвлечь внимание лиц, производящих расследование, от фактов и обстоятельств, имеющих действительно существенное значение по делу.

Негативно сказывается на процессе расследования как чрезмерное увеличение проверочных действий, так и ограничение их. Определение пределов проверки показаний подозреваемого индивидуально по каждому уголовному делу и зависит от характера показаний подозреваемого, от того, как они соотносятся с иными материалами уголовного дела.

Список литературы: 1. Коновалова В. Е. Допрос подозреваемого при расследовании убийств. — В кн.: Раскрытие тяжких преступлений против личности. М., 1973, с. 87—92. 2. Мудьюгин Г. Н. Косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого. — Соц. законность, 1961, № 6, с. 30—35. 3. Материалы прокуратуры Донецкой области за 1984 г.

Поступила в редколлегию 07.07.84.

В. В. ГОЛИНА, канд. юрид. наук

Харьков

ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Следственная профилактика преступлений — специальная деятельность органов дознания и предварительного следствия, направленная на недопущение совершения преступлений и осуществляемая с помощью комплекса взаимосвязанных между собой мероприятий.

Для реализации следственной профилактики в нормах УПК УССР предусмотрена обязанность органов дознания и предварительного следствия выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 23 УПК УССР), и вносить в соответствующий орган, общественную организацию или должностному лицу представление о принятии мер по устранению этих причин и условий (ст. 23¹ УПК УССР).

Выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления, — значит получить всесторонние, полные и объективные сведения о явлениях и процессах, которые породили антиобщественные потребности, интересы, взгляды личности; о существенных внешних обстоятельствах, оказавших влияние на формирование преступного решения; о криминогенной жизненной ситуации, в которой оказалось лицо в период или во время совершения преступления; о конкретных недостатках в деятельности государственных учреждений, хозяйственных организаций, отдельных должностных лиц и граждан, объективно способствовавших совершению преступления либо облегчивших наступление преступного результата (ст. 22 УПК УССР).

Изложенные группы обстоятельств неодинаковы по трудности их выявления и устранения. Трудности относятся прежде всего к главной, определяющей причине — антиобщественной направленности личности как следствию неблагоприятных усло-

вий ее нравственного формирования, объективность и полнота установления которой имеют большое значение для достижения целей наказания и последующей разработки предупредительных мер.

Выявление, а тем более устранение этих и иных криминогенных обстоятельств по конкретному делу практически может быть реально при использовании криминологических знаний: методик исследования криминогенных обстоятельств; криминологических характеристик отдельных видов преступлений для выявления наиболее типичных форм взаимодействия причин и условий, порождающих конкретные преступления; навыков разработки эффективных предупредительных мер и т. п. В этой связи актуальное значение приобретает криминологический аспект следственной профилактики, которая, по существующему в криминологической литературе мнению (недостаточно, правда, утвердившемуся на практике), является в основном «проблемой криминологической» [4, с. 41].

Криминологический аспект следственной профилактики предполагает более разносторонний подход как к самому процессу и результату установления причин и условий, способствовавших совершению преступления, так и к разработке и реализации мер по их устранению.

Он предполагает более широкое использование криминологических знаний в процессе выявления и устранения причин и условий совершения преступлений; получения, обработки, обоснования необходимой информации и разработки на ее основе рекомендаций для внесения представлений следователем; реализации требований, предъявляемых к предупредительным мерам; деятельности следователя по активизации профилактической роли общественности.

Важной задачей следственной профилактики преступлений является выявление, с одной стороны, причин, а с другой — условий, способствовавших совершению преступления. Практическое значение имеет полное и объективное выявление всего комплекса криминогенных обстоятельств. В большинстве представлений данный комплекс обстоятельств не устанавливается и такого разграничения следователи, как правило, не проводят. Чаще всего констатируется действие типичных обстоятельств, а характер их действия в конкретном случае не выясняется. По нашим данным, в 84 % представлений абстрактно называются недостатки воспитательной работы в коллективе и нарушение возложенных обязанностей должностными лицами и гражданами, по вине которых существуют эти нарушения (более 40%) *.

Криминогенные обстоятельства не могут быть установлены достаточно полно, всесторонне и объективно без учета поведения

* Данные изучения всех представлений следователей районных прокуратур г. Харькова за 1983 г.

потерпевших, на что судебные-следственные органы не всегда обращают внимание.

Устранение широкого комплекса выявленных причин и условий, способствовавших совершению преступления, требует разработки такого же комплекса предупредительных мер. В связи с этим повышаются требования к личности следователя. Необходим юрист широкого профиля, способный не только быть следователем по уголовному делу, но и уметь выявлять причины и условия различного рода правонарушений и принимать необходимые меры по их устранению [5, с. 25—26].

Работа следователя по повышению действенности своих представлений неразрывно связана с возрастанием его профессиональных навыков по предупреждению преступлений. Представляется, что органы дознания и предварительного следствия, выявляя причины и условия, способствующие совершению преступления, должны опираться на более общую основу — криминологическую характеристику отдельных видов преступлений. Такое положение дает возможность, во-первых, увидеть некоторые типичные криминогенные объекты профилактики в территориальном разрезе и их проявление в конкретном случае совершения преступления. Во-вторых, обязывает оперативно и разносторонне реагировать на них. Следственная профилактика — не завершение правоприменительной деятельности следователя в уголовном судопроизводстве (что несколько сужает ее границы и назначение), а длящийся даже после окончания расследования уголовного дела процесс. В этой связи сомнение относительно количества вносимых представлений и их содержания лишено основания. Поскольку причинно-следственная цепь — категория пространственно-временная, то реагировать на отдельные ее звенья с целью устранения их отрицательного действия органы дознания и предварительного следствия имеют право на различных этапах производства расследования и даже после него. По данным наших исследований, почти все представления носили завершающий характер.

Представления следователя могут носить предварительный характер с целью нейтрализации отдельных сторон негативных явлений; оперативный — немедленного пресечения их конкретных проявлений; завершающий — полного устранения конкретных и типичных причин и условий совершения преступлений не только в рамках уголовного дела. Тактика внесения представлений должна подчиняться идее предупреждения преступлений.

Для сбора необходимой криминологической информации о наиболее типичных причинах и условиях совершения преступлений, чертах личности преступников, обстоятельствах, предшествующих совершению преступлений, поводах и т. п., целесообразно использовать вопросник, в котором бы нашли отражение: сведения о социально-демографических, правовых и нравственно-психологических чертах личности преступников; описание

предшествующих преступлениям криминогенных жизненных ситуаций; данные о мотивах, целях совершения преступления, поведении потерпевших, принятых следователем по данному делу предупредительных мерах и иные данные. Вопросник должен заполняться следователем после окончания расследования уголовного дела. Затем данные обобщаются и используются в работе по предупреждению преступлений в районе (городе).

Меры по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, должны отвечать криминологическим требованиям, т. е. быть партийными, демократичными, гуманными, законными, обоснованными, научными и прогрессивными, реальными и конкретными [2, с. 126—128; 1, с. 116—123].

Важно обратить внимание на требование *конкретности*. Конкретность означает определенность выявленных следователем причин и условий и указываемых в представлении мер по их устранению. По нашим данным, частично или полностью конкретизированы причины и условия, способствовавшие совершению преступления, в 6 % представлений. В остальных — данный документ составляется на основе предположений «о недостаточном учете и контроле» (20 %), «о недостатках в подборе и расстановке кадров» (15 %), «о недостатках воспитательной работы» (около 40 %), «о нарушениях возложенных на должностных лиц и других граждан обязанностей» (45 %), «о недостатках трудовой дисциплины» (32,2 %), «о паразитизме, пьянстве и тунеядстве преступников, в отношении которых не принимались профилактические меры» (10,6 %), и т. п. В 3 % представлений кратко излагается лишь фабула дела. Аналогичное положение отмечается и другими авторами, исследовавшими представления следователей [1, с. 123; 6, с. 94].

Естественно, что и меры предупреждения преступлений, указываемые следователем в представлениях, носят стереотипный и неопределенный характер: «рассмотреть представление на общем собрании трудового коллектива и принять соответствующие меры» (52,2 %), «разработать и принять конкретные меры по недопущению отмеченных факторов» (38,3 %) и т. д. Чаще всего меры по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления, конкретизированы по уголовным делам о нарушениях правил охраны труда, поскольку по ним проводится техническая экспертиза, указывающая на конкретные технические, иные причины и условия, приведшие к несчастным случаям с людьми, техникой и т. д. Поэтому лишь в 17,8 % случаев адресаты, которым вносились представления, разрабатывали и реализовывали конкретные меры по устранению криминогенных обстоятельств.

Конкретность представления следователя предполагает также ссылку на подтверждающие негативные обстоятельства доказательства. Возможно приобщение к представлению копий документов, фотоснимков, чертежей и других материалов,

делающих выводы следователя о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, убедительными.

Более 73 % представлений следователей прокуратуры, независимо от вида совершенного преступления, направляются либо руководителю предприятия, учреждения, организации, где работал или учился преступник, либо в органы внутренних дел, должностные лица которых слабо проводили профилактическую работу. Однако такое понимание адресата сужает возможности следственной профилактики. Как отмечается в научной литературе, для активизации роли общественности в устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, целесообразно вносить представления на предприятия, в организации, учреждения, однотипные с теми, где было совершено либо вероятно совершение преступлений, т. е. в те из них, где работает, живет молодежь или другой контингент населения (общественности, учебные заведения, школы и т. п.). Следственная профилактика не ограничивается обстоятельствами, требующими устранения по материалам конкретного дела. Рамки следственной профилактики раздвигаются [3, с. 74—75].

Как правильно именовать такие «представления»? Представление — процессуальный документ, связанный с причинами и условиями, по конкретному уголовному делу. Здесь же речь идет о широкой профилактической работе. Учитывая своеобразие данных представлений, целесообразно, думается, именовать их в законе профилактической информацией.

Список литературы: 1. Зеленецкий В. С. Предупреждение преступлений следователем. Х., 1975. 172 с. 2. Криминология. М., 1979. 304 с. 3. Кузьменко Н. К. Деятельность следователя по предупреждению правонарушений. — Криминология и судебная экспертиза. К., 1983. Вып. 26, с. 73—75. 4. Лопушанский Ф. А. Следственная профилактика преступлений. Опыт. Проблемы. Решение. К., 1980. 212 с. 5. Мамутов В. К., Волков В. Д. О подготовке юриста широкого профиля в условиях развитого социализма. — Правоведение, 1983, № 6, с. 22—32. 6. Манаев Ю. В. Законность процессуальных решений следователя. — Правоведение, 1982, № 5, с. 93—97.

Поступила в редколлегию 02.07.84.

А. Б. МУРАВИН

Одесса

МОТИВИРОВКА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В целях быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения и наказания виновных лиц уголовно-процессуальный закон устанавливает определенный порядок деятельности правоохранительных органов. Следователю для выполнения стоящих

перед ним задач предоставлено право вынесения различных процессуальных решений. Решения следователя, как и другие акты предварительного расследования, должны быть облечены в установленную законом форму и отвечать ряду требований. «Процессуальная форма, — отмечает С. В. Бородин, — служит наиболее полному раскрытию «сущности» дела, его содержания... Без предусмотренных законом процессуальных документов нет уголовного процесса, нет уголовного дела, а следовательно, и нет его «сущности» [7, с. 5].

Принятие решений, направленных на обеспечение быстрого, полного и объективного раскрытия преступлений, установление виновных лиц, — важнейшее условие, в значительной мере влияющее на установление истины по делу, охрану прав и интересов граждан, решение задач уголовного судопроизводства.

«Применение права, — подчеркивает С. С. Алексеев, — своеобразная управленческая деятельность, имеющая строго специализированные задачи... По своей социальной природе решение юридического дела может быть охарактеризовано как «управленческое решение». Так же, как и в любом управленческом процессе, и в данном случае решение представляет собой главное, определяющее звено правоприменительной деятельности» [1, с. 278]. Решение следователя — это правоприменительный акт, принятый в пределах его компетенции для достижения определенной цели и влекущий юридические последствия. Только в случае достижения поставленной цели решение будет эффективным и действенным. Для того чтобы решения следователя были максимально эффективными, они должны отвечать предъявляемым к ним требованиям. Такими требованиями являются: законность, обоснованность, мотивированность, справедливость. В уголовно-процессуальной литературе большое внимание уделяется исследованию требований, которым должны отвечать процессуальные решения следователя, изучению законности и обоснованности решений [4; 5; 6]. Меньше изученной является мотивировка решений.

Наряду с законностью и обоснованностью мотивировка — важнейшее требование, предъявляемое к решениям следователя. В ст. 130 УПК УССР установлено: «О решениях, принятых следователем или прокурором при производстве предварительного следствия в случаях, указанных в настоящем Кодексе, а также в случаях, когда это признает необходимым следователь или прокурор, составляется мотивированное постановление». Необходимость мотивировать принимаемые решения имеет большое практическое значение. Как показывает анализ следственной практики, большинство ошибок при вынесении процессуальных решений допускается именно при составлении описательно-мотивировочной части решения, в которой зачастую отсутствуют фактические данные, доказательства, их анализ. Такие упущения и ошибки мешают уяснить смысл и цель данного

решения, влекут в дальнейшем отмену немотивированных решений, являются серьезными нарушениями требований уголовно-процессуального закона. В связи с этим важное значение имеет исследование вопроса о мотивировке процессуальных решений следователя, ее взаимосвязи с законностью и обоснованностью, влиянии на качество и полноту предварительного следствия. В юридической литературе мотивировку трактуют как «процесс обоснования» [2, с. 130], «выражение законности и обоснованности» [6, с. 86], «систему доводов, аргументов, соображений, приводящих к определенным выводам по делу» [4, с. 75], и т. д.

По нашему мнению, мотивировка — это способ изложения фактических обстоятельств, мотивов, доводов и доказательств, положенных в основу решения, обосновывающих его и раскрывающих основание принимаемого решения. Процессуальные решения следователь принимает в результате оценки собранных доказательств, и «лишь оценка доказательств, произведенная следователем... непосредственно определяет содержание процессуальных решений» [8, с. 442]. Оценка доказательств производится с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Поэтому роль мотивировки заключается в том, чтобы раскрыть тот уровень познания следователем обстоятельств дела, который достигнут на момент его принятия. Уровень познания обстоятельств дела должен соответствовать основанию принимаемого решения. Таким образом, мотивировка отражает результат оценки доказательств на определенном этапе предварительного следствия. Оценка доказательств производится по внутреннему убеждению следователя. Убеждение следователя — это твердая уверенность в правильности и необходимости избранного решения. Мотивируя решение, следователь тем самым выражает и свое внутреннее убеждение в правильности выводов по существу дела.

Мотивировка призвана раскрыть основание принимаемого решения. Закон устанавливает различные правовые основания для принятия решений, так как решения принимаются следователем на различных этапах предварительного следствия, по различным вопросам, и поэтому уровень познания обстоятельств дела неодинаков. Вследствие этого объем и характер мотивировки в решениях следователя различны. Рассмотрим несколько способов мотивировки решений следователя.

Первый способ мотивировки заключается в том, что в решении приводятся фактические обстоятельства, доводы, мотивы; дается квалификация преступления; ссылки на доказательства, как правило, отсутствуют. Такой способ мотивировки применяется в первоначальных решениях следователя, когда еще не установлены с достаточной полнотой все обстоятельства, не полностью собраны доказательства. Так, решение о возбуждении уголовного дела принимается в условиях ограниченного объема информации, при наличии повода и достаточных данных, ука-

зывающих на признаки состава преступления. Поэтому мотивировка такого решения заключается в приведении достоверных данных, указывающих на признаки состава преступления. В этом случае закон не требует в решении подробного изложения всех обстоятельств дела, собранных доказательств и их анализа, так как на данном этапе предварительного следствия это невозможно ввиду того, что сбор доказательств весьма ограничен.

Второй способ состоит в том, что в решении должна быть приведена совокупность их фактических данных, которые несут значительно больший объем информации о совершенном преступлении, нежели это было в начале следствия. Доказательства в решении, как правило, не приводятся, но существование их подразумевается. Данный способ мотивировки присущ решениям, которые принимаются на таком этапе расследования, когда уже имеется достаточная совокупность доказательств, подтверждающих факт совершения преступления определенным лицом, его виновность и другие обстоятельства. Этот способ мотивировки находит свое выражение в таком решении следователя, как постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Третий способ мотивировки находит свое выражение в окончательных решениях следователя — постановлении о прекращении уголовного дела, обвинительном заключении, в которых подводится итог результатам предварительного следствия. Своеобразие мотивировки данных решений состоит в том, что в них должны быть изложены все установленные и собранные по делу фактические данные и доказательства, а также приведены их подробный анализ и процессуальные обоснования принятого решения. Мотивировка этих решений должна быть более объемной и развернутой, чем в предыдущих решениях, потому что сбор доказательств закончен и принятием данных решений завершается производство предварительного следствия.

Таким образом, различные способы мотивировки отражают фактическое, материально-правовое и процессуальное основание данного решения, уровень познания обстоятельств совершенного преступления, а также внутреннее убеждение следователя в правильности выбора такого варианта решения.

В процессуальной литературе обращается внимание и на то, что мотивировка является одной из форм самоконтроля [3, с. 107]. Следует согласиться с такой трактовкой, ибо лишь совокупность фактов, доводов и доказательств, изложенных в решении, позволяет следователю определить, что эти данные в полной мере и с достаточной убедительностью объясняют выбор и необходимость принятия такого решения.

Значение мотивировки состоит в том, что в последующих стадиях уголовного судопроизводства (предание суду, судебное разбирательство, кассационное производство) она позволяет

проверить его правильность, законность, обоснованность, справедливость.

Мотивировка — одна из гарантий защиты прав и интересов граждан — позволяет участникам процесса и другим заинтересованным лицам проверить и уяснить смысл и содержание данного решения, выразить свое несогласие, обжаловать его.

Мотивировка теснейшим образом взаимосвязана с законностью и обоснованностью. Отсутствие мотивировки влечет незаконность принимаемого решения (требование мотивировать постановление закреплено в ст. 130 УПК УССР). Взаимосвязь мотивировки с обоснованностью заключается в том, что мотивировка выражает обоснование принимаемого решения. Выводы, изложенные в резолютивной части решения, должны не только соответствовать обстоятельствам и доказательствам, изложенным в описательно-мотивировочной части, но и четко вытекать из содержания решения, не вызывать сомнения в его правильности.

Надлежащая мотивировка процессуальных решений следователя способствует правильному их пониманию, отражает соответствие выводов тем данным и доказательствам, которые приведены в решении, придает ему убедительность, создает у участников процесса и иных граждан уверенность в его истинности и справедливости.

Список литературы: 1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права. В 2-х т. Свердловск, 1973. Т. 2. 401 с. 2. *Грошевой Ю. М.* Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Х., 1975. 144 с. 3. *Кущова Э. Ф.* Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1972. 132 с. 4. *Лупинская П. А.* Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве. М., 1972. 80 с. 5. *Манаев Ю. В.* Законность процессуальных решений следователя. — Правоведение, 1982, № 5, с. 92—98. 6. *Манаев Ю. В.* Обоснованность процессуальных решений следователя. — Сов. гос-во и право, 1978, № 5, с. 84—88. 7. *Процессуальные акты предварительного расследования (примерные образцы)*/Под ред. С. В. Бородина. М., 1978. 248 с. 8. *Теория доказательств в советском уголовном процессе.* 2-е изд. М., 1973. 736 с.

Поступила в редколлегию 03.07.84.

С. Ф. ШУМИЛИН, канд. юрид. наук

Харьков

О ФУНКЦИЯХ НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что «нормальный ход нашего общественного развития немислим без строжайшего соблюдения законов, охраняющих интересы общества и права граждан» [1, с. 16]. Это положение самым не-

посредственным образом относится и к деятельности следственных подразделений, на которые возложена обязанность производства предварительного следствия по уголовным делам.

Наряду с высоким профессиональным мастерством работников следственных подразделений гарантией надлежащего выполнения возложенных на следователей задач являются ведомственный процессуальный контроль и руководство их деятельностью, которые осуществляет начальник следственного отдела. Между тем в литературе недостаточно глубоко исследован правовой статус начальника следственного отдела.

Начальник следственного отдела наделен правом производить расследование, осуществлять иную процессуальную и непроцессуальную управленческую деятельность. Отсюда вытекает одна из важнейших задач, стоящих перед теорией советского уголовного процесса, — правильно и точно определить функции начальника следственного отдела.

В теории и практике советского уголовного процесса отсутствует единое мнение по вопросу содержания и видов процессуальных функций. Одни авторы под уголовно-процессуальными функциями понимают часть уголовно-процессуальной деятельности [5, с. 37], другие считают, что функции — это выраженные в определенных направлениях уголовно-процессуальной деятельности назначение и роль субъектов уголовного судопроизводства [8, с. 54], третьи дают определение функций как отдельных видов, направлений уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 188].

Анализ приведенных определений позволяет сделать вывод о том, что, как правило, понятие уголовно-процессуальной функции связывается с характеристикой деятельности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. В литературе процессуальная функция исследовалась и как психологическая категория [4]. Не отрицая целесообразности и полезности такого исследования, отметим, что психологическое значение функции определяется деятельностью, которую участник уголовного процесса осуществляет в рамках закона.

На наш взгляд, под уголовно-процессуальными функциями следует понимать такие отдельные направления уголовно-процессуальной деятельности, которые позволяют в концентрированном виде отразить место и роль субъекта уголовно-процессуальной деятельности в выполнении задач уголовного судопроизводства, а также в системе органов, осуществляющих борьбу с преступностью.

Начальник следственного отдела осуществляет функции: процессуального контроля, управленческую и функцию расследования конкретных уголовных дел.

Очевидно, что эффективность контроля за деятельностью следователей со стороны начальника следственного отдела в первую очередь зависит от полноты законодательного опреде-

ления функции процессуального контроля и управленческой функции. В юридической литературе предприняты попытки раскрыть понятие и значение контроля в деятельности органов предварительного следствия. Так, Г. Н. Меглицкий считает, что контроль как функция управления предварительным следствием включает в себя систему «наблюдений и проверки соответствия деятельности следственных подразделений и следователей нормам закона и ведомственным нормативным актам, выявление результатов деятельности, их сравнение и оценку, обнаружение отклонений для принятия управляющих воздействий по устранению недостатков, их причин, а также обобщение и распространение передового опыта в целях выполнения задач уголовного судопроизводства». Автор приходит к выводу о том, что контроль представляет собой систему следующих последовательно осуществляемых операций: принятие решения о производстве контроля; составление плана контрольных действий; инструктаж лиц, осуществляющих проверку; изучение статистической отчетности и другой информации о деятельности подконтрольного объекта; изучение работы следственных подразделений и следователей по отдельным направлениям деятельности; сбор статистических и других материалов, объективно характеризующих проверяемые объекты; сравнение достигнутых результатов с аналогичными результатами предшествующих периодов деятельности, с другими следственными подразделениями и следователями, а также с требованиями законов, приказов, инструкций; непосредственное оказание практической помощи в устранении недостатков, подведение итогов и оценка работы следственного подразделения, отдельных руководителей, следователей на основе фактических данных, собранных в ходе проверки; составление отчетных документов по результатам проверки; разработка мероприятий по устранению обнаруженных недостатков и повышению эффективности проверяемого следственного подразделения, следователя; принятие в случае необходимости мер взыскания; разработка мероприятий по распространению и внедрению передового опыта в другие следственные подразделения; принятие мер к поощрению руководителей следственных подразделений и следователей, добившихся высоких результатов в работе; доведение результатов проверки до сведения проверяемых и других заинтересованных лиц и инстанций [3, с. 105—106].

Столь пространное изложение позиции Г. Н. Меглицкого потребовалось для того, чтобы показать ее противоречивость и ошибочность. Автор вполне обоснованно пишет, что «уголовно-процессуальный закон выделяет контроль как основное направление деятельности, основную функцию начальника следственного отдела» [3, с. 104]. Однако, рассматривая функцию как элемент управления предварительным следствием, Г. Н. Меглицкий, на наш взгляд, смешивает два разных понятия конт-

роля: процессуальный контроль и внепроцессуальные формы осуществления управленческой функции.

Представляется, что для правильного определения содержания функции процессуального контроля следует исходить из положений, закрепленных в уголовно-процессуальном законе, которые определяют исследуемую функцию как контроль за своевременностью действий следователей по раскрытию преступлений и предотвращению их (ч. 1 ст. 114¹ УПК УССР, ч. 1 ст. 127¹ УПК РСФСР). Являясь процессуальной, функция контроля должна осуществляться лишь процессуальными способами, т. е. путем проверки уголовных дел и личного участия в производстве следственных действий. Иными способами и средствами процессуальный контроль осуществляться не может. Только в результате изучения уголовного дела и личного участия в производстве следственных действий начальник следственного отдела выясняет своевременность и правомерность действий следователя по раскрытию и предупреждению преступлений и оценивает действия следователя с точки зрения соответствия их закону, приказам и указаниям Генерального прокурора СССР и Министерства внутренних дел по вопросам следственной работы.

Предложенная Г. Н. Меглицким система операций характеризует, на наш взгляд, внепроцессуальные формы осуществления управленческой функции. Однако с предложенной последовательностью проведения операций по осуществлению контроля нельзя согласиться. Контроль не должен начинаться с принятия решения, он может оказаться безрезультатным, если будет проведен без выяснения истинного состояния работы на подконтрольных объектах. Изучение поступающей к начальнику следственного отдела информации в виде статистических и других материалов определяет выбор объекта контроля и содержание плана контрольных действий и инструктажа проверяющих.

В уголовно-процессуальном законодательстве закреплены процессуальные формы, в которых начальник следственного отдела осуществляет управленческую функцию. Так, по результатам проведенного процессуального контроля начальник следственного отдела имеет право давать указания следователю о производстве предварительного следствия, о привлечении в качестве обвиняемого, о квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела, о производстве отдельных следственных действий, передавать дело от одного следователя другому, поручать расследование дела нескольким следователям (ч. 2 ст. 114¹ УПК УССР, ч. 2 ст. 127¹ УПК РСФСР).

Таким образом, уголовно-процессуальный закон полностью обеспечивает начальника следственного отдела процессуальными средствами осуществления функций процессуального контроля и управления при расследовании уголовных дел. Внепроцессуальные формы управления следственными аппаратами прокуратуры и МВД СССР подробно перечислены в ведомст-

венных нормативных актах. Казалось бы, в таком случае речь может идти лишь о разработке научно-практических рекомендаций по наиболее эффективному применению предоставленных законом полномочий. Однако в литературе высказываются суждения об ограниченности и недостаточно четкой регламентации круга процессуальных прав начальника следственного отдела. Так, В. И. Батищев считает, что фактический объем контрольных функций, выполняемых начальниками следственных подразделений, значительно шире перечня, определенного процессуальными нормами, что вынуждает начальника следственного отдела постоянно обращаться с ходатайствами к прокурору. В этой связи автор предлагает расширить процессуальные полномочия начальников следственных подразделений [2, с. 152].

По поводу данного суждения представляется допустимым высказать следующие соображения.

Во-первых, автор не указывает, какие же контрольные действия начальника следственного отдела не нашли законодательного закрепления. Во-вторых, хотя автор и не упоминает о ходатайствах, с которыми начальник следственного отдела обращается к прокурору, сравнивая их полномочия, можно сделать вывод о том, что речь идет о ходатайствах об отмене постановлений следователей, о санкционировании производства ряда процессуальных действий, о продлении сроков расследования и содержания под стражей, о возвращении дел на доследование и т. д. Однако расширение полномочий начальника следственного отдела в этом направлении невозможно, поскольку это может привести к тому, что в ряде случаев высший надзор прокурора за исполнением законов следователями будет подменяться ведомственным контролем.

Нельзя обойти и поднятый в литературе вопрос о необходимости регламентировать в законе полномочия начальника следственной части. В. Малкин в этой связи пишет, что функции начальника следственной части областной прокуратуры носят иной характер, чем функции начальника следственного управления (отдела). Автор видит различие в том, что основная задача начальника следственной части заключается в непосредственном руководстве действиями следователей, входящих в следственную часть. На этом основании предлагается закрепить в законе полномочия начальника следственной части, аналогично тому, как это сделано относительно полномочий начальника следственного отдела [6, с. 55—56].

Высказанная автором точка зрения о различии функций начальника следственной части и начальника следственного отдела не аргументирована и направлена по сути дела на выделение следственной части в самостоятельное структурное подразделение. Если закрепить в законе полномочия начальника следственной части по непосредственному руководству действиями

следователей, входящих в следственную часть, то становится беспредметным наделение такими же полномочиями начальника следственного отдела. Учитывая, что следственная часть — структурное подразделение следственного отдела, а ее начальник является заместителем начальника следственного отдела, в предлагаемой новелле нет необходимости.

Список литературы: 1. *Материалы* Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983. 80 с. 2. *Батищев В. И.* Ведомственный процессуальный контроль и укрепление законности на предварительном следствии. — В кн.: Развитие теории и практики уголовного судопроизводства в свете нового законодательства о Верховном Суде СССР, Прокуратуре СССР и Адвокатуре в СССР. Воронеж, 1981, с. 151—153. 3. *Меглицкий Г. Н.* Понятие и значение контроля как функции управления предварительным следствием. — В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы уголовно-процессуальной и организационной деятельности органов предварительного следствия. Волгоград, 1982, с. 102—107. 4. *Нажимов В. П.* Об уголовно-процессуальных функциях. — Правоведение, 1973, № 5, с. 76—81. 5. *Рахунов Р. Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. 277 с. 6. *Обзор* поступивших в редакцию предложений. — Соц. законность, 1984, № 8, с. 54—56. 7. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. 470 с. 8. *Элькинд П. С.* Цели и средства их достижения в уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. 143 с.

Поступила в редколлегию 30.11.84.

Л. А. БОГОСЛОВСКАЯ, канд. юрид. наук

Харьков

СУЩНОСТЬ ЗАКОННОГО ИНТЕРЕСА ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Правовой статус личности характеризуется правами, обязанностями гражданина, гарантиями их осуществления и проявляется во взаимоотношениях личности с государством. Права и обязанности личности связаны с ее интересами, которые, подчеркивал К. Маркс, являются «внутренними законами духовных отношений». Во всех сферах общественной жизни интерес — движущая сила в развитии как общества в целом, так и отдельной личности. Такой интерес носит осознанный характер, ибо не может существовать, не отражаясь в сознании. Он вынуждает личность действовать определенным образом, совершать конкретные действия, добиваться результатов. «...Все то, за что человек борется, — писал К. Маркс, — связано с его интересом...» [1, т. 1, с. 72].

Интересы, как и потребности, представляют собой сложное социологическое, психологическое и правовое понятие. Не выяснив положение личности в обществе, ее прав и обязанностей,

гарантий их осуществления, а также ответственности гражданина, невозможно глубоко и полно познать характер этих интересов. Отсюда — внимание к данному вопросу представителей различных наук: социологической, философской, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной.

Роль интереса личности, его исследование объясняются тем, что правовое регулирование в целом, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства, вызвано в жизни объективными потребностями общества и служит их удовлетворению специфическими средствами. Исключительно важна в деле защиты законных интересов личности деятельность специально уполномоченных на то правоохранительных органов: суда, прокуратуры, органов предварительного расследования. Все они действуют в присущих каждому из них формах, определенными методами, в строгом соответствии с законом, что обеспечивает выполнение ими своего социального назначения.

Интерес личности в уголовном судопроизводстве охраняется не только нормами права, но и нравственными нормами социалистического общества, его гуманистической сущностью, всеми его принципами.

В уголовно-процессуальном законе термин «интерес» встречается в ряде норм. Так, ст. 20 УПК УССР указывает на «интересы государственной тайны»; согласно ст. 47 одно и то же лицо не может быть защитником двух или нескольких обвиняемых, если интересы защиты одного из них противоречат интересам защиты другого. В ст. 52 сказано о представителях интересов потерпевших, гражданских истцов и гражданских ответчиков; ст. 264 указывает на право прокурора предъявить или поддержать предъявленный потерпевшим гражданский иск, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан; ст. 266 устанавливает, что «защитник содействует подсудимому в осуществлении его прав и в защите его законных интересов». В некоторых статьях употребляются термины «законные интересы» (ч. 2 ст. 27, ст. 29 УПК УССР) и «заинтересованные лица и учреждения» (ст. 99). Хотя в этих, как и в некоторых других нормах, употребляются термины «интерес» и «законный интерес», полагаем, что во всех случаях, когда в законе употребляется термин «интерес», подразумевается, что он всегда законный.

В уголовно-процессуальном кодексе не раскрывается содержание понятия «законные интересы», не во всех нормах уголовно-процессуального права, где идет речь о субъектах уголовно-процессуальных отношений, прямо выражены интересы, которые они имеют, однако почти во всех нормах права, конечно, эти интересы существуют, они пронизывают весь уголовный процесс.

В процессуальной литературе существуют различные определения понятия «законный интерес». Одни авторы связывают его с интересами социалистического правосудия [5, с. 62—64].

другие — с задачами уголовного судопроизводства. «Интересы в уголовном судопроизводстве, — пишет Л. Д. Кокорев, — определяются его задачами, сформулированными в ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» [6, с. 7]. Автор отмечает, что «уголовно-процессуальный интерес можно рассматривать как осознанную необходимость борьбы с преступностью, раскрытия преступлений, справедливого наказания лиц, виновных в совершении преступлений, а также как необходимость защиты лиц от необоснованного привлечения к уголовной ответственности и применения мер процессуального принуждения, реабилитации невиновных» [6, с. 8—9]. Возникает вопрос: чьи интересы под таким углом зрения можно рассматривать? Интересы правоохранительных органов, представляемые прокурором, следователем, лицом, производящим дознание, и судом, действительно, в силу закона определяются задачами уголовного судопроизводства. Однако интересы участников процесса в ряде случаев не совпадают с задачами, сформулированными в ст. 2 Основ. Обвиняемый, например, не всегда заинтересован в том, чтобы преступление было расследовано полно и всесторонне или чтобы все соучастники были привлечены к уголовной ответственности. Интересы потерпевшего, как правило, связаны с изобличением обвиняемого, его осуждением; в то же время в силу различных причин потерпевший может занять позицию, связанную с защитой обвиняемого. Поэтому интерес — категория сложная, в указанном смысле внутренне противоречивая, и дать единое определение этого понятия для всех участвующих в уголовном деле лиц не представляется возможным.

В уголовно-процессуальной литературе, когда речь идет о законных интересах, чаще всего имеют в виду интересы участников процесса. Представляется, что такой подход к данному вопросу является узким. Органы предварительного расследования, прокурор и судьи интересы участников процесса оценивают с позиций соответствия или несоответствия их нормам социалистической морали, отражающим интересы Советского государства, общества. Следовательно, эти органы призваны защищать государственные, общественные интересы. Конечно, общим критерием законности интереса являются указания ст. 2 Основ (ст. 2 УПК УССР), однако понятие и содержание «законный интерес» необходимо рассматривать шире, чем интересы участника процесса, ибо последние в силу сказанного неизменно должны рассматриваться во взаимосвязи с интересами государственными, общественными. Сама защита судьей, прокурором, следователем законных интересов личности есть осознание ими своего долга, социально-необходимой потребности защищать их.

Законным может быть интерес любого должностного лица, которое в силу своего положения наделено властными

полномочиями по расследованию и рассмотрению уголовного дела, а также участников процесса, наделенных процессуальными правами для их отстаивания. К таким участникам процесса относятся: обвиняемый, подозреваемый, защитник, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик и их представители. Определенный охраняемый законом интерес имеют представители общественности, участвующие в процессе в силу поручения общественной организации или трудовых коллективов, общественный обвинитель и общественный защитник. Кроме перечисленных, в уголовном процессе участвуют лица, которые выполняют свой гражданский долг, обязанности, возложенные на них законом (эксперты, свидетели, специалисты и др.). Личные интересы в деле они не имеют, однако их участие способствует установлению истины и выполнению задач правосудия.

Интересы личности в уголовном судопроизводстве в конечном счете определяют характер функции, выполняемой тем или иным субъектом процесса, и могут быть законны или незаконны. Это зависит от преследуемой цели и соответствия ее задачам уголовного судопроизводства.

Наряду с другими видами интереса (политическими, экономическими, духовными) в литературе выделяется в особый вид правовой интерес. Сфера действия правового интереса различна, равно как и различны формы и способы его реализации. К правовым относятся такие интересы, которые удовлетворяются или защищаются правовыми средствами. Правовой интерес всегда находится в единстве с волей лица. Волеизъявление — средство реализации правового интереса; возникая, оно проявляется в действиях личности, урегулированных уголовно-процессуальным законодательством и вызывающих определенные процессуальные последствия.

В уголовном судопроизводстве деятельность правоохранительных органов, с одной стороны, направлена на защиту материальных (экономических), политических и духовных интересов государства, общества, а с другой — на защиту законных интересов граждан.

Личные интересы участников уголовного судопроизводства можно классифицировать по времени их действия. В литературе их разделяют на коренные и частные, длительные и временные, отдаленные и ближайшие [3, с. 20]. Такая классификация представляет интерес с точки зрения уголовно-процессуального права, так как дает возможность понять процесс формирования личного интереса в сфере уголовного судопроизводства, проследить пути влияния процессуальной деятельности правоохранительных органов на формирование и развитие данного интереса в плане соответствия его целям и задачам социалистического правосудия.

Совершая преступление, лицо нередко действует в целях удовлетворения своих ближайших или временных интересов.

Избрание неправильной формы защиты того или иного интереса может быть следствием неправильного его понимания данной личностью, однако такие случаи единичны. В принципе же процесс реализации интереса его носителем зависит не только от сознания интереса, но и от индивидуальных качеств субъекта — воли, дисциплинированности и от других психологических черт, социальной установки личности [2, с. 98].

В силу закона каждый субъект уголовно-процессуальной деятельности имеет такие права и полномочия, которые позволяют ему добиваться удовлетворения его законных интересов, а также активно влиять на решения и действия, принимаемые иными участвующими в деле органами и лицами. Существующие уголовно-процессуальные гарантии дают возможность защитить гражданину тот интерес, который отражается в реализуемом праве.

Представляется, что интерес проявляется в уголовном процессе в отношениях между: должностными лицами (судья, суд, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание) и обвиняемым или подозреваемым; указанными правоохранительными органами и лицами, защищающими свои процессуальные или иные интересы в уголовном деле, а также их защитниками или представителями; правоохранительными органами и лицами, не имеющими личного интереса (свидетелем, экспертом, специалистом); правоохранительными органами и представителями общественности и трудовыми коллективами.

Основа деятельности всех правоохранительных органов в уголовном судопроизводстве — раскрытие преступления и изобличение виновных в нем лиц. В процессе этой деятельности и разворачиваются возникающие правоотношения. Интерес обвиняемого является поэтому стержневым и занимает центральное место. «Законными интересами обвиняемого, — отмечает Э. Ф. Куцова, — являются его наиболее существенные интересы, социально необходимые, отраженные в нормах права и подлежащие защите с помощью правовых средств» [5, с. 53].

Законный интерес участвующих в деле лиц характеризуется их желанием удовлетворить свои потребности, достичь тех благ, которые в силу закона охраняются государством в лице правоохранительных органов. В силу этого законный интерес имеет персональную направленность и подлежит защите в судебном порядке. Интересы в уголовном процессе носят объективный характер и в то же время «...это переход субъективного в объективное, так как интерес есть мотив деятельности, благодаря которому претворяются в действительность субъективные цели, желания, намерения и т. д.» [4, с. 6]. Такое утверждение в полной мере может быть отнесено ко всем субъектам уголовно-процессуальной деятельности, ибо «категория интереса как раз и указывает на переход от объективного к субъективному и обратно: от положения к идеальным побудительным силам и от идеальных

побудительных сил через социальные действия к изменению положения» [3, с. 30].

У каждого участника уголовного процесса интерес сначала возникает, отражается в его сознании, осознается (в искаженном виде либо верно), а затем уже реализуется через практическую деятельность. Так, например, у обвиняемого интерес может возникнуть еще задолго до совершения преступления, однако процессуальный характер этот интерес приобретает с момента привлечения его к уголовной ответственности. Процессуальный статус обвиняемого выражается в предмете защиты—предоставленных ему законом правах, которые он использует в целях защиты своих законных интересов. Однако конституционное право на защиту распространяется не на защиту любого интереса, а только на ту его часть, которая направлена на установление объективной истины по делу и служит интересам социалистического правосудия.

Реализация интересов также может проявляться по-разному. Она может зависеть от того, насколько следователь, прокурор, суд объективно и всесторонне расследуют и рассматривают дело, насколько правоохранительные органы создают условия и возможность использования участниками процесса своих прав, насколько активно принимают участие в исследовании доказательств участвующие в деле лица и т. п. Реализация законных интересов всех участников процесса зависит и от поведения обвиняемого. Являясь центральной фигурой в уголовном процессе, обвиняемый всегда преследует свой личный интерес, однако вокруг него концентрируются процессуальные интересы всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности, всех ее участников.

От результатов предварительного расследования и судебного разбирательства, от качества и эффективности работы этих органов в значительной мере зависит удовлетворение законных интересов участников уголовного процесса.

Список литературы: 1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. 2. *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. М., 1968. 126 с. 3. *Глезерман Г. Е.* Интерес как социологическая категория. — Вопросы философии, 1966, № 10, с. 12. 4. *Здравомыслов А. Г.* Проблема интереса в социологической теории. Л., 1962. 220 с. 5. *Куцова Э. Ф.* Гарантии прав личности в уголовном процессе. М., 1973. 197 с. 6. *Общественные и личные интересы в уголовном судопроизводстве/Под ред. Л. Д. Кокорева, Воронеж, 1984. 175 с.*

Поступила в редколлегию 10.12.84.

Харьков

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Вся деятельность партии и Советского государства направлена на дальнейшее укрепление социалистической законности, повышение эффективности и качества деятельности всех государственных органов, включая и органы прокуратуры СССР, осуществляющие высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми органами, должностными лицами и гражданами. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии сказано: «Неизменной задачей остается использование всей силы советских законов в борьбе с преступностью и другими правонарушениями» [1]. Важную роль в достижении целей и выполнении задач уголовного судопроизводства играет прокурорский надзор в стадии исполнения приговора.

Сущность и задачи прокурорского надзора в стадии исполнения приговора предопределяются назначением прокурорского надзора как высшего надзора за точным и единообразным исполнением законов всеми государственными органами, общественными организациями, должностными лицами и гражданами. Понятие прокурорского надзора как высшего надзора в полной мере относится ко всем основным отраслям прокурорского надзора, включая и надзор в уголовном судопроизводстве.

Между тем до недавнего времени в юридической литературе предпринималась попытка умалить значение прокурорского надзора, доказать, что прокурорский надзор не распространяется на отдельные виды государственной деятельности. Так, В. М. Савицкий отмечает, что «наименование прокурорского надзора высшим противоречит реальному соотношению функции прокуратуры и функции конституционного надзора» [5, с. 20]. Однако Конституция СССР (ст. 164) определяет прокурорский надзор как высший надзор за точным и единообразным исполнением законов. В статье сказано, что высший надзор осуществляют Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры за министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнительными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами. В соответствии с этим в уголовном судопроизводстве на основании ст. 20 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик прокурор обязан во всех

стадиях уголовного судопроизводства принимать предусмотренные законом меры к устранению нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили. Следовательно, если нарушения закона допускаются в судебных стадиях уголовного процесса, исходят от суда, прокурор также должен принимать меры к устранению нарушений закона. С данным положением не согласен М. С. Строгович, утверждающий, что «прокурор, передав дело в суд с утвержденным им обвинительным заключением, выступает в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя для того, чтобы изобличить преступника перед судом и общественностью, обеспечить применение к нему заслуженного наказания, а вовсе не для того, чтобы надзирать за действиями суда» [6, с. 222].

В настоящее время, когда действующее законодательство приводится в соответствие с Конституцией СССР, назрела необходимость привести в соответствие со ст. 164 Конституции СССР ст. 20 Основ уголовного судопроизводства, указав в ней об осуществлении Генеральным прокурором СССР и подчиненными ему прокурорами высшего надзора за точным и единообразным исполнением законов во всех стадиях советского уголовного процесса, в том числе и в судебных. Однако, несмотря на то что Указами Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. внесены изменения и дополнения в Основы уголовного законодательства, Основы уголовного судопроизводства и Основы исправительно-трудового законодательства, только часть первая ст. 10 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик указала на осуществление прокурором высшего надзора. Статья гласит: «Надзор за точным соблюдением законов при исполнении приговоров к лишению свободы, ссылке, высылке и исправительным работам без лишения свободы осуществляется Генеральным прокурором СССР и подчиненными ему прокурорами в соответствии с Законом СССР «О прокуратуре СССР». Осуществляя от имени государства высший надзор за исполнением законов, прокурор обязан принимать меры к выявлению и своевременному устранению любых нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили, к восстановлению нарушенных прав и привлечению виновных к установленной законом ответственности» [2, 1981, № 33, ст. 967].

Исполнение приговора — самостоятельная, завершающая стадия советского уголовного процесса. Ее наступление связано с вступлением в законную силу приговора, определения и постановления суда. В своевременном исполнении назначенного судом наказания важная роль принадлежит суду, обращающему приговор к исполнению, органам, приводящим приговор в исполнение, а также прокурору, осуществляющему от имени государства высший надзор за исполнением наказания.

В соответствии со ст. 42 Закона СССР «О прокуратуре СССР» Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры осуществляют надзор в местах лишения свободы, при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, и иных мер принудительного характера, назначаемых судом, с тем, чтобы: содержание в местах лишения свободы, в учреждениях для принудительного лечения и воспитания проводилось не иначе, как по основаниям и в порядке, установленном законом; соблюдалось законодательство о порядке и условиях отбывания наказания, исправления и перевоспитания осужденных, содержания лиц, к которым применены меры принудительного лечения и воспитания; обеспечивалось соблюдение установленных законом прав и обязанностей осужденных и лиц, к которым применены меры принудительного лечения и воспитания.

Исходя из этих задач и учитывая, что, согласно ст. 7 Основ исправительно-трудового законодательства, основными средствами исправления и перевоспитания осужденных являются режим отбывания наказания, общественно полезный труд, политико-воспитательная работа, общеобразовательное и профессионально-техническое обучение, прокурор должен организовать свою работу так, чтобы судом и администрацией исправительно-трудовых учреждений соблюдались законы, регламентирующие их деятельность в указанных сферах. Прокурорский надзор за исполнением приговоров приобретает в связи с этим особые черты, отличающие данную отрасль надзора от других и сочетающие в себе методы выявления нарушений закона и формы их устранения в уголовном судопроизводстве с методами и формами общего надзора.

Надзор прокурора в стадии исполнения приговора должен начинаться по вступлении приговора в законную силу, когда суд должен обратить приговор к исполнению. Уголовно-процессуальные кодексы и Основы уголовного судопроизводства не устанавливали срок обращения приговора к исполнению. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. ст. 53 Основ была дополнена новой частью: «Вступивший в законную силу приговор обращается к исполнению судом, постановившим приговор, не позднее трех суток со дня его вступления в законную силу или возвращения дела из кассационной инстанции» [2, 1981, № 33, ст. 966]. В соответствие с этой нормой приведены статьи УПК союзных республик: Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 г. дополнена и изменена ст. 356 УПК РСФСР [3, 1983, № 32, ст. 1153], Указом Президиума Верховного Совета УССР от 16 апреля 1984 г. дополнена и изменена ст. 404 УПК УССР [4, 1984, № 18, ст. 351].

Большое значение в законодательном регулировании вопросов исполнения приговоров имеют Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1983 г., утвердивший Положение о по-

рядке и условиях исполнения уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных [2, 1983, № 12, ст. 175] и изданные в соответствии с этим Указы Президиумов Верховных Советов союзных республик, утвердившие соответствующие Положения союзных республик [3, 1984, № 29, ст. 991; 4, 1984, № 27, ст. 511].

В указанных Положениях определены порядок и условия исполнения наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штрафа, общественного порицания, конфискации имущества, лишения воинского или специального звания и др. Обязанность осуществления надзора за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных, Указаниями Генерального прокурора СССР возложена на прокуроров республик, краев и областей. Надзор осуществляется отделами по надзору за исполнением законов в ИТУ и прокурорами по надзору за соблюдением законов в ИТУ, отделами (управлениями) по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах и отделами по надзору за рассмотрением гражданских дел в судах.

В законе не указан акт, оформляющий распоряжение суда об исполнении приговора. На практике это осуществляется письмом народного судьи или председателя суда, которые направляют копию приговора, определения или постановления кассационной или надзорной инстанций для приведения приговора в исполнение. Стадия исполнения приговора четко определяет временные границы и начинается с направления распоряжения суда о приведении приговора в исполнение. Такое распоряжение является приказом о приведении приговора в исполнение и должно быть облечено в форму процессуального акта — постановления судьи или определения суда. Указанные акты обязательны для исполнения теми органами, которым адресовано распоряжение. Кроме того, такие акты возлагают на судью и суд, вынесших их, ответственность за правильность и своевременность обращения приговора к исполнению. В законе следует, на наш взгляд, указать, что по общему правилу обращение приговора к исполнению производится единолично судьей или председателем суда путем вынесения постановления, а в случае необходимости разрешения вопросов, отнесенных к компетенции суда, например, при отказе в отсрочке исполнения приговора, — судом путем вынесения соответствующего определения.

Полномочия прокурора по осуществлению надзора за исполнением наказания, назначенного судом, определяются ст. 43 и 45 Закона СССР «О прокуратуре СССР». В целях проверки соблюдения законов прокурор посещает систематически и в любое время места лишения свободы; знакомится с документами, служащими основанием для содержания лиц в местах лишения свободы; немедленно освобождает лицо, незаконно содержащееся

в местах лишения свободы; производит опрос осужденных; проверяет приказы, распоряжения и постановления администрации ИТУ; приостанавливает исполнение незаконных актов и опротестовывает их; следит за исполнением требований закона о праве осужденных обращаться с жалобами и заявлениями в государственные органы и обязанностью администрации направлять жалобы и заявления по принадлежности; рассматривает жалобы и заявления, принимает по ним необходимые меры и сообщает о своем решении заявителю.

Однако уголовно-процессуальные кодексы союзных республик в отличие от стадий возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, судебного разбирательства, кассационного и надзорного производств и возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам, содержащих статьи, специально посвященные прокурорскому надзору, в стадии исполнения приговора лишь общим образом указывают на то, что надзор осуществляет прокурор. В различных стадиях раздела «Исполнение приговора» упоминается об отдельных полномочиях прокурора: опротестовывать некоторые определения суда, вынесенные в порядке исполнения приговора; участвовать в рассмотрении дел об условно-досрочном освобождении от наказания и замене наказания более мягким; давать заключения по докладу суда об изменении вида ИТУ с соответствующим режимом и по другим вопросам, связанным с исполнением приговора; о санкционировании прокурором постановления следователя или органа дознания о временном оставлении в следственном изоляторе или тюрьме осужденных к лишению свободы в ИТК или ВТК, а также о временном переводе осужденного из ИТУ в следственный изолятор или тюрьму при необходимости производства следственных действий по делу о преступлении, совершенном другим лицом; вносить представления суду об отсрочке исполнения приговора осужденному и об обращении конфискации на дополнительно обнаруженное имущество.

УПК УССР, в отличие от УПК РСФСР, не конкретизирует, какие определения суда, вынесенные в порядке исполнения приговора, прокурор обязан опротестовать в кассационном порядке. В разделе «Исполнение приговора» ничего не сказано об опротестовании определений суда в порядке надзора.

В связи с изложенным раздел «Исполнение приговора» УПК союзных республик, думается, целесообразно дополнить статьей «Прокурорский надзор в стадии исполнения приговора», изложив в ней полномочия прокурора применительно к этапам стадии исполнения приговора: надзор за обращением приговора к исполнению; надзор за приведением приговора в исполнение; надзор за отбыванием наказания осужденным.

Из Закона СССР «О прокуратуре СССР», других законов, УПК союзных республик, содержащих в различных статьях указания о полномочиях прокурора, можно сделать вывод о мето-

дах выявления прокурором нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий и формах их устранения.

К методам выявления нарушений закона относятся: 1) проверка соблюдения законов путем посещения мест лишения свободы; 2) ознакомление с документами, на основании которых лица водворены в места лишения свободы; 3) опрос задержанных, арестованных, осужденных и лиц, подвергнутых принудительному лечению и воспитанию; 4) проверка законности приказов, распоряжений и постановлений администрации ИТУ; 5) санкционирование постановлений следователя или органа дознания о временном оставлении в следственном изоляторе или тюрьме осужденного к лишению свободы в ИТК, а также о временном переводе осужденного из ИТУ в следственный изолятор или тюрьму при необходимости производства следственных действий по делу о преступлении, совершенном другим лицом; 6) прием и разрешение жалоб и заявлений осужденных; 7) проверка своевременности и правильности обращения к исполнению судом приговора; 8) проверка своевременности и правильности приведения в исполнение органами внутренних дел (милиции) обращенных к исполнению приговоров, если осужденный до вступления приговора в законную силу не содержался под стражей; 9) проверка соблюдения законов по приведению приговора в исполнение начальником следственного изолятора, тюрьмы и других мест предварительного заключения; 10) проверка соблюдения законов о приведении приговора в исполнение администрацией ИТУ; 11) участие в заседаниях суда при разрешении вопросов в порядке исполнения приговора и дача заключений по докладу судьи.

В настоящее время появились новые методы выявления нарушений закона (например, совместные проверки соблюдения законов в РОВД, УВД, ИТУ, проводимые прокурором и должностными лицами УВД, МВД, и др.).

К формам устранения выявленных прокурором нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий в стадии исполнения приговора относятся: 1) представления об устранении нарушений закона, причин нарушений и способствующих им условий, допущенных при исполнении приговора судом, администрацией органов внутренних дел (милиции), ИТУ и других органов; представление суду об отсрочке исполнения приговора осужденному; представление суду об обращении конфискации на дополнительно обнаруженное имущество осужденного; 2) постановление об освобождении из-под стражи лиц, незаконно содержащихся в местах предварительного заключения и ИТУ; 3) протест на незаконные приказы, распоряжения и постановления администрации ИТУ; 4) частный протест на определение суда; 5) представление вышестоящему прокурору об опротестовании определения суда в порядке надзора; 6) протест в порядке надзора; 7) указания администрации ИТУ; 8) предосте-

режение должностных лиц органов внутренних дел (милиции) и ИТУ о недопущении нарушений закона при приведении приговора в исполнение и отбывании наказания осужденным; 9) постановления о возбуждении уголовного дела, дисциплинарного производства или производства об административном правонарушении в зависимости от характера нарушения закона должностным лицом при исполнении приговора. Прокуроры применяют также новые формы устранения нарушений закона путем активного вмешательства в процессы, происходящие в местах лишения свободы, участия в воспитательных мероприятиях ИТУ, личного участия в рассмотрении направленных в ИТУ, УВД и МВД представлений об устранении нарушений закона и др.

Методы и формы прокурорского надзора направлены на дальнейшее совершенствование прокурорского надзора в стадии исполнения приговора.

Список литературы: 1. *Правда*, 1986, 26 февр. 2. *Ведомости* Верховного Совета СССР. 3. *Ведомости* Верховного Совета РСФСР. 4. *Ведомости* Верховного Совета УССР. 5. *Савицкий В. М.* Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. 382 с. 6. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. М., 1968. Т. 1. 470 с.

Поступила в редколлегию 25.11.84.

Трибуна молодого ученого

В. Н. ЕРМОЛАЕВ

Харьков

Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ — ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ ПО ТОПЛИВУ (ЦЕНТРЧРЕЗКОМТОП)

Жизнь и деятельность Ф. Э. Дзержинского — выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, верного соратника В. И. Ленина — была яркой и многогранной. С первых дней существования Страны Советов Ф. Э. Дзержинский возглавлял чекистские органы, организуя защиту победившей революции от подрывной деятельности свергнутых эксплуататорских классов и иностранных разведок. Плодотворным был период в его жизни, когда страна после гражданской войны и иностранной интервенции перешла к мирной созидательной работе. На хозяйственном фронте с огромной силой проявились выдающиеся организаторские способности Феликса Эдмундовича. О его деятельности на хозяйственном поприще написаны интересные и полезные исследования [2; 5; 8].

Деятельность Ф. Э. Дзержинского на хозяйственном фронте ценна и поучительна, так как она — наглядный пример глубокого проникновения выдающегося марксиста-ленинца в существо экономических процессов, умения найти «основное звено» в длинной цепи хозяйственных явлений и фактов, сосредоточить на нем внимание и усилия трудящихся масс. Большое значение приобретает каждая новая страница, освещающая неустанную работу Ф. Э. Дзержинского по восстановлению народного хозяйства.

В литературе недостаточно полно освещена деятельность Ф. Э. Дзержинского на посту председателя Центральной чрезвычайной комиссии по топливу (Центрчрезкомтоп). Между тем этот орган сыграл важную роль в ликвидации топливного кризиса 1921 г. Возглавляя комиссию, Феликс Эдмундович проявил выдающиеся организаторские качества, неиссякаемую энергию, умение мобилизовать все силы и средства для выполнения ответственного задания партии.

Топливный кризис, разразившийся в начале зимы 1920/21 г., был прямым следствием закончившейся гражданской войны и иностранной интервенции. Завершив разгром сил контрреволюции, наше государство начало постепенный переход на рельсы мирной жизни. Однако всем этим начинаниям мешали разруха и, прежде всего, катастрофическое падение добычи топлива на единственной тогда в стране угольной базе в Донбассе. Сотни шахт были залиты водой, оборудование в большинстве случаев пришло в полную негодность. Из 1816 шахт Донбасса к началу 1921 г. работало лишь 956 (из них мелких крестьянских — 389). Число рабочих, занятых в каменно-угольной промышленности Донбасса, по сравнению с 1916 г. сократилось вдвое. Еще хуже было положение с основной производительной силой — забойщиками [6, 1921, 13 янв.].

ЦК партии, В. И. Ленин принимали неотложные меры для улучшения положения дел в угледобывающей промышленности. В Донбасс были отправлены шахтное оборудование, продовольствие. Так, только в период с 1 по 15 января 1921 г. на продовольственные базы Донбасса поступило 1285 вагонов грузов, из которых пшеницы было 237 вагонов, мяса — 55, муки — 22, рыбы — 5 и т. д. [6, 1921, 19 янв.].

Партия направляла в промышленность, на транспорт и другие решающие участки народного хозяйства свои лучшие кадры. В. И. Ленин уделял исключительное внимание делу подбора хозяйственных кадров, требовал того же от всех руководителей партийных и государственных органов. В 1921 г. он писал Г. М. Кржижановскому, руководившему тогда Госпланом: «Ваша задача выловить, выделить, приставить к работе способных организаторов, администраторов...» [1, с. 52, с. 81]. Со всех концов республики на главное угольное поле страны направ-

ляются опытные организаторы, коммунисты, лица, знакомые с делом угледобычи.

Наладить и организовать добычу каменного угля, отправку его потребителям партия поручила Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому.

Работу по решению этой важнейшей хозяйственной проблемы Ф. Э. Дзержинский начал еще будучи в Москве. К борьбе с топливным кризисом были привлечены органы ВЧК. Феликс Эдмундович руководил совершенствованием организационной структуры чрезвычайных комиссий в связи с новыми задачами, вставшими перед советскими органами государственной безопасности. Совет Труда и Оборона принял внесенный Ф. Э. Дзержинским проект постановления, которое затем было опубликовано в печати как «Постановление СТО об образовании временной комиссии при Совете Труда и Оборона по борьбе с топливным кризисом и о возложении на ВЧК и его местные органы обязательств содействия топливным органам» [3, 1921, 15 февр.]. Задачей комиссии являлись усиление и согласование работы органов ВЧК, РКИ, ВСНХ, НКПС, Наркомтруда и Главкомтруда по руководству топливными органами. В частности, ВЧК должна была содействовать этим органам в проведении в жизнь всех постановлений центральной и местной власти.

Прибыв на Украину и ознакомившись на месте с делом угледобычи и отправки топлива, Ф. Э. Дзержинский, наряду с проведением широких политических и организационно-массовых мероприятий, широко использовал в этой работе чекистский аппарат, другие советские правоохранительные органы. Для более полного сосредоточения дела угледобычи и топливоснабжения в одном органе на Украине Совнаркомом УССР создается специальная Топливная комиссия — Центральная чрезвычайная комиссия по топливу, Ф. Э. Дзержинский был назначен ее председателем [4, с. 428]. 22 февраля 1921 г. на первом заседании было решено много вопросов, связанных с топливным кризисом. Ф. Э. Дзержинский и М. В. Фрунзе направили телеграмму по губерниям Украины, в которой предлагалось особое внимание уделить заготовке и применению в качестве топлива для паровозов и для других срочных нужд лесных дров [6, 1921, 4 марта]. Было решено усилить в Донбассе гужевую повинность с тем, чтобы улучшить подвоз угля, добытого на мелких и отдаленных шахтах, до станций его погрузки [9, ф. 1, оп. 2, д. 417, л. 1].

Деятельность Ф. Э. Дзержинского по налаживанию дела угледобычи тесно переплеталась с его работой во главе комиссии по борьбе со снежными заносами на железных дорогах. Комиссия была образована и существовала как вспомогательный орган при Центрчрезкомтопе. Снежные метели и заносы в зиму 1921 г. создали перебои в организации продовольственного снабжения рабочих угледобывающей промышленности

Донбасса, препятствовали перевозке угля. По инициативе Ф. Э. Дзержинского местные партийные, советские, профсоюзные органы и комсомол бросили лучшие силы на борьбу за уголь, за транспорт. Вдоль линий железных дорог устанавливались специальные защитные щиты, выделялись снегоочистные составы, проводились массовые мобилизации людей на очистку железнодорожных путей от снега. Героическая битва со снегом давала свои результаты. Все больше продовольственных маршрутов прибывало в Донбасс, к промышленным центрам страны шли маршруты с донецким углем [9, ф. 1, оп. 2, д. 417, л. 1].

Давали положительные результаты и меры, принимаемые партией и правительством по увеличению добычи каменного угля в Донбассе. Так, героическими усилиями рабочих был откачан затопленный горизонт в 280 сажен на шахте № 1 Горловского района. На воскреснике, устроенном рабочими Екатерининского рудника, было добыто 7650 пудов угля. Весь уголь предназначался в подарок Советской Республике [6, 1921, 3 марта].

Большую работу в качестве председателя Центрчрезкомтопа Ф. Э. Дзержинский проводил по обеспечению сохранности угля. На борьбу против расхитителей угля и спекулянтов им, на охрану угля в местах добычи и транспортировки были брошены силы ЧК, милиции и внутренних войск. В транспортных ЧК по предложению Феликса Эдмундовича были введены должности уполномоченных по борьбе с хищениями топливных грузов. По просьбе Ф. Э. Дзержинского главком Вооруженными Силами Республики С. С. Каменев выделил общеармейские воинские части, которые брали под усиленную охрану шахты, склады, станции и топливные эшелоны.

Наряду с мерами принуждения, которые были необходимы в создавшейся чрезвычайной обстановке, Ф. Э. Дзержинский предложил широко использовать средства материальной заинтересованности шахтеров и крестьян в деле добычи и транспортировки топлива. Им, в частности, была направлена в Бахмут, на имя председателя Донецкой губчека К. М. Карлсона, телеграмма, в которой предлагалось принять необходимые меры для изыскания предметов для премирования рабочих и крестьян, отличившихся при добыче и перевозке угля [9, ф. 1, оп. 2, д. 417, л. 5—5 об.].

В связи с введением в Донбассе натурального премирования рабочих повысилась производительность труда, лучше стали работать забойщики. На Софиевском руднике, например, производительность труда забойщика увеличилась в марте по сравнению с февралем на 10 % [7, 1921, 11 марта]. Постепенно стала повышаться производительность труда и на других шахтах. Добыча угля за февраль в Донецком бассейне составила 29 млн. пудов. Часть кустов Юзовского, Центрального и весь Гришин-

ский район превысили плановые задания по добыче угля [6, 1921, 11 марта]. Количество действующих шахт к марту 1921 г. значительно возросло. Кривая добычи поднималась вверх. Ежедневно из Донецкого угольного бассейна отправлялись ударные маршруты с топливом [5, с. 66]. Битва за возрождение всероссийской кочегарки была выиграна. И в этом огромная заслуга принадлежит Ф. Э. Дзержинскому — председателю Центральной чрезвычайной комиссии по топливу.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Зархий С. Нарком-путь Ф. Дзержинский. Изд. 2-е. М., 1979. 287 с. 3. Известия ВЦИК. 4. Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг. Сб. документов. М., 1958. 428 с. 5. Куварзин А. И. Дорогами нескончаемых битв. К., 1982. 158 с. 6. Коммунист (Харьков). Орган ЦК КП(б)У. 7. Стенная газета УКРРОСТА (Харьков). 8. Хромов С. С. Ф. Э. Дзержинский на хозяйственном фронте. 1921—1926 гг. М., 1977. 340 с. 9. ЦГАОР УССР.

Поступила в редколлегию 19.01.85.

Е. В. ЧВЯЛЕВА

Свердловск

ПРЕДМЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Юридическая квалификация — это правовая оценка конкретной жизненной ситуации (совокупности фактических обстоятельств), которая осуществляется путем сопоставления фактических обстоятельств с определенными нормами права. В соответствии с теорией ценностей структура оценочного суждения включает в себя четыре элемента: субъект, предмет, основание и характер оценки [2, с. 13]. Рассмотрим один из элементов структуры юридической квалификации (или оценки) — ее предмет.

В качестве предмета юридической квалификации, т. е. объекта, который подвергается оценке, выступает конкретный жизненный случай, отнесенный в процессе квалификации к определенному виду юридических фактов. В научной литературе основное внимание уделяется вопросам квалификации правонарушений (преступления или проступка) [4]. Однако юридической оценке подвергаются не только правонарушения — ее предметом могут быть правомерные действия (юридический поступок или индивидуальный акт) и события [5, с. 59].

Так, администрация предприятия оценивает выполнение каких-либо дополнительных функций рабочим помимо основной трудовой функции (юридический поступок) как совмещение профессий, что в соответствии со ст. 87 КЗоТ РСФСР является

основанием для установления доплаты за совмещение профессий. Юридическая квалификация может касаться и иных поступков, порождающих различные правовые последствия. Например, в случае установления отцовства оказание ответчиком систематической помощи в содержании ребенка квалифицируется судом как совместное содержание ребенка матерью и ответчиком, т. е. обстоятельством, подтверждающим признание отцовства [7, с. 241]. В качестве предмета правовой оценки могут быть рассмотрены индивидуальные акты. При решении в суде дела о возмещении убытков вследствие допущенного ухудшения нанятого имущества как договор имущественного найма оцениваются действия, направленные на установление отношений по поводу найма имущества. Любые действия наследников по управлению, распоряжению и пользованию наследственным имуществом квалифицируются с учетом правовых норм как принятие наследства (односторонняя сделка) [8, 1974, № 6, с. 3—8].

Юридической квалификации подлежат и факты-события. С точки зрения права такое чрезвычайное событие, как наводнение, может быть оценено в качестве непреодолимой силы и рассматриваться основанием освобождения от ответственности за неисполнение обязанности по договору перевозки. В соответствии с Правилами страхования от несчастных случаев частичная утрата общей трудоспособности в результате травмы может быть признана страховым случаем, т. е. фактом, с которым законодатель связывает выплату страхового возмещения. Повреждение имущества вследствие пожара может квалифицироваться как случайная порча вещей и иметь правопрепятствующее значение для возложения ответственности за повреждение имущества на каких-либо лиц.

Общепринято, что юридическая квалификация касается только фактов прошлого времени. Это объясняется распространенным утверждением о том, что правонарушение — единственный предмет юридической квалификации. Однако правовой оценке подвергаются факты и прошлого, и настоящего.

В некоторых случаях требуется юридическая квалификация фактов будущего (перспективная оценка). Если предстоящие работы превышают установленную продолжительность рабочего времени, администрация предприятия оценивает такие работы как сверхурочные. С учетом такой перспективной оценки администрация обращается к профсоюзному комитету за разрешением на производство сверхурочных работ. Такие будущие действия, как выплата денежных сумм в пользу конкретного лица или передача вещей в собственность, могут быть предметом юридической квалификации и оцениваться как завещательный отказ, т. е. фактом порождающего значения для исполнения указанных действий.

Для квалификации конкретной ситуации в целом необходимо оценить на основании норм права весь комплекс фактиче-

ских обстоятельств, т. е. каждый структурный элемент юридического факта. Поэтому предметом правовой оценки может выступать как юридический факт, так и отдельные его элементы [1, с. 174; 3, с. 57].

Идеальную модель юридического факта и его элементов дает юридическая конструкция, находящая свое воплощение в законодательстве [6, с. 13]. К ним относятся составы правомерного поведения; составы преступлений, незаконных сделок, других правонарушений, а также конструкции сложной и смешанной вины и т. д. При структурно-системном анализе в противоправном и в правомерном поведении выделяют объективную сторону (деяние, место, способ, время, результат и т. п.), субъективную сторону (цель, мотив, степень осознания и предвидения последствий, характер волевого отношения к ним), субъекта и объекта такого поведения. Юридическая квалификация может касаться различных содержательных элементов этого сложного по конструкции юридического факта, например: субъекта, цели, предмета, результата деяния и т. д.

Как должностное лицо оценивается субъект, постоянно или временно осуществляющий функции представителя власти, а также занимающий должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций. Данная правовая оценка необходима для рассмотрения действий субъекта в качестве должностного преступления.

Предметом юридической квалификации могут быть и иные структурные элементы сложного юридического факта: мотивы, отдельные стороны деяния, способ его совершения, место, время и т. д. Прежде чем дать правовую оценку юридическому факту в целом, необходимо квалифицировать все его структурные элементы. Поэтому задачей любого лица, производящего правовую оценку, является точное установление объектов, которые подвергаются юридической квалификации. Знание конкретных видов юридических конструкций составов фактов, имеющих правовое значение, и их основных элементов позволяет избежать неправильной юридической квалификации.

Предметом юридической квалификации могут быть решения правоприменительных органов. В соответствии со ст. 301 УПК РСФСР приговор суда может квалифицироваться как законный и обоснованный. Законным считается приговор, вынесенный в соответствии с нормами уголовного права и с соблюдением требований уголовно-процессуального закона. Обоснованным признается приговор, который установил объективную истину по делу. Суд кассационной инстанции имеет право отменить приговор, если оценит его как незаконный и необоснованный. Такая правовая оценка может быть дана другим решениям суда (определениям кассационной инстанции, постановлениям

суда надзорной инстанции, решениям суда по гражданским делам и т. д.), иным правоприменительным актам.

Вышеизложенное позволяет сделать такие выводы. Во-первых, предметом юридической квалификации (или правовой оценки) являются не только правонарушения, но и правомерные действия и события. Во-вторых, юридическая квалификация необходима как в отношении совершившихся фактов, так и фактов настоящего и будущего времени. В-третьих, правовой оценке подвергается юридический факт в целом, а также его отдельные структурные элементы. Наконец, предметом юридической квалификации могут быть и акты правоприменительных органов.

Список литературы: 1. *Александров Н. Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955. 157 с. 2. *Ивин А. Н.* Основания логики оценок. М., 1970. 110 с. 3. *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. 209 с. 4. *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступлений. М., 1978. 352 с. 5. *Черданцев А. Ф.* Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. 190 с. 6. *Черданцев А. Ф.* Юридические конструкции, их роль в науке и практике. — *Правоведение*, 1972, № 3, с. 11—16. 7. *Сборник постановлений Пленума Верховн. Суда СССР. 1924—1977 гг.:* В 2-х ч. М., 1978. Ч. 1. 470 с. 8. *Бюл. Верховн. Суда РСФСР.*

Поступила в редколлегию 19.01.85.

В. Н. КОРНЕВ

Ворошиловград

О ТЕОРИИ «ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА» В ЕЕ РОССИЙСКОМ ВАРИАНТЕ

Теория «правового государства», возникнув в период зарождения буржуазных отношений в Западной Европе, до сих пор является одной из ведущих доктрин буржуазной политико-правовой идеологии. Новая эпоха наложила на нее свой отпечаток. Стал очевидным отход от формально-юридической трактовки ее положений [2, с. 52]. Отметим, что теория «правового государства» используется нашими классовыми противниками в антикоммунистических и антисоветских целях [8, с. 256]. Пытаясь представить Россию периода 1905 г. своего рода «правовым государством», идущим по пути демократизации, они осуждают революции 1917 г. [4, с. 103]. Эти мысли заимствованы из идеологического арсенала буржуазной юридической науки России периода 1905—1917 гг., представители которой (Н. И. Лазаревский, С. А. Котляревский и др.), испытывая страх перед революционным движением рабочего класса и крестьянства, вынуж-

дены были квалифицировать Манифест 17 октября 1905 г. и Основные законы Российской империи как этап к установлению «правового государства». Идея конституционализма, развитая ими на основе трактовки Основных законов, — своеобразная модификация теории «правового государства» на российской почве.

Основной тезис теории «правового государства» о господстве права над государственной властью был использован буржуазно-либеральной наукой России домонополистического капитализма для идеологического обоснования конституционного ограничения власти императора представительным органом. В теории приходилось считаться с наличием сильной монархической власти, что порождало различные подходы к решению вопроса о прерогативах монарха в будущем представительном органе. Правый фланг буржуазно-либеральной правовой мысли ратовал за закрепление за ним законодательной функции, левый — законосовещательной. С момента обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. и октроирования Основных законов перед буржуазными юристами встала задача оценить сквозь призму «правового государства» государственный строй России, соотнести идеал с его практическим воплощением. Обращаясь к нормам Основных законов, либералы были вынуждены констатировать сильно выраженное в них монархическое начало, сохранение за народным представительством ведомственного характера [5, с. 75]. Однако не в их классовых интересах было разъяснять ограниченность полномочий народного представительства. Либералы не решились и на открытое осуждение акта царя от 3 июня 1907 г., ограничившись констатацией его юридического несоответствия Основным законам [5, с. 213]. Буржуазные юристы в процессе анализа Основных законов, выдавая желаемое за действительное, создавали иллюзии о конституционном правлении в России, об определенной степени связанности монарха правом, о разделении между монархом и представительным органом законодательной деятельности. Исходя из положения «монарх — один из органов власти», Н. И. Лазаревский утверждал, что законодательная власть не осуществляется одним императором и по смыслу Основных законов стоит выше власти монарха [6, с. 123].

Для доказательства позитивных изменений в государственном строе России в сторону «правового государства» буржуазные либералы прибегали к соглашательскому «прочтению» терминов «самодержавие» и «неограниченный», которые содержались в Основных законах. Государствоведы дореволюционной России считали употребление этих терминов несущественным фактом и требовали раскрытия их юридического содержания через толкование норм Основных законов. Н. И. Лазаревский утверждал, что слово «самодержавие», как и слово «неограни-

ченный» не может служить основой для юридической конструкции государственного строя: «...совершенно безразлично, называется ли власть Государя самодержавной или не называется. Не слова, употребленные законом, важны, а важно то реальное содержание, которое законы в них вкладывают» [7, с. 168]. Употребляемый в Основных законах термин «неограниченный» Н. И. Лазаревский трактовал как неограниченную власть только по отношению к членам императорской фамилии, но никак не в отношении к подвластным.

Концепция «господства права» в России включала буржуазную идею конституционализма в ее российском варианте: квалификация монарха как одного из органов власти, признание ограниченности прав народного представительства, органическое единство законодательной и исполнительной власти, а не их разделение и равновесие. В конституционной теории и практике это соответствовало дуалистической монархии.

Теоретические выкладки буржуазных юристов не имели под собой реальной почвы в политико-правовой действительности России. Несостоятельность выводов буржуазных юристов о России периода 1905—1917 гг. как своеобразном этапе на пути к классическому «правовому государству» наиболее очевидна в свете ленинской оценки формы правления в России. Опровергая кадетскую концепцию о превращении России в конституционную монархию, В. И. Ленин писал, что в России «...нет конституции, а есть только конституционное самодержавие» и что «единственным возможным способом удержать самодержавие становится «конституционное самодержавие...» [1, т. 12, с. 305—306]. «Конституционное самодержавие» следует понимать как синоним слова «самодержавие». Определяющей функцией политики этого периода в истории русского самодержавия были дальнейшая бюрократизация аппарата власти и маскировка абсолютистской формы правления, а не конституция и конституционализм [3, с. 101]. Россия 1905—1917 гг. шла не по пути эволюции в сторону буржуазной демократизации, как этого желали русские либералы и их классовые единомышленники за рубежом, а, наоборот, по пути укрепления самодержавной власти.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Буржуазная государственная идеология. Пер. с нем. М., 1982. 240 с. 3. Гальперин Г. Б. Конституционные опыты царского самодержавия в первой русской революции 1905—1907 гг. — Вестн. Ленингр. ун-та: Экономика, философия, право, 1982, № 23, вып. 4, с. 96—103. 4. Давидович А. М. Политический лагерь либеральной буржуазии и царское самодержавие в эпоху империализма. — В кн.: Проблемы истории государства, права и политических учений. М., 1974, с. 103—128. 5. Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912. 217 с. 6. Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Спб., 1910. Т. 2. 276 с. 7. Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Конституционное право. Пг., 1917. Т. 1. 272 с. 8. Лукьянов А. И., Денисов Г. И., Кузьмин Э. Д. и др. Советская Конституция и мифы советологов. М., 1981. 270 с.

Поступила в редколлегию 03.07.84.

**НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА
ЛЕСОВ В СССР**

Леса — важнейшая составная часть природных богатств СССР — являются источником удовлетворения потребностей страны в древесине и другой лесной продукции. Велико их экологическое значение. Лес как природный объект характеризуется возобновимостью и воспроизводством. Возобновимые — это леса, которые восстанавливаются естественно в ходе природных процессов. Воспроизводимые — леса, возникающие в процессе хозяйственной деятельности людей. Воспроизводимость осуществляется в двух основных формах: лесовосстановление и лесоразведение (ст. 31 Лесного кодекса УССР. Решениями XXVII съезда КПСС предписано значительно улучшить воспроизводство лесных ресурсов, увеличить объемы работ по защитному лесоразведению и облесению пастбищ в пустынных и полупустынных районах, интенсивнее развивать в Европейско-Уральской зоне постоянную сырьевую базу для целлюлозно-бумажной промышленности [1, 1986, 9 марта]. Данные предписания в основном выполняются. Так, например, в указанной зоне на 13 тысячах гектаров уже заложены специальные плантации для выращивания саженцев [5, 1985, 9 сент.]. Однако имеются еще и существенные недостатки, на которые было указано в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 августа 1984 г. «Об улучшении использования лесосырьевых ресурсов» [2, 1984, п. 31, ст. 177].

В связи с осуществлением воспроизводства лесов в СССР возникает ряд правовых вопросов, имеющих теоретическое и практическое значение. В частности, в каком соотношении находится воспроизводство лесов с правом собственности государства на лесные ресурсы и правом пользования ими; представляет ли собой деятельность соответствующих организаций по восстановлению лесов или же их разведению субъективное право этих организаций или юридическую обязанность. От правильного понимания поставленных вопросов зависит правильное решение и некоторых других вопросов. В таком аспекте указанные вопросы в литературе не рассматривались.

В ст. 3 Основ лесного законодательства закреплено, что леса в СССР состоят в исключительной собственности государства и предоставляются только в пользование. Содержание права собственности государства на леса в Основах не раскрывается. Общеизвестно, что в содержание права собственности

входят правомочия собственника. В ст. 19 Основ гражданского законодательства сказано, что собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения имуществом в пределах, установленных законом. Такие правомочия собственника приемлемы и к праву собственности на леса. Несомненно, что здесь должны учитываться определенные особенности при осуществлении государством своих правомочий, поскольку лесные ресурсы изъяты из гражданского оборота и развиваются по законам природы. Однако в литературе имеется мнение, согласно которому в содержание права собственности на природные ресурсы входит также и управление ими. Но управление природными ресурсами выходит за пределы права собственности. Возникает вопрос: можно ли право воспроизводства лесов включить в содержание права собственности в качестве самостоятельного правомочия, учитывая то, что право собственности относится к сложному субъективному праву? Анализ сущности воспроизводства лесов и лесного законодательства по данному вопросу приводит к выводу о том, что правомочие воспроизводства лесов выходит за пределы содержания права собственности на леса. Лесопосадка — это процесс ведения лесного хозяйства, создания искусственным образом лесного ресурса как объекта будущего права собственности государства на этот природный ресурс. Воспроизводственный процесс лесов, на наш взгляд, следует рассматривать как основание возникновения у государства права собственности на созданный лес в порядке восстановления и лесоразведения. Пока нет леса в вещественном его понимании, не возникает и право собственности на этот природный ресурс. Плантации молодняка, предназначенного для воспроизводства леса, не являются лесом в прямом смысле слова. Как сказано в ст. 43 Основ земельного законодательства, землями государственного лесного фонда признаются земли, покрытые лесом, а также не покрытые лесом, но предназначенные для нужд лесного хозяйства. Следовательно, лесная площадь состоит из двух видов указанных земельных массивов. Однако в общую площадь лесного фонда входит так называемая нелесная площадь, находящаяся под контролем и лесных органов и не предназначенная для леса (усадыбы, дороги и др.). Когда на землях, предназначенных для нужд лесного хозяйства, нет леса, у государства имеется лишь право собственности на землю. Хотя право воспроизводства лесов и не входит в содержание права собственности на леса, тем не менее эти два самостоятельных права тесно взаимосвязаны между собой. В Преамбуле Основ лесного законодательства сказано, что государственная собственность на леса в СССР — основа лесных отношений, т. е. отношений в области использования, воспроизводства и охраны лесов, главная предпосылка рационального ведения лесного хозяйства. Изложенное позволяет заключить, что право воспроизводства лесов является самостоятельным субъективным правом

государства и соответствующих лесохозяйственных и иных организаций. Об этом говорит и тот факт, что в Основах лесного законодательства и в лесных кодексах союзных республик имеется специальный раздел, содержащий нормы права о воспроизводстве лесов.

Отметим, что воспроизводство лесов — не только право соответствующих организаций, но и их юридическая обязанность. Субъективное право — это принадлежащая управомоченному лицу в целях удовлетворения его интересов мера дозволенного поведения [3, с. 114]. Правомочия, входящие в состав субъективного права, могут быть трех основных видов: право требования, право на положительные действия, право притязания. В соответствии со ст. 117 Лесного кодекса УССР государственные лесохозяйственные организации, а также иные предприятия на основании планов экономического и социального развития вправе осуществлять на соответствующих площадях лесовосстановление и лесоразведение установленными способами. Это означает, что указанные организации имеют право требовать от специализированных предприятий доставки им лесопосадочного материала, семян лесных культур и др. Вместе с тем воспроизводство лесов — это и юридическая обязанность определенных организаций, поскольку она предписана государственными планами экономического и социального развития. Юридическая обязанность — это предписанная обязанному лицу мера необходимого поведения, которой лицо должно следовать в соответствии с требованиями управомоченного в целях удовлетворения его интересов [8, с. 46]. Юридическая обязанность характеризуется безусловностью и категоричностью. В содержание юридической обязанности включается властный императив — безусловное требование следовать предписанному поведению. Этим и обусловлено обеспечение поведения мерами государственно-принудительного воздействия в виде санкций, которые являются необходимым свойством юридической обязанности.

В литературе справедливо отмечается, что воспроизводство лесов — не лесопользование, а лишь создание объекта будущего лесопользования путем лесохозяйственного использования земли [6, с. 42]. Данный вывод вытекает из анализа лесного законодательства. В частности, в ст. 51 Лесного кодекса УССР воспроизводство леса не рассматривается как вид лесных пользований, не входит это действие и в круг прав лесопользователей (ст. 92 ЛК УССР) и в круг обязанностей лесопользователей (ст. 95 ЛК УССР). Следовательно, воспроизводство леса и правовое регулирование этого процесса — самостоятельная правовая категория. На не покрытых лесом землях соответствующая лесохозяйственная организация может осуществлять только самостоятельное право землепользования [7, с. 134]. Необходимо четкое разграничение права лесопользования и права землепользования. Когда, например, организация готовит зе-

мельный участок под лесопосадки (вспашка, внесение удобрений, мелиорирование и др.), то здесь преимущественно действует право землепользования, обеспечивающее рациональное использование земли. Вместе с тем одновременно возникает первая стадия воспроизводственного процесса лесоразведения, которую можно рассматривать как предпосылку возникновения лесных отношений в сфере воспроизводства леса. Посадка саженцев на земельном участке, уход за ними, выращивание их до определенной зрелости характеризует уже процесс воспроизводства леса. На данной стадии не возникает право лесопользования, поскольку к лесным пользованиям относятся: заготовка древесины, живицы, второстепенных лесных материалов, побочные лесные пользования, пользование лесом в научно-исследовательских, культурно-оздоровительных целях, а также пользование лесом для нужд охотничьего хозяйства (ст. 51 ЛК УССР). Воспроизводство лесов — самостоятельная часть деятельности соответствующих организаций по ведению лесного хозяйства в СССР (ст. 22 ЛК УССР). Право лесопользования может возникнуть только при наличии оснований и целей, перечисленных в ст. 51 ЛК УССР.

Таким образом, правовые нормы, обеспечивающие восстановление лесов и лесоразведение, образуют в совокупности правовой институт воспроизводства лесов. В природоресурсовой литературе отмечается, что правовой институт — это определенная взаимосвязанная система правовых норм с общими для них принципами, регулирующих однородные общественные отношения и представляющих собой самостоятельную обособленную группу внутри отрасли права [4, с. 145]. Каждый правовой институт обеспечивает самостоятельное регулятивное воздействие на определенный участок отношений. Правовой институт воспроизводства лесов соответствует всем изложенным положениям. Обособление правового регулирования воспроизводства лесов в самостоятельный правовой институт имеет большое практическое значение, поскольку применение норм права этого института характеризуется специфическими чертами, присущими данному институту.

Список литературы: 1. *Правда*. 2. *СП СССР*. 3. *Алексеев С. С.* Общая теория права: В 2-х т. М., 1982, Т. 2. 359 с. 4. *Земельное право: Общая теория советского земельного права*/Под. ред. Г. А. Аксененка и др. М., 1983. 357 с. 5. *Сельская жизнь*. 6. *Краснов Н. И.* Новое советское лесное законодательство. — Сов. гос-во и право, 1978, № 7, с. 37—46. 7. *Краснов О. И.* Право пользования землями государственного лесного фонда. — Сов. гос-во и право, 1978, № 2, с. 131—134. 8. *Толстой Ю. К.* К теории правоотношения. Л., 1959. 158 с.

Поступила в редколлегию 28.03.84.

О НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ОБЪЕКТЕ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

Основным непосредственным объектом вымогательства традиционно признается собственность: социалистическая и личная либо только личная в зависимости от того, как решается этот вопрос в УК союзной республики. Это предопределяет отнесение вымогательства к так называемым имущественным преступлениям.

Вымогательство является полиобъектным преступлением, так как причиняет ущерб не только общественным отношениям собственности, но и другим отношениям, именуемым дополнительным непосредственным объектом. В теории по данному вопросу отсутствует единое мнение. Высказанные на этот счет точки зрения можно свести к следующим: дополнительным объектом вымогательства являются жизнь, здоровье, свобода, честь, достоинство и неприкосновенность личности [1, с. 107]; объектом насильственных преступлений, совершаемых путем психического насилия, куда, несомненно, относится и вымогательство, являются общественная безопасность [7, с. 120] или общественный порядок [6, с. 463]; объектом этих преступлений является личная безопасность [3, с. 54; 2, с. 89].

Обращаясь к этим высказываниям, следует, прежде всего, отметить, что жизнь, здоровье, свобода, честь и достоинство личности не могут быть объектом вымогательства, поскольку в момент его совершения им не причиняется вред и не создается опасность его причинения. Преступник в момент угрозы насилием не имеет намерения реализовать эту угрозу немедленно. Если такое намерение у него есть, то его деяние — покушение на соответствующее преступление против личности, а не вымогательство. Здесь возможно возражение, что применяемая угроза жизни, здоровью, свободе и другим благам личности может стать реальной с момента невыполнения потерпевшим имущественных требований вымогателя. Однако это возражение легко опровергается тем, что вымогательство считается окончанным преступлением с самого момента применения угрозы насилием. Если затем такая угроза и возникает и даже будет реализована (например, вымогатель ввиду отказа потерпевшего удовлетворить его требования осуществляет высказанную ранее угрозу), то такие действия находятся за пределами состава вымогательства.

Не могут выступать непосредственным объектом вымогательства и такие социальные ценности, как общественный порядок

и общественная безопасность, так как в результате совершения этого преступления ни одному из них непосредственный вред не причиняется.

Представляется, что непосредственным объектом вымогательства наряду с собственностью следует считать личную безопасность.

Понятием «личная безопасность» уголовно-правовая наука оперирует давно, однако четкого его определения пока еще не выработано. Это объясняется тем, что интенсивные разработки самого учения об объекте преступления начались лишь в последние годы. Именно в контексте этого учения возможно познать сущность личной безопасности. Кроме того, в правовой науке само понятие «безопасность» относится к числу трудноподдающихся точному обозначению [5, с. 5].

Перспективна, как представляется, попытка определения личной безопасности через понятие неприкосновенности личности, которое, как отмечалось выше, иногда называется в качестве одного из непосредственных объектов вымогательства, что, на наш взгляд, не совсем точно. Во-первых, неприкосновенность как несомненное благо личности — одно из необходимых условий ее существования и социального функционирования — не может проявлять себя иначе, как в определенных общественных отношениях, которые только и могут быть объектом преступления. Во-вторых, неприкосновенность личности является сложным, многоуровневым социальным образованием, включающим в себя физический (телесный), моральный и психический уровень.

Нарушение физической неприкосновенности, результатом которого может быть смерть потерпевшего, причинение ему телесных повреждений и т. д., или моральной неприкосновенности, результатом которого является унижение чести и достоинства, выходит за пределы состава вымогательства. Признаками данного преступления охватывается лишь нарушение уровня психической неприкосновенности.

Сущность общественных отношений, складывающихся по поводу психической неприкосновенности личности, состоит в недопустимости вмешательства в психическую сферу ее жизнедеятельности, способного потенциально причинить смерть, телесное повреждение, ограничение свободы, унижение чести и достоинства. Тем самым обеспечивается такое состояние личности, которое свободно от внешней опасности. Трактующие таким образом общественные отношения по своему содержанию являются ни чем иным, как личной безопасностью. Проявляются они в реальной действительности как психическая неприкосновенность личности, которая при более глубоком рассмотрении оказывается лишь предметом этих общественных отношений, их выразителем.

Не менее важным, чем установление круга общественных отношений, являющихся непосредственным объектом вымогательства, является и вопрос об определении субординации данных отношений, т. е. установление основного и дополнительного объектов вымогательства. Вопреки господствующему мнению, что основным непосредственным объектом этого преступления является собственность, думается, есть все основания считать таковым личную безопасность.

Аргументы в пользу такого вывода сводятся к следующему. Во-первых, личная безопасность — более ценный объект, чем личная собственность. Ценность личной безопасности состоит в том, что она обеспечивает такие личностные блага, как жизнь, здоровье, свободу, честь и достоинство, которые сами являются абсолютными ценностями и нормально функционировать могут только в безопасных условиях. В этом смысле личная безопасность как ничем незаменимое условие нормального функционирования важнейших личностных благ также является абсолютной ценностью.

Ценность личной собственности в социалистическом обществе продолжает оставаться значительной. Личная собственность — предпосылка личного потребления, а следовательно, и «воспроизводства самой жизни» [8, с. 67]. Однако в отличие от личной безопасности ценность личной собственности носит относительный характер вследствие того, что личная собственность все больше заменяется общественными формами потребления. Личные потребности при социализме все больше удовлетворяются за счет той части совокупного общественного продукта, которая поступает в личное потребление на льготных условиях или бесплатно из общественных фондов потребления и независимо от трудового вклада в общественное производство [4, с. 75—76].

Во-вторых, личная безопасность как объект вымогательства всегда терпит реальный вред от этого преступления, чего нельзя сказать о личной собственности, которой зачастую даже не создается и опасность причинения такого вреда. Это характерно для случаев вымогательства предметов, изъятых из гражданского оборота, или, например, вещей, добытых преступным путем. Не создается опасности причинения вреда личной собственности и при вымогательстве имущества, которым потерпевший еще не владеет, а лишь может получить в будущем (например, унаследовать и т. п.).

В-третьих, именно личная безопасность определяет характер вымогательства как преступления, совершаемого путем угрозы, т. е. психического насилия над личностью.

Отношения же собственности выступают в качестве дополнительного объекта вымогательства, установление которого способствует правильной квалификации и отграничению его от иных насильственных преступлений.

Если исходить из общепризнанного мнения о том, что основной непосредственный объект преступления определяет место конкретной уголовно-правовой нормы в системе Особенной части УК, то отнесение вымогательства к преступлениям против собственности необосновано. Думается, следует согласиться с мнением Н. И. Коржанского о том, что «вымогательство следовало бы отнести к главе о преступлениях против личности» [3, с. 81]. Статью об ответственности за вымогательство целесообразно было бы поместить в главе III Особенной части УК УССР вслед за статьей об ответственности за угрозу убийством (ст. 100 УК УССР). Такое положение в большей мере отразило бы социально-юридическую природу вымогательства, характер его общественной опасности.

Список литературы: 1. *Владимиров В. А.* Квалификация похищений личного имущества. М., 1974. 208 с. 2. *Гаухман Л. Д.* Проблемы уголовно-правовой борьбы с насильственными преступлениями в СССР. Саратов, 1981. 160 с. 3. *Коржанский Н. И.* Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. 248 с. 4. *Кошелев А. Я.* Личная собственность в социалистическом обществе. М., 1963. 176 с. 5. *Скакунов Э. И.* Международно-правовые гарантии безопасности государств. М., 1983. 191 с. 6. *Советское уголовное право. Часть Особенная.* М., 1973. 576 с. 7. *Сухарев Е. А., Соколов Д. И.* Ответственность за угрозу причинением тяжкого вреда. — Труды ВСШ МВД СССР, Волгоград, 1972, вып. 6, с. 118—131. 8. *Маслов В. Ф.* Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. Х., 1968. 320 с.

Поступила в редколлегию 26.10.84.

Н. В. СИБИЛЕВА

Харьков

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Факты и обстоятельства, предусмотренные ст. 15 Основ уголовного судопроизводства, устанавливаются только при помощи доказательств. Согласно ст. 16 Основ (ст. 65 УПК УССР), доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке орган дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Такие данные устанавливаются показаниями свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, заключением эксперта, протоколами следственных и судебных действий, иными документами.

Данная правовая норма содержит требования, предъявляемые к доказательствам, а именно: фактические данные могут быть получены лишь из установленных в законе источников; в предусмотренном законом порядке; фактические данные должны устанавливать факты и обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Последнее свойство в научной литературе получило название относимости доказательств. Такое же свойство доказательств, как соответствие их требованиям уголовно-процессуального закона, в теории доказательственного права охватывается понятием допустимости доказательств. Однако в определении понятия допустимости единое мнение в литературе отсутствует, что обусловлено различными взглядами на понятие «доказательства».

Ряд авторов понимают под доказательствами лишь фактические данные, исключая из этого понятия источники получения таких данных [4, с. 99]. Другие исходят из двойственного понимания доказательств, при котором доказательствами признаются как фактические данные, так и источники сведений о них [2, с. 288—289]. Некоторые авторы определяют доказательства как единство фактических данных и источников сведений о них [3, с. 228; 1, с. 118]. На наш взгляд, наиболее верной является последняя точка зрения.

Два первых взгляда на доказательства, при всем их различии, имеют, по нашему мнению, общий недостаток: фактические данные и их источники рассматриваются изолированно, в то время как в реальной действительности они находятся в теснейшей взаимосвязи и отдельно существовать не могут. В правильности толкования доказательств как единства фактических данных и их источников убеждает и анализ статей Уголовно-процессуального кодекса (ст. 43, 49—51, 66—67, 223, 261, 334 УПК УССР, соответствующих статей союзных республик).

Кроме того, понимание доказательств только как фактических данных затрудняет решение вопроса о допустимости доказательства, если оно закреплено непредусмотренным законом способом или при производстве следственного действия допущено существенное нарушение требований уголовно-процессуальной формы. «Под допустимостью источника доказательств следует понимать признанную законодателем пригодность данного источника служить средством процессуального доказывания» [4, с. 130].

Из определения видно, что требование допустимости сводится лишь к источнику фактических данных. Учитывая это обстоятельство и то, что законодателем дан исчерпывающий перечень источников фактических данных, такой сложный мыслительный процесс, как оценка допустимости доказательства, в таком случае будет сводиться лишь к решению вопроса: предусмотрен или непредусмотрен данный источник законодателем. Такое ограниченное применение требований допустимости пред-

ставляется необоснованным. Орган дознания, следователь, суд, оценивая доказательства с точки зрения их допустимости, должны решить вопрос о возможности использования в доказывании как источника фактических данных, так и процессуальных способов представления и закрепления их, условий, в которых осуществлялась эта деятельность, и используемых при этом приемов. В этой связи более убедительной, на наш взгляд, является точка зрения П. С. Элькинд и Г. М. Миньковского, понимающих под допустимостью доказательства его соответствие требованиям процессуального закона относительно источника, условий, способов получения и процессуального закрепления фактических данных [3, с. 268; 5, с. 103]. Такое определение понятия допустимости наиболее полно соответствует природе доказательств. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на терминологическую неточность. Поскольку фактические данные могут быть признаны доказательствами только тогда, когда они получены с соблюдением перечисленных выше требований, то фактические данные, полученные из непредусмотренных законом источников либо с существенным нарушением процессуального порядка их представления и закрепления, вообще не могут быть доказательствами. Следовательно, допустимыми являются не доказательства, а источники фактических данных, способы их представления и закрепления. Таким образом, под допустимостью следует понимать признанную законодателем возможность использования источника фактических данных, способов и условий из закрепления с целью формирования доказательств. В соответствии с данным определением с учетом требований допустимости оцениваются:

- а) правомерность источника фактических данных;
- б) правомерность способа закрепления фактических данных;
- в) соблюдение требований уголовно-процессуального закона при производстве следственных действий.

Источник фактических данных включает в себя, во-первых, носителя информации (субъект, предмет), во-вторых, способ передачи информации (вербальный либо выраженный в физических признаках). Способ передачи информации, в свою очередь, определяет способ ее запечатления: вербальному способу соответствует рукописное или машинописное протоколирование, звукозапись, стенографирование; физические признаки запечатляются путем изготовления диапозитивов, слепков, оттисков, фото и киносъемки, а также описанием.

Возможность использования субъекта в качестве носителя информации в законе решена достаточно полно. Так, закон предусматривает, что носителями информации в уголовном деле могут быть подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель и эксперт. Перечень является исчерпывающим, поэтому получение фактических данных из непредусмотренного законом источника влечет недопустимость этого источника.

Нарушения, связанные с процессуальными способами представления и закрепления фактических данных, по своим последствиям неоднозначны. В ст. 370 УПК УССР дано общее понятие нарушений уголовно-процессуального закона, которые могут быть признаны *существенными*. Это такие нарушения, которые ограничили осужденного в осуществлении его права на защиту или ограничили права потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, или иначе препятствовали или могли воспрепятствовать суду объективно, полно и всесторонне рассмотреть дело и вынести законный и обоснованный приговор. Признание же конкретного нарушения уголовно-процессуального закона существенным или несущественным зависит от обстоятельств дела.

Закон предусматривает различные способы представления фактических данных: производство ревизий, истребование необходимых документов, предметов, получение соответствующих объяснений, представление материалов, имеющих доказательственное значение, участниками процесса и другими лицами. По нашему мнению, перечень способов представления фактических данных не должен быть исчерпывающим, поскольку законодатель не может всех их предусмотреть. Поэтому представление фактических данных способом, не предусмотренным в законе, не должно препятствовать допущению их в процесс.

Закрепление фактических данных осуществляется посредством производства следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальными кодексами союзных республик, которые детально регламентируют правовые основания производства того или иного следственного действия; круг лиц, участвующих в следственном действии, их права и обязанности; гарантии прав и законных интересов участников следственных действий.

Условия формирования доказательств — это совокупность приемов и средств, способствующих эффективному и целенаправленному закреплению доказательств. Приемы и средства, избираемые следователем в зависимости от особенностей следственной ситуации, основываются на достижениях криминалистической техники и тактики. Некоторые из них детально регламентированы законом (ст. 85¹, 85², 128¹, 143, 167, 173, 174 УПК УССР), другие не закреплены в нем, но находятся в соответствии с требованиями ст. 14 Основ, запрещающей домогаться показаний обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем насилия, угроз, иных незаконных мер.

Очевидно, что законодатель при таком множестве возможных нарушений способов и условий закрепления и представления фактических данных не в состоянии предусмотреть правовые последствия каждого из них в законе. Представляется, что необходима разработка научно обоснованных критериев допустимости, позволяющих в каждом конкретном случае определить

возможность использования фактических данных, полученных из предусмотренного законом источника в качестве доказательств по уголовному делу.

Какие же факторы должны лежать в основе разработки и законодательного закрепления таких критериев? Если относимость фактических данных есть их внутреннее свойство, находящееся в объективной связи с фактами и обстоятельствами, подлежащими доказыванию, то допустимость источников фактических данных, способов и условий их представления и закрепления определяется «природой, задачами и принципами существующей в стране процессуальной системы, целями доказывания и рядом других моментов, принимаемых во внимание законодателем» [4, с. 130]. Это — гносеологическая позиция законодателя, задача которой — отыскание объективной истины, удостоверительная сторона доказывания, обеспечивающая дополнительную гарантию прав и законных интересов личности в уголовном процессе, уровень достижений научно-технической революции.

Список литературы: 1. *Советский уголовный процесс*/Под ред. М. И. Бажанова, Ю. М. Грошевого. К., 1983. 438 с. 2. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса: В 2-х т. М., 1968. Т.1. 470 с. 3. *Теория доказательств в советском уголовном процессе.* Часть Общая. М., 1966. 583 с. 4. *Фаткуллин Ф. Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. 205 с. 5. *Элькинд П. С.* Относимость и допустимость доказательств. — В кн.: Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. 302 с.

Поступила в редколлегию 10.10.84.

В. А. РОГОЖИН, канд. юрид. наук, Г. Е. ОМЕЛЬЧЕНКО

Киев

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ОБВИНЯЕМЫМ

Меры пресечения — одна из наиболее значительных форм уголовно-процессуального принуждения. Законное, обоснованное и целесообразное решение о применении меры пресечения эффективно содействует быстрому и полному раскрытию преступлений, предупреждению совершения других общественно опасных деяний, обеспечивает неотвратимость ответственности за содеянное и вместе с тем обеспечивает соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних обвиняемых.

К несовершеннолетним обвиняемым, кроме мер пресечения, предусмотренных ст. 33 Основ уголовного судопроизводства, закон предусматривает возможность применения и таких мер пре-

сечения, как передачу под надзор родителей, опекунов или попечителей, а к несовершеннолетним, воспитывающимся в детском учреждении, — передачу их под надзор администрации этого учреждения (ст. 436 УПК УССР).

Целесообразно, на наш взгляд, исходя из функциональных полномочий инспекции по делам несовершеннолетних предусмотреть возможность применения такой меры пресечения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, как передача его под надзор этой инспекции, дополнив в этой части ст. 436 УПК УССР.

При этом несовершеннолетнему обвиняемому необходимо разъяснить его обязанности: он должен сообщить об изменении своего места пребывания, обязан явиться к следователю и в суд по вызову в назначенный срок. Особенность предлагаемой меры пресечения состоит в том, что она может применяться к подросткам, которые отрицательно характеризуются, склонны к совершению правонарушений или состоят на профилактическом учете в инспекции по делам несовершеннолетних.

Высокую эффективность применения такой меры пресечения в отношении несовершеннолетних подтверждает опыт некоторых социалистических стран [5, с. 96]. Например, в НРБ ст. 378 УПК предусматривает меру пресечения — отдачу несовершеннолетнего под надзор инспектора детской комнаты; согласно ст. 235 УПК ПНР, обвиняемого можно передать под надзор гражданской милиции.

Анализ уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних свидетельствуют о том, что следователи в большинстве случаев применяли к несовершеннолетним обвиняемым такую меру пресечения, как подписка о невыезде. Однако каждый третий из этих лиц вновь совершил преступление, многие из них уклонялись от следствия и суда, препятствовали установлению истины по делу, совершили различные правонарушения. Одним из условий, способствовавшим в какой-то мере совершению подростками таких противоправных деяний, явилось избрание следователями данной меры пресечения без учета характера и тяжести совершенного преступления, психических особенностей несовершеннолетнего, а также в результате отсутствия контроля за поведением обвиняемого. Поэтому ориентация следователей на применение к несовершеннолетним обвиняемым (подозреваемым) подписки о невыезде в качестве основной меры пресечения, во многих случаях, на наш взгляд, не оправдана.

В юридической литературе отмечается, что применение к несовершеннолетним такой меры пресечения малоэффективно, так как суть ее ими должным образом не осознается. К этим лицам эффективным будет применение такой меры пресечения, как отдача их под присмотр родителей, опекунов, попечителей, под

надзор администрации детских учреждений, в отношении учащихся — поручительство общественных организаций [2, с. 55].

С учетом анализа следственной и судебной практики, а также современных исследований психологов [3, с. 6, 146—151] представляется целесообразным не применять подписку о невыезде к обвиняемым в возрасте от 14 до 16 лет. Несоввершеннолетним старшего возраста данная мера пресечения может быть избрана лишь в исключительных случаях, когда практически невозможно применение другой меры, не связанной с лишением свободы, и отсутствуют основания для заключения под стражу. В связи с этим в ст. 151 УПК УССР, на наш взгляд, следует внести соответствующие изменения.

В 1920 г. В. И. Ленин в Заметках и поправках к проекту декрета «О суде над несовершеннолетними» обращал внимание на исключительность применения к несовершеннолетним мер, связанных с лишением свободы [1, т. 40, с. 194].

Согласно ст. 434 УПК УССР, заключение несовершеннолетнего под стражу в качестве меры пресечения может применяться лишь в исключительных случаях, когда это вызвано тяжестью совершенного преступления, и при наличии оснований, указанных в ст. 148 и 155 УПК. Однако в законе отсутствуют четко сформулированные критерии исключительности применения ареста.

Анализ судебно-следственной практики свидетельствует, что следователи принимают решение о заключении несовершеннолетних под стражу чаще, чем это обусловлено конкретными обстоятельствами дела. Выборочное изучение уголовных дел показывает, что в отдельных случаях решение о заключении несовершеннолетних под стражу было принято, когда в применении данной меры не было необходимости, а анализ данных о личности несовершеннолетнего, характере и тяжести совершенного им преступления говорит о возможности обеспечить надлежащее поведение несовершеннолетнего и его явку с помощью иной меры пресечения. Отметим также, что в отношении некоторых подсудимых, которым во время предварительного следствия была избрана мера пресечения заключение под стражу, суд изменил ее в связи с вынесением приговора, не связанного с лишением свободы осужденного либо с применением отсрочки исполнения приговора. Причем вывод о нецелесообразности лишения свободы был обоснован и судом, по существу, на основе анализа тех же доказательств, характеризующих обстоятельства совершения преступления и личность несовершеннолетнего обвиняемого, которые были получены до ареста этих лиц на предварительном следствии.

Г. М. Миньковский отмечает, что эффективным арест следует признать лишь тогда, когда он является единственно возмож-

ной мерой пресечения [4, с. 501], а лишение свободы, ограничение прав и законных интересов несовершеннолетнего — необходимыми и оправданными.

Согласно ст. 155 УПК УССР, заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по делам о преступлениях, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года. В данном случае закон не делает различий между взрослыми и несовершеннолетними обвиняемыми. Думается, следует установить, что заключение под стражу в качестве меры пресечения в отношении несовершеннолетних может применяться по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше трех лет. Это в большей степени соответствовало бы гуманной направленности нашего законодательства, регулирующего производство по делам этой категории, а также создало бы возможность в необходимых случаях применить отсрочку исполнения приговора несовершеннолетнему.

Закон о прокуратуре СССР (ст. 30) обязывает прокурора при даче санкции на арест несовершеннолетнего лично ознакомиться с материалами дела и допросить обвиняемого (подозреваемого) по существу обвинения и по обстоятельствам, связанным с применением меры пресечения.

Анализ уголовных дел показал, что в ряде случаев допрос несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) при решении вопроса о заключении его под стражу производился следователем, а прокурор лишь отмечал в протоколе допроса, что он «присутствовал при допросе», либо делалась отметка, что допрос произведен «с участием прокурора».

Неединичны случаи, когда при даче санкции на арест несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) прокурор вообще не участвовал в допросе этого лица, а лишь занимался материалами дела.

Такая практика не соответствует требованиям закона и должна рассматриваться как грубое нарушение прав несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) на защиту. Следует иметь в виду, что допрос — не самоцель: перед прокурором стоит задача при непосредственном общении с несовершеннолетним оценить характер содеянного, данные, характеризующие личность обвиняемого (подозреваемого), с тем, чтобы правильно решить вопрос о необходимости избрания самой строгой меры пресечения или возможности применения иной, не связанной с лишением свободы. Необходимость личного допроса несовершеннолетнего обвиняемого прокурором в такой ситуации обусловлена исключительным характером меры пресечения, применяемой к несовершеннолетним.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Зинатуллин З. З. О методах улучшения эффективности уголовно-процессуальных категорий.— В сб.: Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976, с. 55—67. 3. Кон И. С. Психология старшеклассника. М., 1980. 151 с. 4. Миньковский Г. М. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М., 1981. 501 с. 5. Уголовный процесс в европейских социалистических государствах. М., 1978. 360 с.

Поступила в редколлегию 22.12.83.

А. Н. ТОЛОЧКО

Харьков

МОТИВИРОВКА ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

Советское уголовно-процессуальное законодательство, регулируя деятельность по раскрытию преступлений, изобличению и наказанию виновных, предусматривает комплекс мер по охране прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. При отсутствии оснований для уголовной ответственности правовым средством реабилитации лица, преданного суду, выступает оправдание. Сущность оправдания заключается в установлении судом в судебном заседании отсутствия оснований для уголовной ответственности подсудимого [6, с. 6].

Процессуальным актом, содержащим оправдание, является оправдательный приговор. Законный, обоснованный и справедливый оправдательный приговор как акт социалистического правосудия осуществляет задачи социалистического правосудия, повышает его авторитет, укрепляет доверие к суду. Являясь актом реагирования на необоснованное обвинение, он восстанавливает доброе имя и честь лица, незаслуженно привлеченного к уголовной ответственности. Значение института оправдательного приговора не может и не должно снижаться. Поэтому проблема вынесения качественных, т. е. законных, обоснованных и справедливых оправдательных приговоров как актов социалистического правосудия, занимает важное место в деятельности судов. Разрешению проблемы во многом способствует правильная мотивировка оправдательного приговора.

Закон устанавливает следующие основания вынесения оправдательного приговора: 1) не установлено событие преступления; 2) в деянии подсудимого нет состава преступления; 3) не доказано его участие в совершении преступления (ст. 43 Основ уголовного судопроизводства, ст. 327 УПК УССР, ст. 309 УПК РСФСР). Важно отметить, что независимо от основания постановления оправдательный приговор полностью реабилитирует подсудимого, устанавливает его невиновность [1, с. 21].

При оправдании подсудимого по первым двум основаниям суд должен достоверно доказать отсутствие события преступления (первое основание) или отсутствие состава преступления (второе основание). В науке советского уголовного процесса не сложилось единое мнение в отношении гносеологической и правовой природы третьего основания оправдания подсудимого, а также обоснования его в приговоре. По этому основанию подсудимый оправдывается, во-первых, ввиду неустранимых сомнений в его виновности, т. е. когда суд, исследуя собранные по делу доказательства, приходит к выводу о том, что виновность подсудимого в совершении инкриминируемого ему деяния не доказана и не может быть доказана даже если дело возвратить на доследование, поскольку исчерпаны все возможности для собирания доказательств. Во-вторых, по названному основанию подсудимый оправдывается ввиду положительно доказанной его невиновности в совершении действий, за которые он был предан суду (например, достоверно установлено в судебном заседании, что в момент совершения преступления подсудимый находился в другом месте). Приведенные ситуации соответствуют объективному положению вещей и их следует считать самостоятельными основаниями оправдания. Поэтому наряду с указанными в законе основаниями следует сформулировать такое основание оправдания, как «подсудимый не совершал тех действий, за которые он предан суду».

Поскольку действующее основание оправдания «не доказано участие подсудимого в совершении преступления» соответствует реальной действительности, которая порой складывается по уголовному делу, то вряд ли оно нуждается в изменении. При вынесении оправдательного приговора по такому основанию в гносеологическом аспекте имеет место субъективная вероятность [2, с. 130; 7, с. 6—10]. Заключается она в том, что суд не располагает достаточными доказательствами, свидетельствующими о виновности подсудимого, и поэтому, в силу презумпции невиновности, делает категорический вывод о недоказанности участия подсудимого в совершении преступления, о его невиновности [5, с. 54].

На наш взгляд, нельзя согласиться с позицией тех авторов, которые считают, что при оправдании подсудимого за недоказанностью его участия в совершении преступления все выводы судей являются либо только предположительными [3, с. 19], либо только истинными [8, с. 46]. При решении этой проблемы следует выделить в знаниях судей элементы, доказанные достоверно, и те, которые в силу недостаточности доказательств основаны на предположениях. В данном случае судьи располагают истинными и достоверно доказанными знаниями о событии и составе преступления и вероятными знаниями о виновности подсудимого в его совершении, которые не дают возможности сделать категорический и единственно возможный вывод о ви-

новности подсудимого. Это положение следует учитывать при мотивировке названного основания оправдания.

При оправдании подсудимого по такому основанию, как «подсудимый не совершил тех действий, за которые предан суду», судьи устанавливают достоверно, что совершено событие, оно содержит элементы состава преступления и, что лицо не участвовало в его совершении. Поэтому уголовное дело после вступления приговора в законную силу должно быть направлено прокурору для установления лица, совершившего преступление.

Требую обязательной мотивировки обвинительного и оправдательного приговора, закон не закрепляет определения этого понятия (ст. 43 Основ уголовного судопроизводства, ст. 334 УПК УССР, ст. 314 УПК РСФСР). В процессуальной литературе под мотивировкой оправдательного приговора понимают обоснование судом оправдания подсудимого по любому из предусмотренных в законе оснований путем приведения и анализа фактических, нормативных и логических мотивов, служащих средством полного опровержения обвинения, по которому обвиняемый предан суду [9, с. 125]. Представляется, что наряду с фактическими и правовыми мотивами, не следует выделять в мотивировке оправдательного приговора логические мотивы. Мотивировка представляет собой логическую операцию по обоснованию констатаций судей о фактах и их юридической оценке, содержащихся в данном акте правосудия, и является логической основой взаимосвязи и взаимообусловленности тех аргументов, которые приводятся судьями в обоснование выводов по делу. Поэтому полагаем, что логичность мотивов есть важнейшее требование (метод) правильности всей системы мотивов оправдательного приговора.

Однако фактическими и правовыми мотивами содержание мотивировки данного акта правосудия не исчерпывается. В ряде случаев в мотивировке оправдательного приговора судьи используют нормы этики, нравственные правила социалистического общества (например, при анализе норм уголовного права, содержащих оценочное понятие). Суждения такого рода являются этическими мотивами.

Таким образом, под мотивировкой оправдательного приговора следует понимать систему фактических, правовых и этических мотивов, приводимых судьями в обоснование оправдания подсудимого по любому из оснований, предусмотренных в законе. Каждому из перечисленных видов мотивов присущ свой собственный объект и определяемая объектом структура данного вида мотивировки. Мотивы оправдательного приговора носят самостоятельный характер и могут быть обжалованы (опротестованы) указанными в законе субъектами уголовно-процессуальной деятельности (ст. 347 УПК УССР, ст. 325 УПК РСФСР).

Фактические мотивы представляют собой суждения судей, основанные на доказательствах и фактических обстоятельствах, установленных с помощью этих доказательств. В структуру фактических мотивов входят также суждения, основанные на различного рода положениях естественных наук, профессиональном и житейском опыте судей. Фактические мотивы отражают анализ доказательств с точки зрения их достоверности или вероятности, относимости и допустимости. Они объясняют, в силу каких причин суд отверг обвинительные доказательства и положил в основу своих выводов оправдательные. Кроме этого, фактические мотивы характеризуют убежденность судей в правосудности принятого решения, иными словами, являются материализацией судейского убеждения.

Правовые мотивы — это суждения, основанные на положениях, сформулированных в нормах уголовного и другого материального права, а также процессуального права. С их помощью суд оспаривает наличие в деянии элементов состава преступления. Аналогичную роль в обосновании оправдательного приговора выполняют этические мотивы — суждения судей, основанные на нормах этики.

Мотивировка оправдательного приговора выражает его существо, облегчает функционирование этого процессуального акта в соответствующей информационной системе [2, с. 109—128]. Являясь важнейшим элементом формы и содержания оправдательного приговора, она показывает, соответствуют ли выводы суда, положенные в основу решения, обстоятельствам, имевшим место в действительности и установленным в судебном разбирательстве. Ясность мотивов придает оправдательному приговору убедительность, формирует у советских граждан уверенность в его правосудности, повышает авторитет социалистического правосудия.

Надлежащая мотивировка судом в приговоре оснований оправдания — условие, обеспечивающее свободу обжалования (опротестования) субъектами уголовно-процессуальной деятельности мотивов и оснований оправдания. Она способствует правильному пониманию сущности приговора иными субъектами, например, субъектами общественного мнения. В этом случае мотивировка является одним из факторов формирования общественного мнения и создания обстановки реабилитации подсудимого.

Направленность мотивировки оправдательного приговора зависит от оснований оправдания. Оправдывая подсудимого за отсутствием события преступления, суд должен обосновать вывод об отсутствии в действительности явления, которое считалось совершившимся. Достигается это, в одних случаях, путем признания порочности доказательств, собранных в ходе расследования, их некачественности, т. е. неотносимости либо недопу-

стимости. В других—иной оценкой доказательственного материала, собранного на предварительном следствии. В последнем случае суд показывает логическую несостоятельность выводов органов расследования, обосновывая, что из данной совокупности доказательств следует: события, в совершении которого обвинялся подсудимый, в действительности не было.

Оправдывая подсудимого по такому основанию, как отсутствие состава преступления, суд констатирует, что из установленных в судебном заседании фактических обстоятельств не следует вывод о наличии в деянии элементов состава преступления. Другими словами, суд дает иную, чем при предании обвиняемого суду, юридическую оценку деяния, считая, что оно не преступно. В мотивировке указывается, какие из предусмотренных в законе элементов состава преступления не присущи деянию и почему оспаривается его правовая природа.

При оправдании подсудимого, когда установлено, что он не участвовал в совершении деяния, за которое предан суду, суд обосновывает вывод о том, что деяние было в действительности совершено, оно содержит признаки состава преступления, однако подсудимый не участвовал в его совершении.

Вынося оправдательный приговор за недоказанность участия подсудимого в совершении преступления, суд мотивирует достоверность выводов об установлении события и состава преступления, а также приводит доказательства, подтверждающие невиновность подсудимого в совершении преступления. Кроме этого, суд объясняет, в силу каких причин невозможно дальнейшее собирание доказательств, достоверно устанавливающих виновность либо невиновность подсудимого.

Для усиления реабилитации подсудимого, оправданного по названному основанию, высказано предложение о том, чтобы не оглашать и не выдавать на руки описательно-мотивировочную часть такого оправдательного приговора, не сообщать данное основание и мотивы оправдания широкому кругу лиц [4, с. 180—181]. Применение таких мер неприемлемо, поскольку снижает авторитет и воспитательное значение оправдательного приговора. Достаточной гарантией полной реабилитации оправданного по этому основанию лица служит положение закона о недопустимости включения в оправдательный приговор формулировок, ставящих под сомнение невиновность оправданного (ст. 334 УПК УССР, ст. 314 УПК РСФСР), а также обязанность судей указывать в резолютивной части оправдательного приговора о признании подсудимого невиновным и по суду оправданным (ст. 335 УПК УССР).

Список литературы: 1. *Бажанов М. И.* Законность и обоснованность основных судебных актов в советском уголовном судопроизводстве. Автореф. дис. ... д-р юрид. наук. Х., 1966. 34 с. 2. *Грошевой Ю. М.* Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Х., 1979. 144 с. 3. *Заблоцкий В. Г.* Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. Автореф. дис.

... канд. юрид. наук. Иркутск, 1971. 20 с. 4. *Либус И. А.* Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. 232 с. 5. *Моговиловкер Я. О.* О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль, 1978. 96 с. 6. *Пастухов М. И.* Процессуально-правовые аспекты оправдания подсудимого. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1983. 20 с. 7. *Стойко Н. Г.* Недоказанность обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1984. 103 с. 8. *Строгович М. С.* Об оправдании ввиду недоказанности участия подсудимого в совершении преступления. — Правоведение, 1983, № 5, с. 45—52. 9. *Якимов П. П.* Мотивировка оправдательного приговора. — В кн.: Применение норм процессуального права. Свердловск, 1977, вып. 57, с. 114—125.

Поступила в редколлегию 28.11.84.

В. А. ЖУРАВЕЛЬ

Харьков

**ДОПРОС ПОТЕРПЕВШЕГО: ОЦЕНКА ВОСПРИЯТИЯ
И ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Потерпевший, и главным образом, в тех преступлениях, где он подвергается непосредственному воздействию со стороны преступника, располагает наиболее полными сведениями о событии преступления в целом, внешности преступника, его поведении, характере и размере причиненного вреда, иных обстоятельствах преступления. Поэтому его показания—наиболее ценный источник доказательств. Они обуславливают избрание направления расследования, способы задержания и изобличения виновного в совершенном преступлении. Однако при определении тактики допроса потерпевшего, как и при оценке его показаний, важно учитывать совокупность факторов, влияющих на формирование его показаний, степень достоверности последних. Так, данные анкетирования и интервьюирования показывают, что 47,8 % потерпевших сообщали сведения, соответствующие действительности; 36,4 % — заблуждались; 9,6 % — давали заведомо ложные показания; 6,2 % — не сумели сообщить информацию, имеющую значение для расследования.

Для избрания следователем тактики допроса потерпевшего и оценки его результатов определенное значение имеет учет эмоциональных факторов в восприятии. Потерпевший как лицо, пострадавшее от преступления, проявляет определенное отношение к случившемуся. Чувства, настроения, переживания потерпевшего — соответствующие эмоциональные отклики на самые различные явления действительности. Они выполняют как сигнальную, так и регулятивную функции, управляя всем ходом восприятия [5, с. 28—36; 7, с. 220].

Восприятие события преступления у потерпевших происходит под влиянием положительных и отрицательных, глубоких и поверхностных, продолжительных или кратковременных чувств, проявление которых обусловлено индивидуальными особенностями человека и конкретной ситуацией восприятия. Такие эмоциональные состояния не однозначно влияют на ход восприятия, способствуя или препятствуя этому процессу. Например, восприятие времени изменяется в зависимости от эмоционального состояния лица. Положительные эмоции дают иллюзию быстрого течения времени, отрицательные — субъективно несколько растягивают временные промежутки [3, с. 279; 8, с. 264—265]. Так, значительная часть преступлений (грабеж, разбой, хулиганские действия, нанесение телесных повреждений) — события быстротечные и воспринимаются в течение нескольких минут или секунд, однако потерпевшие, получившие при этом травму, склонны преувеличивать длительность действия преступников. Данные анкетирования и интервьюирования показывают, что болевые ощущения повлияли на достоверность показаний 2,4 % от общего числа подвергнутых исследованию потерпевших.

К субъективным факторам, влияющим на восприятие и интерпретацию события или предмета, следует отнести и такие эмоциональные состояния, как стресс, фрустрация, испуг и страх. Указанные эмоциональные реакции наиболее проявляются у потерпевших.

Стресс или напряженность обычно возникают в момент опасности или при необходимости принимать быстрые и важные для личности решения. В таком состоянии, как правило, находится человек, оказавшийся жертвой преступления. При этом у него нарушаются внимание и мышление, он плохо слышит, заторможен, медленно соображает и принимает правильные решения, воспринятые им факты носят отрывочный, неполный характер.

Потерпевший, который не смог противостоять нападению преступника и которому преступлением причинен значительный материальный, моральный или физический вред, может находиться в состоянии фрустрации (растерянности). Внешне фрустрация проявляется в виде активных (агрессивных) реакций либо депрессивного состояния [2, с. 124—125]. Для депрессивного состояния типичны чувство печали, создание неуверенности, безнадежности, а иногда отчаяние, полная утрата веры в будущее. В таком состоянии обычно пребывают потерпевшие по делам об изнасиловании. Активное проявление состояния фрустрации характеризуется крайне эмоциональной подвижностью, выражающейся в сложной совокупности различных эмоций (тоска, злоба, грубость, гнев и т. п.) [4, с. 137—139]. Такого рода реакции наблюдаются у потерпевших по делам о разбойных нападениях, мошенничестве, кражах личного имущества. При этом гнев, злоба, агрессивное состояние, проявляющиеся

по отношению к преступнику, отрицательно сказываются на объективности излагаемых фактов. В подобном состоянии наблюдается гиперболизация роли преступника в реализации преступного намерения. Изучение причин, вызвавших заблуждение потерпевших, показало, что негодование, состояние отчаяния, ненависти, обиды, возмущения повлияли на достоверность 4 % допрашиваемых.

Преступления, где потерпевший подвергается непосредственному воздействию со стороны преступника, обычно сопряжены с осознанием опасности, которая, в свою очередь, порождает у человека чувство страха. Данные анкетирования и интервьюирования показывают, что чувство страха повлияло на полноту и объективность показаний 13 % от общего числа потерпевших. Такое состояние порождает сужение сознания, снижение полноты и точности восприятия, неверность оценки ситуации. Практике расследования известны случаи, когда потерпевшие под влиянием чувства страха гиперболически характеризовали внешность преступника, указывая на его огромный рост и крепкое телосложение, вместо двух нападавших указывали пять и более, обыкновенную палку воспринимали как нож, детский пистолет как боевое оружие и т. д. Данные факты важно учитывать при оценке показаний потерпевшего, так как чувство страха, стресс и фрустрация приводят к искаженному восприятию и неправильной интерпретации события преступления потерпевшим.

Тактические приемы допроса в подобных ситуациях должны быть, главным образом, направлены на обнаружение указанных искажений и их нейтрализацию. При этом необходимо нейтрализовать отрицательное воздействие последствий преступления на психику потерпевшего и устранить из его показаний все недостоверное, являющееся результатом ошибочного восприятия, фантазирования или внушения [1, с. 38].

Обнаружение искажений в показаниях потерпевшего происходит путем сопоставления имеющихся в деле данных с показаниями потерпевшего, а также в результате изучения характера сообщаемой им информации, посредством постановки контрольных и детализирующих вопросов. С целью успешной нейтрализации ошибок в показаниях потерпевшего можно рекомендовать постановку дополняющих и напоминающих вопросов, допрос на месте происшествия, в необходимых случаях — проведение очных ставок.

Эффективным средством получения от потерпевшего объективных, развернутых показаний является предъявление в ходе допроса вещественных доказательств, документов и оглашение показаний свидетелей-очевидцев и подозреваемых. Широкое использование этого тактического приема обусловлено, главным образом, его наглядностью. Так, исследования, проведенные

А. Б. Соловьевым, показали, что в целом доказательства использовались на каждом двенадцатом допросе потерпевших и свидетелей, причем в 92,2 % случаев от общего числа они представлялись допрашиваемым с тем, чтобы сориентировать их на объективное освещение обстоятельств события и получение развернутых показаний [6, с. 19].

Таким образом, знание следователем порядка формирования показаний, а также субъективных и объективных факторов, обуславливающих этот процесс, определяет избрание тактических приемов допроса потерпевшего и способствует правильной оценке его показаний.

Список литературы: 1. *Закатов А. А.* Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии. Волгоград, 1976. 72 с. 2. *Левитов Н. Д.* Фрустрация как один из видов психических состояний. — Вопросы психологии, 1967, № 6, с. 118—129. 3. *Общая психология*/Под ред. А. В. Петровского. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1977. 479 с. 4. *Плотичер А. И.* Некоторые соображения по вопросу о фрустрации. — Вопросы психологии, 1969, № 2, с. 137—139. 5. *Путляева Л. В.* О функциях эмоций в мыслительном процессе. — Вопросы психологии, 1979, № 1, с. 28—36. 6. *Соловьев А. Б.* Использование доказательств при допросе. М., 1981. 104 с. 7. *Тихомиров О. К.* Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969. 304 с. 8. *Элькин Д. Г.* Восприятие времени. М., 1962. 311 с.

Поступила в редколлегию 14.12.83.

В. В. УСТИМЕНКО, канд. юрид. наук

Харьков

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Вопрос об осознании субъектом признаков, определяющих его как специального, долгое время в литературе не обсуждался. Обычно указывали, что сознанием виновного охватываются лишь признаки, относящиеся к объективной стороне посягательства, характеризующие его предмет и объект [5, с. 413—414]. Почти общепризнанным является тезис В. Н. Кудрявцева, полагающего, что субъективная сторона — это своеобразная «модель» объективной стороны состава в психике субъекта [4, с. 171]. Ю. А. Демидов считает, что «умысел включает сознание тех свойств специального субъекта, которые являются конститутивными признаками общественно опасного деяния» [3, с. 9]. В. Д. Меньшагин в учебниках по Общей части писал, что поскольку в описании состава преступления указаны признаки специального субъекта, постольку сознанием виновного в данном случае должны охватываться и эти особенности субъекта [7, с. 165; 8, с. 153]. П. С. Дагель отмечает, что «сознание признаков специального субъекта входит в содержание умысла потому, что

они, определяя правовое положение субъекта, неразрывно связаны с лежащими на субъекте специальными обязанностями» [1, с. 84].

Против этих суждений высказался А. И. Рарог, который считает, что специальные признаки, характеризующие субъекта, не являются объективной характеристикой общественно опасного деяния, поэтому их отражение сознанием виновного не является элементом умысла [6, с. 29].

С утверждениями А. И. Рарога трудно согласиться. Хотя законодатель при описании умысла (прямого и косвенного) прямо не включает в его содержание осознание признаков специального субъекта, однако они всегда охватываются сознанием виновного. Такое положение прежде всего вытекает из системного характера состава преступления, который представляет собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Осознание одного из элементов (признаков) состава обязательно влечет осознание (в общих чертах или более конкретно) и других признаков (элементов). Далее, осознание, например, признаков специального субъекта, в частности должностного положения лица, обусловлено тем, что указанный субъект в процессе совершения преступления всегда преступно использует свое социальное свойство (положение), которое и характеризует его как специального. Так, преступление, предусмотренное ст. 165 УК УССР, выражается в том, что общественно опасное деяние совершается должностным лицом в пределах предоставленных ему прав, в связи с занимаемой должностью, с использованием своего служебного положения, которое и характеризует субъекта преступления как специального. Или, при вынесении заведомо неправосудного приговора, решения или определения (ст. 176 УК УССР) виновный всегда преступно использует тот объем полномочий, которыми он наделен как судья, и т. п.

Таким образом, не вызывает сомнения, что сознательное использование социальных свойств, которые и характеризуют виновного как специального субъекта при совершении общественно опасного деяния, предопределяет отражение признаков такого субъекта, притом конкретное, в сознании виновного.

В содержание умысла входит и осознание признаков специальных субъектов, относящихся к личности виновного. Так, в ч. 1 ст. 108 УК УССР предусмотрена уголовная ответственность за заведомое поставление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью. В этом случае лицо всегда осознает наличие у него венерического заболевания (признак специального субъекта). Законодатель пользуется указанием на «заведомость», что и предполагает осознание факта болезни. Более того, если лицо не осознает признака специального субъекта (наличия у него венерической болезни), то его ответственность исключает-

ется. Равным образом сознанием виновного охватываются и такие признаки специальных субъектов, как прежняя судимость, наличие административного взыскания, особо опасный рецидив. Лицо достоверно знает о наличии этих свойств на его стороне, причем характерно, что, как правило, виновный понимает и те правовые последствия, которые наступят при совершении им повторных преступлений.

Изложенное дает основание заключить, что в содержание умысла входит и осознание признаков специального субъекта. Причем, если осознание общественной опасности деяния носит, как правило, общий характер и предопределяется жизненным опытом, образованием, общей культурой и т. п., то осознание признаков специального субъекта при умышленной форме вины со стороны лица более конкретно. Такая конкретность осознания обусловлена объективными факторами, о наличии которых лицо достоверно знает (например, предупреждение органов здравоохранения о имеющемся заболевании, приговор суда, создающий судимость, и т. п.).

Вопрос же о том, охватываются ли или должны охватываться сознанием виновного признаки состава, характеризующие его как специального субъекта, при неосторожной вине, в литературе еще не был рассмотрен.

Преступная самонадеянность и небрежность как виды преступной неосторожности «имеют единые психологические корни, порождаются одинаковыми отрицательными чертами личности: недостаточной осмотрительностью, невнимательностью, отсутствием заботы об общественных интересах» [1, с. 120]. В то время, когда психологическая основа видов неосторожной вины едина, психическое отношение виновного к признакам, характеризующим его как специального субъекта, различно, не совпадает по объему и содержанию.

Представляется, что при преступной самонадеянности сознанием виновного всегда охватываются признаки состава, характеризующие его как специального субъекта. Преступная самонадеянность имеет место, когда лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, но легкомысленно рассчитывало на его предотвращение. В таких случаях виновный легкомысленно основывает расчет на предотвращение (ненаступление) преступных последствий именно на тех обстоятельствах, которые и характеризуют его как специального субъекта. Так, лицо, управляющее транспортным средством, увеличивая скорость на крутом повороте, безусловно, предвидит возможность наступления общественно опасного последствия. Вместе с тем в его сознание входит и расчет на предотвращение таких последствий, который может основываться, в частности, на профессиональной подготовленности, продолжительности стажа работы в качестве водителя и т. д. Расчет опирается именно на те обстоятельства, которые и выступают в этом

случае в качестве признака специального субъекта. В отдельных составах необходимость осознания признаков специального субъекта прямо указана в законе. Так, заражение венерическим заболеванием может быть совершено и по преступной самонадеянности, когда лицо осознает наличие у него венерической болезни, т. е. признака, который характеризует его как специального субъекта.

При преступной небрежности признаки специального субъекта должны и могут охватываться сознанием виновного. Преступная небрежность состоит в том, что лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния, хотя должно и могло их предвидеть. Применительно к преступлениям со специальным субъектом, совершение которых возможно по преступной небрежности, обязанность предвидения наступления общественно опасных последствий носит опосредованный характер, происходит через обязанность осознания в первую очередь тех обстоятельств, которые характеризуют виновного как специального субъекта. Это наглядно видно на примере халатности (ст. 167 УК УССР). Должностное лицо, совершая преступление по преступной небрежности, не предвидит наступления общественно опасного последствия, хотя должно и могло предвидеть, что невыполнение им своих служебных обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения может причинить существенный вред государственным или общественным интересам, или охраняемым законом правам и интересам отдельных граждан. Долженствование осознания этим лицом возможности наступления общественно опасного последствия происходит в результате осознания им своего служебного положения, которое и выступает признаком специального субъекта. Поэтому требование закона о долженствовании осознания при преступной небрежности распространяется не только на общественно опасные последствия, но и на признаки, характеризующие лицо как специального субъекта.

С учетом изложенного следует заключить, что при совершении преступления по преступной самонадеянности сознанием виновного охватываются, а при преступной небрежности должны охватываться признаки, характеризующие его как специального.

Список литературы: 1. *Дагель П. С.* Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. 142 с. 2. *Дагель П. С., Котов Д. П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. 243 с. 3. *Демидов Ю. А.* Умысел и его виды по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964. 16 с. 4. *Кудрявцев В. Н.* Общая теория квалификации преступления. М., 1972. 349 с. 5. *Курс советского уголовного права.* Часть Общая. Л., 1968. Т. 1. 643 с. 6. *Рарог А. И.* Общая теория вины в уголовном праве. М., 1980. 90 с. 7. *Советское уголовное право.* Часть общая. М., 1969. 370 с. 8. *Советское уголовное право.* Часть Общая. М., 1974. 441 с.

Поступила в редколлегию 12.10.84.

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ МИЛИЦИИ ПО ЕГО
ОБЕСПЕЧЕНИЮ**

На XXVII съезде КПСС была подчеркнута социальная значимость и острота жилищной проблемы, поставлена задача к 2000 году обеспечить каждую семью отдельной квартирой или домом [1]. С правом граждан на жилище тесно связано конституционное право граждан на его неприкосновенность. И все же это два разных субъективных права, имеющие различное социальное назначение. Право на неприкосновенность жилища возникает тогда, когда лицо проживает в жилище на законных основаниях, причем понятие «жилище» шире понятия «квартира». Такое право принадлежит и лицам, которые являются временными жильцами общежитий, гостиниц, домов отдыха, санаториев, туристических палаток, дач и т. д. [4, с. 63]. Это право гарантирует ст. 55 Конституции СССР, в которой сказано: «Никто не имеет права без законного основания войти в жилище против воли проживающих в нем лиц». Его осуществление обеспечивается конституционными нормами, устанавливающими обязанность всех государственных органов, общественных организаций, должностных лиц охранять права и свободы граждан (ст. 57 Конституции), а также возможностью граждан обжаловать действия должностных лиц государственных и общественных органов. «Жалобы должны быть рассмотрены в порядке и в сроки, установленные законом» (ст. 58 Конституции).

В научной литературе содержатся различные характеристики содержания права на неприкосновенность жилища. Так, Ф. М. Рудинский определяет его как право «граждан на охрану со стороны государства своего жилища от незаконных вторжений, обысков и других посягательств со стороны должностных лиц и отдельных граждан» [6, с. 28]. И. Е. Фарбер и Л. О. Красавчикова рассматривают это право как одно из правомочий, обеспечивающих неприкосновенность личности [7, с. 16; 4, с. 57—71]. С. Л. Лысенков пишет: «Это право тесно связано с правом на жилище и выражает свободу личности от незаконных проникновений в сферу личной жизни» [5, с. 31]. Л. Д. Воеводин включает в право на неприкосновенность жилища недопущение незаконных вторжений не только в жилые, но и в подсобные помещения граждан [3, с. 145].

Л. О. Красавчикова различает три вида ситуаций при вхождении в жилище граждан помимо их воли: вхождение в жилище

без достаточных оснований; при наличии фактической необходимости; при наличии юридической необходимости [4, с. 68—70].

Приведенные характеристики неприкосновенности жилища требуют, на наш взгляд, дополнений и уточнений. Рассматриваемое субъективное право имеет самостоятельный характер, определяемый тем, что оно закреплено отдельной — 55 статьей Конституции СССР; обеспечивает не только сферу охраны личной жизни граждан, но и недопустимость незаконного уплотнения (при незаконном вселении), незаконного лишения права на жилище (при незаконном выселении), право выбора гражданином места своего жительства (при незаконном переселении); его объектом является не только квартира, но и подсобные помещения граждан (сарай, погреб, чердак и др.), а также участки местности (например, приусадебный участок и др.).

Поэтому неприкосновенность жилища целесообразно определить как личное субъективное право советских граждан, защищающее их от незаконного вхождения без достаточных оснований в жилище и подсобные помещения со стороны кого бы то ни было, гарантирующее соблюдение законности со стороны входящих в помещение лиц при наличии фактической и юридической необходимости, а также предоставляющее возможность защиты от незаконных действий и восстановления нарушенного права.

В реализации конституционного права на неприкосновенность жилища принимают участие различные государственные органы, в том числе и органы милиции. В основе компетенции последней лежит обязанность в установленных законом случаях охранять неприкосновенность жилища и пресекать нарушения (например, администрацией гостиницы и общежитий, должностными лицами и отдельными гражданами). Для этого милиция наделяется соответствующими правами. Запрет на вхождение в жилище распространяется и на самих работников милиции, за исключением специально оговоренных в законе случаев (осмотр места происшествия, обыск, выемка, административное выселение, вселение, при пресечении преступлений, обоснованной проверке соблюдения правил паспортной системы и др.).

Однако в ряде случаев в законодательстве отсутствует должная детализация процедуры и пределов деятельности милиции в данном направлении. Следствием этого может явиться недостаточно четкое представление отдельных ее работников о своих правах и обязанностях, что таит в себе потенциальную возможность злоупотреблений и нарушения законности [8, 1984, 4 янв.]. Так, применительно к ситуации выселения граждан с занимаемой ими жилой площади в судебном и административном порядке в соответствии со ст. 7 Основ жилищного законодательства и ст. 9 Жилищного Кодекса УССР отсутствует четкая регламентация правомочий, форм и пределов деятельности работников милиции, их взаимоотношений с другими государ-

ственными органами и должностными лицами, участвующими в выселении, а также должная регламентация ряда иных процедурных вопросов. В этой связи надо отметить необходимость издания специально-ведомственной инструкции, детально регламентирующей основания, порядок и условия деятельности работников милиции при выселении.

Целесообразно, на наш взгляд, конкретизировать пункт «б» ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1983 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью», в котором сказано, что работники милиции вправе «входить в жилые помещения при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений или иных нарушений, угрожающих общественному порядку или личной безопасности граждан» [2, 1973, № 24]. Из приведенного текста не вполне ясно, что именно вкладывает законодатель в понятие «нарушения, угрожающие общественному порядку». Полагаем, что обеспечение неприкосновенности жилища исключает чрезмерно широкое толкование данной правовой нормы. Поэтому в п. «б» ст. 7 Указа, думается, целесообразно уточнить, что речь идет о вхождении в жилище «для пресечения административно-правовых нарушений, угрожающих общественному порядку».

Что касается первой части пункта «б» ст. 7 Указа, закрепляющей за работниками милиции право входить в жилые помещения при преследовании лиц, подозреваемых в совершении преступлений, то в практике не редки прямо не регламентированные законодательством случаи, когда в целях задержания подозреваемого в совершении преступления работники милиции организуют засады в жилых помещениях. Жильцы таких квартир, как правило, не препятствуют в этом работникам милиции. Однако в отдельных случаях они не желают, чтобы в их жилище оставались работники милиции, хотя последним это необходимо для задержания подозреваемого. Поэтому представляется целесообразным дополнить пункт «б» ст. 7 Указа формулой «при преследовании и для задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления».

При осуществлении контроля за соблюдением правил паспортной системы работникам милиции предоставлено право «входить в жилые помещения, как правило, в дневное время для проверки соблюдения правил паспортной системы при наличии достоверных данных об их нарушении» [2, 1973, № 24]. Существует практика, когда работники милиции входят в жилые помещения граждан не только при наличии достоверных данных о нарушении правил паспортной системы, но и в других случаях (например, при наличии достоверных данных о том, что в квартире собрались лица из числа уголовно-преступного элемента, и др.). Видимо, назрела необходимость изменить текст названного Указа, предоставив возможность работникам

милиции входить в жилище граждан для осуществления проверки соблюдения правил паспортной системы независимо от наличия достоверных данных об их нарушениях.

Представляется, что предлагаемые изменения законодательства будут способствовать дальнейшему усилению гарантий конституционного права граждан на неприкосновенность жилища, такому осуществлению этого права, которое в наиболее полной мере обеспечит сочетание интересов личности и всего социалистического общества.

Список литературы: 1. *Правда*, 1986, 26 февр. 2. *Ведомости* Верховного Совета СССР. 3. *Воеводин Л. Д.* Конституционные права и обязанности советских граждан. М., 1972. 221 с. 4. *Красавчикова Л. О.* Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983. 125 с. 5. *Лысенков С. Л.* Развитие правового статуса советских граждан в Конституции СССР 1977 г. и задачи органов внутренних дел по обеспечению его реализации. К., 1980. 217 с. 6. *Рудинский Ф. М.* Неприкосновенность жилища как правовой институт. — *Сов. гос-во и право*. 1976, № 8, с. 7—11. 7. *Фарбер И. Е.* Конституционное право на неприкосновенность личности советских граждан. — *Правоведение*, 1973, № 3, с. 16—19. 8. *Лит. газ.*

Поступила в редколлегия 07.07.84.

Т. П. БАЗОВА

Харьков

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Исходя из теории о гражданском правоотношении [10; 11] и содержания жилищного законодательства, жилищное правоотношение можно определить как единое гражданско-правовое отношение по передаче (получению) жилого помещения и пользованию предоставленным жилым помещением.

Что же касается основания возникновения жилищного правоотношения, то одни ученые полагают, что таким основанием является договор найма жилого помещения [6, с. 113, 115], другие — ордер на жилое помещение [5, с. 73]. Большинство же цивилистов считают, что для возникновения жилищного правоотношения необходимо наличие сложного юридического состава: вынесение компетентным органом решения о предоставлении жилого помещения, на основании которого выдается ордер на жилье и заключается договор найма жилого помещения [4, с. 177; 7, с. 6]. При этом некоторые авторы высказываются за более широкий состав фактов, образующих жилищное правоотношение [3, с. 7; 1, с. 31]. Кроме названных юридических фактов, в юридический состав они включают решение исполкома,

решение администрации и ФЗМК, утвержденное исполкомом, выдачу ордера, вселение ордеродержателя и заключение письменного договора [12, с. 61].

Думается, что точка зрения, согласно которой основанием возникновения жилищного правоотношения является юридический состав, включающий административный акт в виде ордера и договор жилищного найма, более точно отражает содержание закона, устанавливающего правовое основание на получение и пользование жильем (ст. 58, 61 ЖК УССР).

В ст. 25 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 58 ЖК УССР) установлено, что единственным основанием, дающим право на заселение жилого помещения, является ордер. Иными словами, ордер — единственное основание для возникновения у гражданина права на жилье. Право на жилую площадь есть субъективное право, элемент жилищного правоотношения [2, с. 132].

Ордер, являясь административным актом индивидуального характера, порождает административно-правовые отношения между исполкомом и подчиненным ему юридическим лицом (жилищно-эксплуатационной организацией). Однако из этих административно-правовых отношений возникают и гражданские правоотношения между ЖЭО и лицом, указанным в ордере [9, с. 22]. Характер этих отношений как гражданско-правовых определяется обособленностью их участников в имущественном и организационном плане, самостоятельностью в распоряжении принадлежащими им правами, и, главное, в пределах этой правовой связи происходит наделение лица, указанного в ордере, субъективными правами.

Ордер определяет предмет и субъекты жилищного правоотношения. Такие гражданско-правовые отношения, порожденные ордерами, являются внедоговорными обязательственными отношениями. Гражданин, получивший ордер, вправе требовать от ЖЭО в течение определенного срока (30 дней) предоставления ему указанного в ордере жилого помещения, а ЖЭО обязан в течение этого срока предоставить жилье. Данные отношения обеспечиваются также гражданско-правовой санкцией: ордер не может быть аннулирован в одностороннем порядке, признание его недействительности осуществляется только судом в пределах установленного законом срока исковой давности [ч. 4, ст. 25 Основ, ст. 59 ЖК УССР].

Однако ордер — это только одно из оснований возникновения жилищного правоотношения. Оно выражается в занятии жилого помещения [8, с. 34]. Жилищное правоотношение предполагает, наряду с осуществлением права лица на вселение в жилье, и право пользования жилищем. Поэтому вторым основанием возникновения жилищного правоотношения является заключение на основании ордера договора найма жилого помещения.

Договор найма жилого помещения — основание возникновения права пользования жилым помещением (ст. 61 ЖК УССР). Речь идет о правах и обязанностях ордеродержателя и ЖЭО. Именно в договоре жилищного найма как в завершающей стадии возникновения жилищного правоотношения находит юридическое выражение волеизъявление сторон. Поэтому только после заключения договора найма жилого помещения возникает в полном объеме договорное обязательственное правоотношение — жилищное правоотношение.

На практике встречаются случаи, когда граждане вселяются в указанное в ордере жилье без дальнейшего заключения договора найма жилого помещения. Вселение в этом случае — двоякого рода действие лица, которое, с одной стороны, направлено на реализацию возникшего из административного акта у него права требования передачи помещения в пользование, с другой — на приобретение всей совокупности жилищных прав и обязанностей нанимателя. Вселение лица — односторонне обязывающая сделка. Ордеродержатель, занимая квартиру, совершает в одностороннем порядке сделку в качестве управомоченного по отношению к ЖЭО, принимая на себя не только права, но и обязанности по пользованию жилым помещением. Передача ордеродержателю помещения — односторонне управомочивающая сделка, совершаемая обязанным лицом (ЖЭО) в порядке исполнения вытекающих из ордера обязанностей. Эти две односторонние сделки порождают двустороннее обязательственное правоотношение. Но если в дальнейшем договор найма жилого помещения не был заключен, то такие отношения нельзя признать договорными жилищными правоотношениями [1, с. 34; 12, с. 60].

Характерная особенность жилищных правоотношений — их стабильность. Однако в процессе своего существования данные правоотношения могут изменяться в зависимости от изменения образующих их элементов.

К изменению элементов жилищных правоотношений приводят изменения условий договора найма жилого помещения [7, с. 29]. Изменения договора жилищного найма могут быть связаны с изменением в субъективном составе (на стороне наймодателя или нанимателя), изменением объекта договора или изменением прав и обязанностей участников договора. Изменения условий договора могут быть связаны одновременно и с изменениями субъектного состава и объекта, что влечет изменение и прав, и обязанностей сторон.

Изменение субъектного состава жилищного правоотношения может иметь место при вселении нанимателем нового члена семьи; при признании нанимателем другого члена семьи; при обмене жилыми помещениями.

Так, вселение новых членов семьи производится нанимателем с согласия всех проживающих совместно на данной пло-

щади (ст. 65 ЖК УССР). Новый член семьи приобретает равные права и обязанности с нанимателем и членами его семьи, если при вселении в жилое помещение между ними не было иного соглашения о порядке пользования жильем.

Изменение субъекта правоотношения может быть также в случае, если совершеннолетний член семьи нанимателя с согласия последнего и остальных проживающих совместно с ним членов семьи становится нанимателем по ранее заключенному договору найма жилого помещения вместо прежнего нанимателя (ст. 106 ЖК УССР).

Наниматель жилья имеет право обмена жилого помещения (ст. 79 ЖК УССР). Обмен жилыми помещениями по своей юридической природе — взаимный перенайм, который приводит к замене субъективного состава на стороне нанимателя.

Изменение объекта жилищного правоотношения происходит при переустройстве и перепланировке жилого помещения, при переоборудовании его в результате капитального ремонта.

Переоборудование и перепланировка жилого помещения допускаются с разрешения исполкома местного Совета и с согласия нанимателя, совместно проживающих с ним членов семьи и наймодателя и только в целях улучшения благоустройства жилого помещения (ст. 100 ЖК УССР).

Изменение объекта и субъектного состава жилищного правоотношения обычно имеет место при разделе жилой площади при объединении договором найма.

Юридический состав, наступление которого является основанием раздела жилой площади и заключения нового договора найма жилого помещения, образуют следующие юридические факты: требование выделяющегося члена семьи; возможность выделения изолированного помещения, согласие членов семьи или наличие решения суда, если стороны не пришли к соглашению, о разделе жилья; согласие наймодателя (ст. 104 ЖК УССР).

Изменение договора найма отдельных нанимателей в связи с объединением их в одну семью возможно, если наниматели проживают в одной квартире и объединились в одну семью. Изменение правоотношения в этом случае происходит по требованию указанных нанимателей с заключением одного договора на все занимаемое семьей помещение (ст. 105 ЖК УССР).

Прекращение жилищных правоотношений может быть связано с наступлением определенных юридических фактов (как событий, так и действий). Например, жилищное правоотношение прекращается в случае гибели предмета договора найма жилого помещения или в случае смерти нанимателя.

Поскольку жилищное правоотношение — единое правоотношение по передаче жилья и пользованию предоставленным жилым помещением, то и прекращение его наступает в случае признания ордера на жилище недействительным или при расторжении договора найма жилого помещения. Прекращение

жилищного правоотношения влечет за собой выселение лица из ранее занимаемого помещения.

Прекращение жилищного правоотношения в случае признания ордера на жилое помещение недействительным наступает при следующих юридических фактах: неправомерные действия получивших ордер лиц; нарушение прав других граждан или организаций на указанное в ордере жилое помещение; неправомерные действия должностных лиц при решении вопроса о предоставлении жилого помещения; иные случаи нарушения порядка и условий предоставления жилых помещений; признание ордера недействительным судом в течение срока исковой давности (ч. 4 ст. 25, ст. 117 ЖК УССР).

Расторжение договора жилищного найма возможно как по инициативе нанимателя (ст. 107 ЖК УССР), так и наймодателя (ст. 108 ЖК УССР).

Наниматель имеет право с согласия членов семьи расторгнуть договор и прекратить жилищные правоотношения в любое время, не указывая причин.

Прекращение договора найма по инициативе наймодателя допускается только по основаниям, предусмотренным законом, и, как правило, в судебном порядке (ст. 108 ЖК УССР). Прекращение договора найма влечет за собой выселение всех лиц из занимаемых ими жилых помещений. Укажем, что выселение допускается лишь по основаниям, установленным законом, и, как правило, с предоставлением другого жилого помещения.

Поэтому возникает вопрос о разграничении случаев изменения жилищных правоотношений и их прекращения. Думается, что отличие заключается в том, что при изменении жилищного правоотношения изменяются не все его элементы, в то время как при прекращении жилищного правоотношения все его элементы изменяются полностью и возникают новые элементы, а следовательно, возникает и другое жилищно-правовое отношение.

Список литературы: 1. *Басин Ю. Г.* Вопросы советского жилищного права. Алма-Ата, 1963.—244 с. 2. *Братусь С. Ю.* Рецензия на книгу проф. С. И. Аскания «Советское жилищное право». — Сов. гос-во и право, 1941, № 2, с. 129—136. 3. *Воронина Н. П.* Правообразующие юридические факты в советском жилищном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1982. — 15 с. 4. *Гуревич М.* Основания возникновения жилищного правоотношения. — Ученые записки Пермск. госуниверситета, т. XIX, вып. 4, юрид. наука, 1961, с. 166—185. 5. *Ларкин И. И.* Об оформлении жилищных правоотношений. — Сов. гос-во и право, 1960, № 9, с. 72—78. 6. *Марткович И. Б.* Об основаниях возникновения правоотношений постоянного пользования жилым помещением. — Труды Иркутск. госуниверситета, т. XXII, 1957. Вып. 3, с. 111—140. 7. *Никитин К. П.* Охрана жилищных прав граждан в ведомственных домах. М., 1975.—124 с. 8. *Пергамент А. И.* Договор найма жилого помещения. — Соц. законность, 1982, № 2, с. 34—37. 9. *Сибилев М. Н.* Конституционное право советских граждан на жилище. К., 1981.—44 с. 10. *Толстой Ю. К.* К теории правоотношения. Л., 1959.—87 с. 11. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974.—345 с. 12. *Чигир В. Ф.* Советское жилищное право. Минск, 1968.—226 с.

Поступила в редколлегию 12.05.84.

Горшенев В. М. Теория юридического процесса как комплексное научное образование	3
Мельников Ю. И. О гипотезе, диспозиции и санкции процессуальной нормы	7
Рабинович П. М. Эффективность процессуальных норм: критерии и показатели	11
Оборотов Ю. Н. Процессуальное обеспечение надлежащей реализации права	15
Янковой Ю. В. Процессуальная форма в законодательной деятельности	17
Бенедик И. В. Стадия функционального назначения в юридическом процессе: понятие и признаки	20
Шахов И. Б. Природа и содержание контроля как правовой формы деятельности органов Советского государства	25
Крупин В. Г. Учредительный режим: понятие и основные структурные элементы	29
Орзих М. Ф. Процессуально-правовое обеспечение социалистической законности в государственном управлении	34
Васильев А. С. Правовая организация процесса принятия решений	38
Грищук В. К. Некоторые вопросы истории создания Свода законов Советского государства	43
Харитонов Е. О., Бровченко Н. А. Некоторые процессуальные особенности судебного рассмотрения дел о признании ордера недействительным	47
Тертышников В. И. Арбитражно-процессуальная форма в системе форм защиты хозяйственных прав	52
Грошевой Ю. М., Нор В. Т. Мораль и уголовно-процессуальная деятельность	58
Альперт С. А. Принципы советского уголовного судопроизводства и их роль в формировании правового статуса участников процесса	64
Богинский В. Е. Проверка показаний подозреваемого	70
Голина В. В. Пути повышения предупредительного значения представлений следователя (криминологический аспект)	74
Муравин А. Б. Мотивировка процессуальных решений следователя	78
Шумилин С. Ф. О функциях начальника следственного отдела	82
Богословская Л. А. Сущность законного интереса личности в уголовном судопроизводстве	87
Финько В. Д. Прокурорский надзор в стадии исполнения приговора и пути его совершенствования	93
Ермолаев В. Н. Ф. Э. Держинский — председатель Центральной чрезвычайной комиссии по топливу (Центрчрезкомтоп)	99
Чвялева Е. В. Предмет юридической квалификации	103
Корнев В. О теории «правового государства» в ее российском варианте	106
Гайворонская Т. Н. Некоторые правовые вопросы воспроизводства лесов в СССР	109
Куц В. Н. О непосредственном объеме вымогательства	113
Сибилева Н. В. Некоторые вопросы допустимости доказательств в советском уголовном процессе	116
Рогожин В. А., Омельченко Г. Е. Некоторые вопросы применения мер пресечения к несовершеннолетним обвиняемым	120
Толочко А. Н. Мотивировка оправдательного приговора	124
Журавель В. А. Допрос потерпевшего: оценка восприятия и интерпретации	129
Устименко В. В. Специальный субъект и субъективная сторона преступления	132
Олейник А. Е. Конституционное право советских граждан на неприкосновенность жилища и некоторые вопросы совершенствования компетенции милиции по его обеспечению	136
Базова Т. П. Некоторые вопросы возникновения, изменения и прекращения жилищных правоотношений	139